

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1979

Вчерашний выпускник ТУ, вчерашний новичок на заводе Анатолий Градусов сегодня — хозяин цеха.

▲ Идут занятия.

◄ Директор Запорожского технического училища № 14 Сергей Стефанович Волик.

► На заводской практике: Игорь Саблин, бригадир Анатолий Игнатьевич Емельянов и Виктор Гальчинский.

Будущие помощники машинистов впервые вошли в кабину тепловоза. ▼

ТРИ ИНТЕРВЬЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2692)

10 ФЕВРАЛЯ 1979

Совершенствуется система народного образования. Событием большого социального значения стало осуществление всеобщего среднего образования молодежи. Более чем в два с половиной раза возросло число средних профессионально-технических училищ. Всеми видами обучения охвачено в нашей стране более 95 миллионов человек.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

Игорь Бушуев — будущий токарь.

О НОВИЧКЕ

Б. СМИРНОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

I. БРИГАДИР

— Это было в 1954 году. Мне тогда исполнилось шестнадцать. Жил в Никополе, учился в школе. Неплохо учился. Многие даже удивлялись, когда я после восьмого класса решил уйти из школы. Хотелось куда-нибудь поехать, оторваться от привычной жизни, попробовать что-то сделать самостоятельно. Давно хотелось, а в тот год решился. Взял документы и стал искать адреса технических училищ. Вы спросите: почему училище, что, больше некуда поступать? А мне, смешно сказать, форма очень нравилась — пуговицы, фуражка. Можно было в техникум пойти, а я из-за формы — в училище. Смешно...

Анатолий Игнатьевич Емельянов смущенно улыбнулся. Ему, заслуженному бригадиру Запорожского электровозоремонтного завода имени 50-летия ВЛКСМ, орденоносцу, сейчас и самому все это кажется несерьезным. Но что поделаешь,— было! И стыдиться здесь нечего. Если разобраться, не так уж мало для мальчишки в шестнадцать лет наметить себе определенную цель, пусть даже материализованную в блестящих пуговицах. К тому же он собирался не про-

См. стр. 6.

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

В ЦК КПСС 31 января — 1 февраля состоялась встреча делегации Коммунистической партии Советского Союза в составе члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, члена Политбюро ЦК КПСС А. Я. Пельше, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, секретаря ЦК КПСС М. В. Зимянина, заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. С. Шапошникова с делегацией Компартии Финляндии в составе Председателя партии А. Сааринена, вице-председателя партии Т. Синисало, Генерального секретаря партии А. Аалто, Почетного председателя партии В. Песси, членов Политбюро ЦК КПФ Э. Кивимяки, У. Иокинена, М. Кайнулайнена и О. Пойколайнена.

Во время встречи, прошедшей в обстановке братской дружбы, делегации информировали друг друга о деятельности своих партий, обменялись мнениями по актуальным вопросам современного международного положения, коммунистического и рабочего движения, а также дальнейшего развития дружественных советско-финляндских отношений.

Делегации подтвердили общность взглядов и позиций своих партий по актуальным проблемам международного положения.

Представители КПСС и КПФ заявили, что обе партии и впредь будут прилагать все усилия для сплочения международного коммунистического и рабочего движения на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, в интересах успешной борьбы против империализма и реакции, против любых проявлений антисоветизма и антикоммунизма, за мир и социальный прогресс.

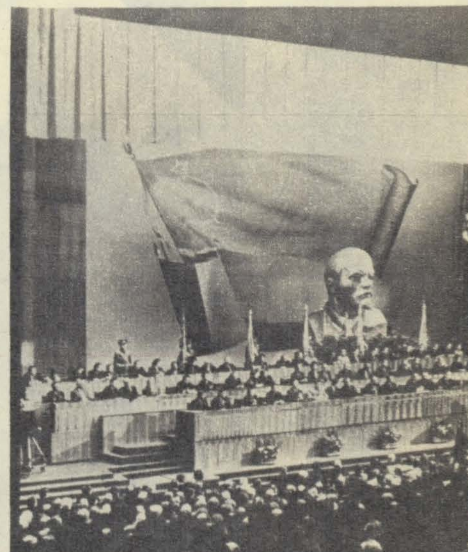
Делегации КПСС и КПФ выразили твердое намерение и впредь развивать традиционно братские связи и сотрудничество между обеими партиями в духе пролетарского интернационализма.

Во время встречи.

Фото В. Егорова (ТАСС)

СЛОВО ПАРТИИ К НАРОДУ

Чувством гордости полнится сердце, когда вчитываешься в строки Обращения ЦК КПСС ко всем избирателям, гражданам СССР. Неиссякаемой верой в правоту и победу ленинского дела, в творческие силы и разум советского народа проникнут этот важнейший политический документ. Верный непреходящей ленинской традиции — советоваться с трудящимися, опираться на коллективный опыт, творческую инициативу и сознательность масс, Центральный Комитет КПСС обратился к советскому народу, чтобы доложить об итогах развития страны за период после прошлых выборов в высший

ФОРУМ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

«Во имя жизни на земле покончить с оружием массового уничтожения, положить конец гонке вооружений» — под таким девизом 2 февраля в берлинском Дворце республики открылась сессия Всемирного Совета Мира. В ее работе приняли участие свыше 500 посланцев национальных комитетов мира, политических партий, профсоюзов, других массовых демократических организаций 100 стран.

На сессии было оглашено приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Оно было выслушано с большим вниманием и встречено бурными продолжительными аплодисментами.

Участников сессии приветствовал председатель Совета Мира ГДР Г. Дрефаль.

Выступивший затем президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра отметил, что поборники мира смогут сдержать силы империализма и войны, обуздать гонку вооружений, которую продолжают и форсируют агрессивные круги НАТО. Эта задача становится все более неотложной сейчас, когда агрессивные круги НАТО открыто поддерживают пекинских руководителей, проповедующих неизбежность войны, организуют крупные поставки оружия в Китай.

К участникам сессии обратился Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер. Он выразил уверенность в том, что берлинская сессия послужит мощным импульсом для развертывания новых действий в международном масштабе, направленных на укрепление мира и безопасности народов.

С докладом «Основные вопросы разрядки и разоружения — борьба против оружия массового уничтожения — всемирная кампания против нейтронной бомбы» выступил вице-президент ВСМ Ю. Циранкевич. Он указал на большую опасность, которая исходит от монополистических кругов империализма и китайского руководства, выступающего в качестве союзника НАТО и противника разоружения.

Выступая в прениях, руководитель советской делегации — первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира академик Е. К. Федоров отметил, что созыв сессии ВСМ является весьма своевременным, поскольку процесс разрядки напряженности замедлился и международная обстановка стала ухудшаться. Все более опасный характер для международного мира и безопасности народов приобретает политика нынешних китайских руководителей, которые прямо заявляют о неизбежности новой мировой войны, подчеркнул оратор. Китай стремится торпедировать любые международные акции, имеющие целью упрочение разрядки и достижение разоружения.

Мы считаем необходимым безотлагательно развернуть новую массовую кампанию за обуздание гонки вооружений.

Сессия Всемирного Совета Мира в обстановке всеобщего единодушия приняла воззвание — «Остановить гонку вооружений!».

Единогласно участники сессии ВСМ одобрили также развернутый «Документ по разоружению», отражающий позицию ВСМ по проблемам разоружения.

На снимке: президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра приветствует генерального секретаря ЦК Единого фронта национального спасения Кампучии Р. Самая.

Телефото АДН—ТАСС

орган государственной власти, сосредоточить внимание на актуальных задачах хозяйственного и культурного строительства.

Обращаясь к труженикам города и села, Центральный Комитет партии призывает встретить день выборов новыми трудовыми свершениями. «ПРЕВРАТИТЬ 1979 ГОД В ГОД УДАРНОГО ТРУДА, РАЗВЕРНУТЬ ВСЕНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВ ТЕКУЩЕГО ГОДА И ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ В ЦЕЛОМ — НАШ БОЕВОЙ ЛОЗУНГ!»

Эти слова Обращения советские люди воспринимают как боевой наказ, как призыв ответить делом на заботу партии о всенародном благе. На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, всюду, где трудится советский человек, прошли митинги и собрания, на которых трудящиеся горячо одобряют Обращение, принимают повышенные социалистические обязательства.

— Динамовцы, как и все трудящиеся страны, каждодневно ощущают постоянную заботу партии о благе народа, о счастье советских людей,— сказала в своем выступлении обмотчица второго машинного цеха столичного завода «Динамо» Н. Феоктистова.— Они единодушно отдадут свои голоса 4 марта за лучших представителей народа.

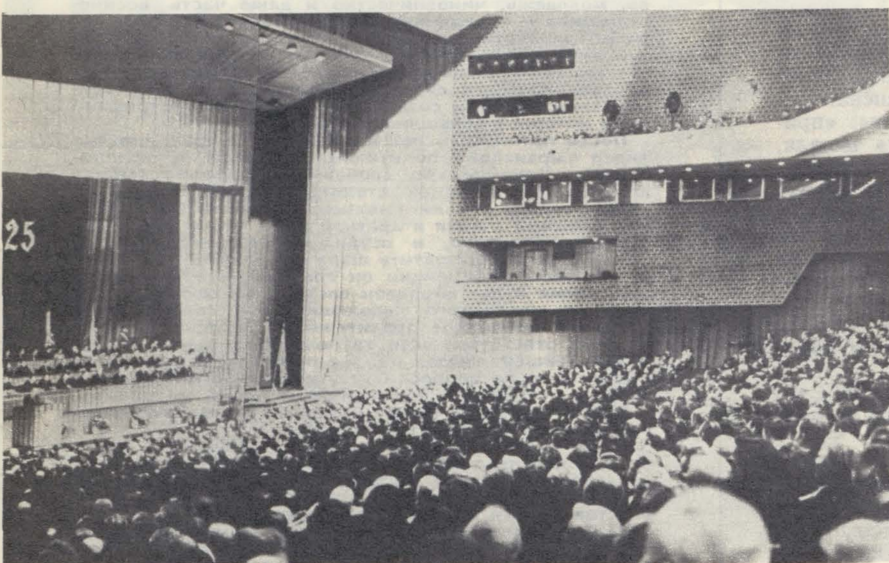
А чабан киргизского совхоза имени Боконбаева К. Асанбаев, во второй раз выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, отметил, как много сделано в его родном Токтогульском районе за годы, минувшие с прошлых выборов, для улучшения благосостояния народа, для развития горного края.

— В Обращении ЦК КПСС упомянута Токтогульская ГЭС, энергия которой пришла и в наши аилы. Сегодня у меня и моих товарищей в дальнем урочище Сасык в чабанских домиках горит свет, заработали моторы в кормоцехах и на зернотоках.

На снимке, который публикуется здесь, вы видите, как перед началом митинга в 5-м цехе доставки корреспонденции и печати Московского почтамта обсуждают Обращение с работницами секретарь партийной организации цеха Е. И. Калмыкова (слева) и Герой Социалистического Труда оператор Е. А. Беспалова (в центре).

Фото В. Христофорова (ТАСС).

ПРАЗДНИК ЕДИНЕНИЯ

Большой и радостный праздник пришел на землю Украины и России: 325 лет назад в древнем Переяславе прозвучали пламенные, вещие слова: «Навеки вместе!» Украинский народ, выражая свою твердую волю, сокровенные чаяния, связал свою историческую судьбу с великим русским народом, с великой и могучей Россией.

Этот юбилей — знаменательное событие в общественно-политической жизни всей нашей многонациональной Родины.

30 января в Киеве состоялось торжественное собрание трудящихся совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций и Советской Армии, посвященное 325-летию воссоединения Украины с Россией.

В президиуме — делегации Российской Федерации и Москвы, руководители Украины, знатные люди республики, представители партийных, советских и общественных организаций, гости, прибывшие на торжество.

С большим воодушевлением избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С докладом «Могучая сила вековой дружбы, монолитного единства народов-братьев» выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий.

Затем слово предоставляется руководителю делегации Российской Федерации кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцеву.

Доклад В. В. Щербицкого и выступление М. С. Соломенцева, выслушанные с вниманием, неоднократно прерывались аплодисментами.

На снимке: во время торжественного собрания.

Телефото В. Самохоцкого (ТАСС)

РУКОПОЖАТИЕ ПЯТИЛЕТОК

Так называлась встреча в редакции «Огонька», посвященная предстоящему 50-летию принятия первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В ней приняли участие (первый ряд слева направо) О. Г. Макаров, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза; А. А. Беляков — участник строительства довоенного Днепрогэса и председатель комиссий по приемке агрегатов Красноярской, Нурекской, Саяно-Шушенской и других ГЭС, лауреат Ленинской премии; каравай хлеба ему, как старейшине среди собравшихся, вручил герой освоения целины Л. М. Картаузов, тракторист совхоза «Родина», Целиноградской области, депутат Верховного Совета СССР; рядом с ним Я. И. Сокол, первый директор Челябинского металлургического завода, который начал строиться в годы Великой Отечественной войны, и И. И. Демченко, главный инженер Минского тракторостроительного производственного объединения.

Во втором ряду: Ю. Г. Эрвье, заместитель министра геологии СССР, много энергии и сил отдавший открытию месторождений нефти в Западной Сибири, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии; В. Г. Новик, бригадир строительно-монтажного поезда-576 управления «Бамстройпуть» Амурской области, Герой Социалистического Труда; Р. В. Шуранов, заместитель технического директора Камского объединения по производству грузовых автомобилей КамАЗ; Гуйчназар Тачназаров, молодой специалист богатейшего месторождения газа «Шатлык» в Туркмении, работающего на магистраль «Средняя Азия — Центр», лауреат премии Ленинского комсомола.

Отчет об этой встрече будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала.

Фото А. Гостева

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Юрий ПОПОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Визит заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина в Соединенные Штаты Америки вызвал вполне естественный интерес со стороны широких кругов мировой общественности. Еще сравнительно недавно пекинские лидеры слали в адрес американского «бумажного тигра» гневные проклятия и делали ему «самые серьезные» предупреждения. Те времена прошли, и о них стараются не вспоминать ни в Пекине, ни в Вашингтоне. И в ходе многочисленных банкетов, встреч и бесед, которые китайский деятель имел в США, звучали совершенно иные слова — о «дружбе и сотрудничестве». Конечно, обстоятельную оценку этому визиту и имевшим место договоренностям можно будет дать лишь какое-то время спустя, когда прояснится многое из того, что сейчас замалчивается. Однако определенные выводы можно сделать уже теперь.

Как известно, Дэн Сяопину в Соединенных Штатах был оказан поистине царский прием. Помимо официальных встреч и переговоров, он удостоился обеда в доме Збигнева Бжезинского, советника президента США по вопросам безопасности, встречался с бывшим президентом США Никсоном, выступал перед членами конгресса Соединенных Штатов. Американская пресса создала ему «паблисити» по первому разряду.

О чем шла речь в ходе всех этих встреч, бесед и переговоров? Чего хотели пекинские лидеры от Соединенных Штатов и чего ждали американские деятели от Дэн Сяопина? Собственно говоря, сам заместитель премьера Госсовета КНР не очень скрывал, зачем он приехал в Соединенные Штаты. Американская печать подчеркивала, что мотивы китайского руководства совершенно ясны: «придать визиту антисоветскую направленность». Газета «Вашингтон пост» писала, например, что Дэн Сяопин хочет «поставить Вашингтон в антисоветскую упряжку». В Соединенных Штатах обратили внимание на навязчивые попытки пекинского лидера поучать американское правительство, как ему вести свою внешнюю политику. Обращалось внимание, что некоторые заявления Дэн Сяопина представляют собой, по существу, попытку подорвать позиции президента Картера, выступающего за заключение договора с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений.

Презрев все нормы дипломатической практики, китайский деятель во всех своих выступлениях обрушивал потоки клеветы на Советский Союз и его политику. И делалось это не где-нибудь в кулуарах или в ходе частных бесед, а на официальных приемах, на встречах в конгрессе и на пресс-конференциях. Дэн Сяопин объявил СССР «главным очагом войны». Он взывал к «объединению и твердым совместным действиям против Советского Союза».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Соединенных Штатах со стороны официальных властей не было сделано никаких попыток отмежеваться от заявлений Дэн Сяопина. На одной из пресс-конференций пресс-секретарь Белого дома уклонился от ответа на вопрос журналистов, как он относится к грубым выпадам Дэна во время его выступления в конгрессе в отношении политики Советского Союза. До сих пор неясно, каково же отношение американских властей к подстрекательским выступлениям китайского гостя. Совершенно неясно, как относится Вашингтон к выпадам против политики разрядки напряженности, к осуждению усилий по сдерживанию гонки вооружений, к призывам создать «единый фронт против Советского Союза».

Вместе с тем мировая общественность выражает серьезное беспокойство в связи с состоявшимся визитом Дэн Сяопина в Соединенные Штаты. Национальный секретарь Социалистической партии Франции Клод Эстье заявил, что антисоветские происки Пекина чреваты опасными последствиями. Мы были сторонниками дипломатического признания Пекина Вашингтоном, заявил он, но мы не можем следовать за новыми китайскими руководителями, равно как и за прежними, в их антисоветской одержимости. Говоря о той поддержке, которую Пекин оказывает НАТО, Клод Эстье отметил: когда, например, пекинские лидеры поощряют объединение Западной Европы, видя в нем прежде всего военную машину, направленную против Москвы, мы должны решительно подчеркнуть, что наша концепция является совершенно иной. Создание разношерстного фронта против Советского Союза явилось бы серьезной угрозой для всеобщего мира.

С резким осуждением происков Пекина выступила вьетнамская общественность и пресса. «Господин Дэн Сяопин,— говорилось в комментарии радиостанции «Голос Вьетнама»,— использовал встречи с высокопоставленными деятелями США, пресс-конференции, щедро раздаваемые интервью для распространения клеветнических заявлений и нападок на Советский Союз, Вьетнам и другие социалистические страны, а также на революционное движение во всем мире... Совершенно очевидно, что его визит в США стал еще одним свидетельством, новым шагом Пекина по пути предательства интересов социализма».

В заявлении Коммунистической партии США по поводу визита Дэн Сяопина говорится, что он является частью процесса установления военного взаимопонимания между Соединенными Штатами и Китаем — по сути дела, военного агрессивного союза, как бы там он ни назывался.

Миллионы людей на нашей планете надеются, что поворот от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, к миру и взаимовыгодному сотрудничеству, который наметился в последние годы, будет закреплен и упрочен. Человечество вступило на этот путь. Но тем сильнее сопротивление тех, кто стремится подогреть очаги военной опасности, подхлестнуть дальнейшую гонку вооружений, вернуть мир к временам «холодной войны». В одной упряжке с ними оказались и пекинские руководители. Но они идут против мощного течения, охватившего ныне весь мир. Происки реакционных сил, направленные на осложнение международной обстановки, встречают решительное противодействие со стороны всех тех, кому дороги интересы мира, безопасности и счастья народов.

ИРАН

ДВОЕВЛАСТИЕ В СТРАНЕ

События в Иране развиваются с нарастающей силой. Широкие слои населения — рабочие, крестьяне, национальная буржуазия, интеллигенция, духовенство, молодежь, чиновничество и даже часть военнослужащих — объединяются под демократическими, антиимпериалистическими и антиамериканскими лозунгами. Они настойчиво добиваются отречения шаха от престола, ликвидации монархии, провозглашения республиканского строя, освобождения от иностранной зависимости и создания правительства, отражающего интересы большинства населения.

После пятнадцати лет изгнания в Тегеран прибыл лидер иранской политико-религиозной оппозиции аятолла Хомейни. По сообщению информационных агентств из иранской столицы, для его встречи на улицы города вышли миллионы человек. По прибытии Хомейни заявил в краткой речи, что с днями монархии покончено, и осудил иностранных агентов, которые хотят возвратить шаха в страну.

На пресс-конференции он сообщил, что в ближайшее время будет объявлен состав уже сформированного им исламского революционного совета. Совет назначит временное правительство, которое возьмет на себя ответственность за положение дел в Иране. В дальнейшем, сказал он, мы проведем всенародный референдум по вопросам государственного и политического устройства. Будет избран новый парламент.

Хомейни объявил Мехди Базаргана премьер-министром временного правительства Ирана.

После возвращения из эмиграции Хомейни в стране фактически создалось двоевластие. Правительство назначенного шахом премьер-министра Бахтияра, по существу, не может полностью осуществлять руководство делами страны. В то время как государственные учреждения, а также резиденция Бахтияра охраняются армейскими подразделениями, уличным движением в столице управляет так называемая «полиция добровольцев», созданная сторонниками Хомейни.

ФРГ

КУЛАК И ДУБИНКА

Вообще-то это вполне обыденное явление, когда на демонстрантов, протестующих против нейтронного оружия или требующих прекратить деятельность неофашистов в ФРГ, неожиданно нападает полиция и начинает избивать дубинками. Это называется «буржуазная демократия». Подобное произошло и в западногерманском городе Унна. Полицейские жестоко расправились с молодыми прогрессивными демонстрантами. На следующий день журналисты требовали ответа у начальника полиции Унны. Тот заверял журналистов: «Я этого не

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

КАМПУЧИЯ

СВЕТ НОВОЙ ЖИЗНИ

Уже месяц, как кампучийский народ сбросил тиранию реакционного режима Пол Пота — Иенг Сари. Улицы столицы вновь ожили. Первые тысячи переселенцев, кого не слишком далеко угнали пол-потовские солдаты, прибыли в Пномпень. С радостью и благодарностью они приветствуют освободителей. Люди с энтузиазмом берутся за работу: теперь они верят в счастливое будущее своей страны.

Однако строительство новой жизни проходит в сложных условиях. Бродят еще по джунглям остатки недобитых пол-потовских вояк. Из Пекина доносятся угрозы в адрес Народно-революционного совета. Страна разорена, люди бедствуют — все это последствия трехлетнего разбоя реакционной клики. Но уже никто не сомневается в том, что все эти трудности будут преодолены. Знамя свободы ныне реет над всей территорией Кампучии. По вечерам кварталы Пномпеня озаряются электрическими огнями — это свет новой жизни, и его не погасить никаким недругам освобожденного народа.

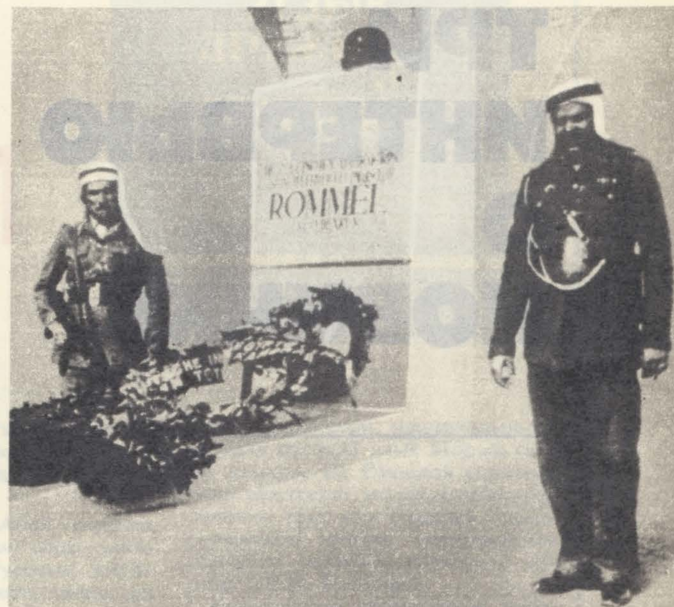
На снимке: солдаты революционных вооруженных сил на улицах Пномпеня.

Встреча Хомейни в аэропорту Мехрабад.

видел, я не могу судить об этом».

Однако некоторое время спустя журнал «Штерн» поместил снимок полицейской расправы над демонстрантами, где камера четко зафиксировала господина в светлом плаще и очках (указан стрелкой). Им-то и оказался начальник полиции города Унна Карл-Фридрих Родакс. Так что руководитель полиции не только знал о случившемся, а лично руководил расправой.

Насилие полицейских над гражданами ФРГ стало повседневным явлением.

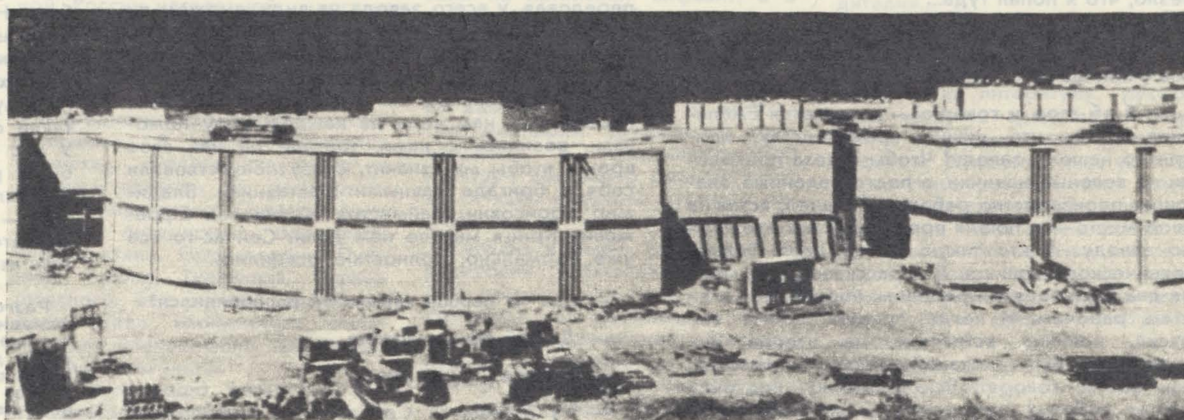

ЕГИПЕТ

ПОКЛОННИКИ ФАШИСТОВ

В Египте открыт музей, посвященный фельдмаршалу гитлеровской армии Э. Роммелю, командовавшему во время второй мировой войны «африканским корпусом» вермахта. В экспозицию музея вошли такие «реликвии», как личное оружие, ордена, топографические карты гитлеровского вояки. Открытие музея фашистского фельдмаршала не только проявление симпатий нынешнего египетского руководства к нацистскому вермахту. По мнению обозревателей, этим шагом Египет пытается добиться большей благосклонности военно-промышленного комплекса ФРГ в надежде получить от него современное оружие.

На снимке: у входа в музей.

США

«ОЛИМПИЙСКАЯ ТЮРЬМА»

В связи с тем, что зимние Олимпийские игры в 1980 году намечено провести в небольшом американском городе Лейк-Плэсиде, здесь ведется спешное строительство общежитий для спортсменов, которые американские власти намерены после окончания Игр превратить... в тюрьму.

Итак, Олимпийская деревня строится, чтобы служить затем тюрьмой, она и будет выглядеть как тюрьма. Комплекс окружен двумя почти четырехметровыми заборами. Комнаты в общежитии похожи на тюремные камеры с узкими окнами со стальными решетками. Об «олимпийских удобствах» говорит и то, что каждому спортсмену полагаются только кровать и стул.

Противники строительства «олимпийской тюрьмы» выпустили специальную брошюру, в которой указывается, что атмосфера тюрьмы противоречит духу Олимпийских игр, что по числу заключенных США опережают все государства — исключение, возможно, составляет только ЮАР,— что с 1968 года в США было построено столько же тюрем, сколько за всю историю страны.

Но строительство «олимпийской тюрьмы» продолжается.

На снимке: так выглядит строящаяся Олимпийская деревня в Лейк-Плэсиде.

См. II стр. обл.

ТРИ ИНТЕРВЬЮ О НОВИЧКЕ

сто носить форму, а работать, учиться, получать специальность, и форма здесь, строго говоря, ни при чем.

— Нашел я объявление о приеме в училище, которое готовит паровозоремонтников,— продолжал Емельянов,— приехал в Запорожье, подал документы. Все мне там понравилось: и общежитие, и классы, и преподаватели. Я попал в группу котельщиков — тогда ведь паровозы в основном ходили, а у них котлы, понимаете? Мастера своего первого запомнил — Григорий Ильич Барсуков, он мне сразу показался человеком замечательным...

Годы в училище для меня — очень светлое время жизни. Я и работу свою люблю, семья у меня, товарищи, а училище все же на особом месте. Может, это и был переход от бездумного детства к сознательной жизни? Почувствовал в себе «рабочую косточку», научился разбираться в людях, и все в училище. Теперь я понимаю: там не обучали какому-то ремеслу, а как бы открывали мне глаза на жизнь, труд, на пользу знаний. Нет, просто повезло, что я попал туда...

— И все же давайте вернемся к главной теме нашего разговора: как встречают выпускников училища на производстве?

— Я об этом и говорю!— удивляется Емельянов.— Ведь что нужно производству, конкретно нашему заводу? Чтобы в цеха приходили не зеленые новички, а подготовленные, знающие производство рабочие. Пришел, встал на свое место — и пошла продукция. Вот что нужно заводу. А кто такую смену даст? Только техническое училище. Я и рассказал, как меня за два года сделали рабочим, вернее, помогли стать рабочим. И когда пришло время выпуска, новичка встретили на заводе как своего, не было никакой «несовместимости», как сейчас говорят. Всю притирку, подгонку наших рабочих характеров и навыков взяло на себя училище. Теперь я и сам стал наставником, каждый год ко мне в бригаду поступают ребята из моего училища — хочется сказать точнее, не поступают, а вливаются. Такая сложилась традиция. Если подсчитать, то окажется, что сейчас на заводе половина рабочих, а то и больше, такие же, как я, бывшие выпускники нашего четырнадцатого ТУ!

— Расскажите, как это происходит. Как вы встречаете новичка из технического училища, с чего начинается знакомство?

— Начинается все с экскурсии на завод. Так и со мной было — в первый же день учебы провели нас по цехам, показали, где мы будем работать. А потом производственная практика. Она построена так, чтобы учащиеся могли поработать на разных участках, узнать производство и выбрать специальность себе по вкусу. Да и мы к ребятам приглядываемся... Вот типичный пример. Наша бригада — обмотчики. Обмотка якорей и статоров электродвигателей. Работа ответственная, требует внимания и аккуратности. Недавно в бригаде проходила практику очередная группа из училища, и я приметил там одного паренька — старательный такой, ловкий. Потом группу перевели на другой участок, а этот паренек, смотрю, нет-нет да и заглянет к нам. «Ну, как,— спрашиваю,— где сейчас работаешь?» «В аппаратном цехе». «Нравится?» «Да, но у вас лучше. Можно мне здесь еще поработать?» Я пошел к его мастеру, договорился, и этот паренек у нас всю практику пробыл. Просил, чтобы я потом, после училища, оставил его в бригаде, но я обещать не стал: посмотрим, как он учебу закончит. Цену своему слову надо тоже знать, верно?

— А если все у него хорошо будет?

— Тогда возьмем: дадим ему наставника, присмотримся повнимательнее. Если что нужно — поможем. Как правило, новички быстро находят свое место в бригаде, училище дает им для этого хорошее основание. Конечно, никакого сравнения с теми, кто приходит на завод после десятилетки. С теми, честно говоря, хлопот не оберешься. А училище — резерв надежный... Хотите, я вас сейчас познакомлю с одним из выпускников? Первый год у нас в бригаде. Анатолий Градусов очень толковый парень...

II. РАБОЧИЙ

— Я себя новичком на заводе не считаю. Три года — разве это мало?

— Но ведь ты, Анатолий, только осенью закончил училище?

— Вообще-то да, но у нас учение так тесно связано с заводом, что мы, по существу, все это время на нем работали. И с бригадой Емельянова я давно знаком, еще год назад знал, что в ней останусь.

— Как тебя встретили в бригаде?

— Это после училища? Хорошо встретили, я уже со всеми был знаком. И я и Игорь Гаврилов — мы вдвоем из училища в бригаду пришли. Нас торжественно посвятили в рабочие, подарки преподнесли. Честно говоря, мы немного побаивались первое время: бригада передовая, у всего завода на виду, сможем ли мы сразу в нужном темпе работать. Конечно, очень старались. В первую зарплату получили почти столько же, как остальные рабочие. Теперь-то я понимаю, что это был как бы аванс, поощрение: нам ведь на каждом шагу помогали, возились с нами, тратили на нас свое время, чтобы мы, значит, сразу почувствовали себя в бригаде равными. Наставники Владимир Борисович Маймистов и Николай Ефремович Крица многое нам дали. Сейчас-то все уже нормально, полностью освоились.

— Как ты первой зарплатой распорядился?

— Домой деньги послал...

— А сам из каких краев?

— Из Макеевки. Семья у нас шахтерская, а я почему-то железную дорогу с детства любил. После восьмилетки нашел список всех училищ, выбрал железнодорожное — и сюда, в Запорожье. Хотел выучиться на помощника машиниста электровоза, но тогда, в момент поступления, мне возраста для этого отделения не хватало — пошел в отделение электриков. Сначала все хотел перейти, а как познакомился с бригадой Емельянова, решил остаться.

— А друзья в Макеевке не удивляются твоему выбору?

— Наоборот! У нас в классе прямо какая-то болезнь была — все хотели машинистами стать! Потом кто передумал, кого родители не отпустили, а мой отец сказал: если все взвесил — поезжай, одобряю!

— Так ты что, решил обосноваться на этом заводе?

— Нет. Скоро ухожу служить на флот. Уже учусь на курсах мотористов. У меня старший брат на Северном флоте, мечтаю туда же попасть. Говорят, в армии самое трудное — к дисциплине привыкнуть, а у меня училище за спиной: там дисциплина что надо! В технике я теперь разбираюсь, к порядку приучен — выходит, училище меня подготовило по всем статьям.

Вот и пойми мальчишек. То ему подавай паровоз, то электрику, то морскую службу. Но после разговора с этим вчерашним подростком, сегодняшним рабочим, завтрашним воином осталось ощущение надежности, уверенности в нем. Нет, такой в жизни уже не заблудится! Кстати, Емельянов сказал мне о Толе Градусове так: «Если его военно-морская служба не перетянет — вернется парень в бригаду, это точно! Третьего не дано!» И я еще раз порадовался за бригаду, которая состоит сейчас не просто из хороших работяг, а из духовно близких ей людей, таких же патриотов завода и училища. Да, училища. Все, о чем мы говорили в тот день, корнями уходило туда. И я просто не мог не пойти в это прекрасное училище, которое так много дало в жизни моим собеседникам.

III. ДИРЕКТОР

Все оказалось примерно таким, как я ожидал увидеть. Не слишком презентабельное внешне, но тщательно ухоженное здание с табличкой «Запорожское техническое училище № 14». Здесь нет огромных аудиторий, мраморных лестниц и зеркал во всю стену, наоборот, коридоры явно узки для учебного заведения, а в малюсеньких кабинетах учтен и использован каждый кубический сантиметр пространства. Но есть в этих помещениях то, чего не смог бы достать самый расторопный завхоз. Мне с гордостью показывали тщательно изготовленную, до мелочей продуманную «малую автоматику» в аудиториях. Пульты управления, с которых преподаватель регулирует освещение, включает кинопроектор или заменяет классную доску на экран. Мастерские, где мастер сидит в своем кабинете и, дистанционно управляя телекамерой, может наблюдать за работой любого учащегося у станка, тут же с ним переговариваться, давать советы. Узенькие столики, которые позволяют трем десяткам молодых парней разместиться в маленьком помещении. Стенды и макеты, плакатницы, кассеты для диапозитивов... Сотни нужных, полезных мелочей. И в каждом классе, каждой мастерской мне неизменно повторяли: все это сделали сами ребята! Все до последней гайки своими руками!

— Когда у нас бывает ежегодный набор, к нам часто приходят родители будущих учащихся. Хотят выяснить, в каких условиях их дети будут заниматься. Мы обычно ведем гостей в любой из кабинетов и просим присмотреться к крышкам столов, за которыми сидят ребята. Найдете ли вы, дорогие родители, хоть одну царапину? Нет? Так вот, эти столы служат уже пять или семь лет, и ни у кого из учащихся рука не подымется что-то испортить. Почему? Очень просто: потому, что сами же такие столы делают. И все, что вокруг, тоже. У нас в училище нет никого, кто не держал бы в руке молоток, отвертку, электродрель. Заставлять не приходится, надо только показать — и в каждом, буквально в каждом просыпается жажда к созиданию, стремление сделать что-то своими руками...

Разговор с директором училища Сергеем Стефановичем Воликом выглядел скорее не как интервью, а как его монолог. Встречаются такие люди, для которых работа не половина жизни, а вся целиком отданная делу жизнь. В данном случае не только в переносном, но и в буквальном смысле. Сергей Стефанович сам когда-то пришел в эти стены учеником ФЗУ, был его мастером, старшим мастером, преподавателем, а там и директором училища. Мне кажется, главная заслуга Сергея Стефановича в том, что он сумел создать здесь монолитный, одержимый любовью к своему делу коллектив преподавателей и мастеров. Все это не могло не отразиться на ребятах, на учебном процессе, не вывести училище на одно из лучших мест в системе профтехобразования в стране.

— Сейчас ребята приходят к нам куда более развитыми, подготовленными, чем раньше. Кругозор шире. Запросы большие... Конечно, с такими и сложнее и интереснее. Мы хотим, чтобы они вступали в трудовую жизнь не новичками, а хозяевами.

На пьедестале почета в Загребе. Слева направо — И. Воробьева и И. Лисовский, М. Черкасова и С. Шахрай, С. Бэсс и Т. Тирбах (ГДР).

Фото ТАСС

ЗОЛОТЫЕ ПАРЫ

Давно ли тренер Марины Черкасовой Станислав Николаевич Жук причесывал ее чубчик после выступления, а еще не пришедшая в себя девчушка, учащенно дыша, вопросительно поглядывала на Жука и своего партнера Сережу Шахрая. И вот в Загребе, на чемпионате Европы, мы увидели совсем другую Марину — такой уже на глазах у миллионов телезрителей чубчик не причешешь. Эта девушка полна собственного достоинства и свою победу воспринимает как должное.

В третий раз выступали в парном катании Марина Черкасова и Сергей Шахрай на чемпионатах Европы, и вот к своим бронзовым, а затем серебряным медалям они сейчас прибавили золотые. Их выступление прошло, как говорится, без сучка и задоринки, и они по праву поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета, а рядом с ними стояла вторая советская пара — Ирина Воробьева и Игорь Лисовский.

Так открыли путь к победе своим товарищам по команде представители парного катания, и могли ли не продолжить их успеха наши танцоры? Нет, для многочисленных любителей фигурного катания вопрос стоял лишь так: кто будет первыми — Наталья Линичук — Геннадий Карпоносов или Ирина Моисеева — Андрей Миненков. И болельщики не ошиблись: два советских дуэта между собой разыграли золотые медали, показав высокое мастерство, а третья наша пара, дебютанты турниров столь высокого ранга Наталья Карамышева и Ростислав Синицын, заняли почетное для них пятое место.

Еще до встреч в Загребе наши многочисленные любители танцев на льду разделились на моисеевцев и линичуковцев. И действительно, очень трудно отдать предпочтение этим столь разным по стилю и столь совершенным по мастерству парам. В прошлом сезоне они разделили между собой высшие награды: Н. Линичук и Г. Карпоносов выиграли первенство мира, а И. Моисеева и А. Миненков стали чемпионами Европы. Как-то сложится их борьба через месяц на чемпионате мира в Вене?

Золотые медали чемпионата поделили поровну фигуристы двух стран — СССР и ГДР.

Советские спортсмены были сильны в парном катании, а спортсмены ГДР в одиночном — Ян Хоффман у мужчин и Анет Пётч у женщин.

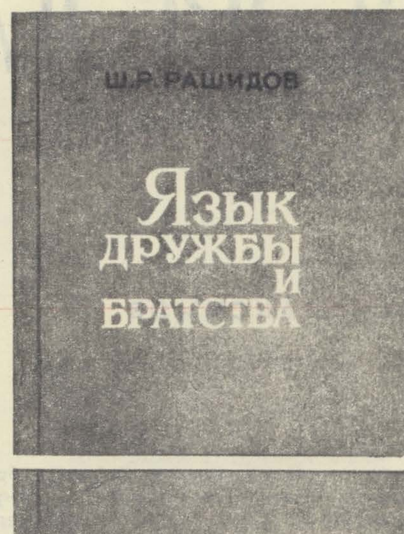
В. ЯКОВЛЕВ

Чемпионы Европы-79 в танцах на льду — Н. Линичук и Г. Карпоносов.

Фото А. Бочинина

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ

В книге Ш. Р. Рашидова «Язык дружбы и братства» идет речь о великом русском языке, его роли в современном обществе развитого социализма, в международных политических и культурных отношениях.

В самом начале работы Ш. Р. Рашидов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана, пишет: «Каждый советский человек гордится тем, что он принадлежит к великой советской семье, что русский народ — старший брат всех народов этой семьи». Автор совершенно справедливо рассматривает значение русского языка в органической связи с историей русского народа, с историей всех народов СССР. Невольно приходят на память слова Государственного гимна СССР: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь».

Ш. Р. Рашидов говорит: «...Исторически сложилось так, что общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР стал русский язык». Он при этом подчеркивает, что русский язык и в дореволюционной России, населенной многими нациями и народностями, активно содействовал борьбе трудящихся против местных эксплуататоров и царизма, приобщая массы к общенародному демократическому движению. В книге приводятся примеры, свидетельствующие о могучем влиянии на демократическое движение в Средней Азии русской литературы, передовой публицистики. Произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чернышевского, Белинского, Добролюбова имели неоценимое значение для становления национальной интеллигенции.

Автор приводит целый ряд высказываний ученых и писателей Средней Азии XIX века о необходимости изучать русский язык. «Владея русским языком,— писал Саттархан,— разговаривая с русским народом, мы могли бы ближе узнать друг друга, черпать много полезного. Не зная же друг друга, бог весть какое представление может складываться у нас о русском народе и у русского народа о нас».

Казахский акын Абай хорошо сказал о том, зачем надо знать русский язык: «Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык — на мир откроются и твои глаза».

Конечно, всем известно, что царское правительство тормозило развитие национальной культуры и национального языка. Только после революции перед народами бывшей Российской империи открылись широкие возможности развивать свою культуру и свой родной язык. Около сорока народностей, не имевших в прошлом своей письменности, в советское время получили алфавит и учебники, школы и вузы. В то же время народы Средней Азии, располагавшие древнейшей культурой, обновили свой язык, выработали новый алфавит, доступный широким слоям населения. Так, накануне революции в Узбекистане письменность велась на арабском языке, затем ее перевели на латинский алфавит, а в начале 40-х годов — на новый узбекский алфавит на основе русской графики. Жизнь в дальнейшем подтвердила мудрость такого важного решения. В результате миллионы трудящихся приобщились к социалистической культуре как через родной язык, так и язык великого русского народа.

Сегодня в семье равноправных республик наблюдается подлинный расцвет культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме; большой подъем переживает и художественная литература, создаваемая на родном языке. В то же время, как убедительно показывает Ш. Рашидов, все больше советских людей нерусской национальности овладевают русским языком. Многие представители их считают русский язык родным языком. По переписи населения 1970 года в нашей стране русских насчитывалось свыше 129 миллионов, а русский язык в качестве родного назвали 141,8 миллиона человек. Около 42 миллионов человек нерусской национальности назвали русский язык вторым своим языком. Ш. Рашидов справедливо объясняет это замечательное явление тем, что в нашей стране сложилась «новая историческая общность людей — советский народ» (Л. И. Брежнев).

Автор книги убедительно показывает, что русский язык не умаляет значения родного языка, наоборот, национальные языки достигли большого расцвета, обогатился их словарь, совершеннее стал синтаксис. Об этом сегодня свидетельствует художественная литература, творимая писателями всех национальностей страны.

Лучшие произведения литератур СССР переводятся на русский язык и становятся достоянием всех читателей страны, и именно с русского языка они главным образом переводятся на иностранные языки. Таким путем к европейскому и американскому читателю пришли «Путь Абая» М. Ауэзова, «Решающий шаг» Б. Кербабаева, повести Быкова и Айтматова, стихи Гамзатова и Кугультинова, произведения Ш. Рашидова «Сильнее бури» и «Победители»...

Разумеется, приобщение наших народов к мировой культуре совершается не только через художественную литературу, русский язык является средством общения и сотрудничества целых народов и отдельных лиц во всем мире. Ныне русский язык изучают во всех странах социализма и во многих капиталистических государствах. Без знания русского языка в наше время не может обойтись ученый, писатель, журналист да и просто культурный человек.

В книге автор приводит слова Маяковского:

> ...Я русский бы выучил
> только за то,
> что им разговаривал Ленин.

Вслед за великим поэтом Ш. Рашидов с полным основанием называет русский язык «мощным средством интернационального воспитания» трудящихся всего мира.

Михаил МИНОКИН,
профессор,
доктор филологических наук

Ш. Р. Рашидов. Язык дружбы и братства. Ташкент. Издательство ЦК КП Узбекистана, 1978, 84 стр.

ДОРОГА К МАСТЕРСТВУ

Алексей МАКСИМОВ

Дверь открыл художник. Рубаха и брюки, забрызганные краской; смеющиеся глаза; крепкая рука, протянутая для рукопожатия.

Мастерская... Не было здесь великолепного интерьера, который располагает к неторопливой беседе, когда аккуратно подбираются слова и вспыхивают самоцветные термины. Не было декоративных безделушек и редких вещиц, которые трепетно поглаживаются рукой. Не было изысканности.

Мастерская — небольшая комната с холстами у стены, на которой ярким пятном выделяются репродукции с картин Веласкеса, Энгра, Брюллова, Репина, Зарянко; на подоконнике среди коробок пастели и кистей — анатомическая модель человека. Посреди комнаты — огромный холст, натянутый на подрамник. Пожалуй, единственной достопримечательностью здесь был книжный шкаф, доверху набитый альбомами и монографиями. Чувствовалось, что здесь не говорят, а работают, не столько спорят об искусстве, сколько создают его.

С большинством работ Александра Шилова я познакомился еще до визита в мастерскую. И что меня больше всего привлекло в них — это синтез блестящей портретной техники и ярко выраженного характера модели. Написаны его портреты в традиционной манере старых русских мастеров: Кипренского, Левицкого, Тропинина, но сразу же становится ясно, что манера Шилова индивидуальна и является самобытным продолжением этой школы.

— Я считаю, как бы ни был человек одарен от природы,— без профессионального мастерства он ничего не сможет сказать людям, потому что его язык — живопись, и то, что он чувствует душой, он передает кистью. Если же мастерства нет — он нем как художник и сможет только говорить об искусстве, а разговоры, как известно, не создают холстов,— замечает Шилов.— Мастера всегда почувствуешь, и как бы ты ни расходился с ним в понимании искусства,— он достоин уважения прежде всего как мастер. Только через каждодневный тяжелый труд можно прийти к вершинам.

Да, отношение к труду — с него, пожалуй, нужно начинать характеристику этого художника.

Родился в 1943 году. Отец умер рано, мать осталась одна с тремя детьми на руках, Саша — старший. Время было тяжелое, после седьмого класса он пошел работать. Учился в вечерней школе. В это же время начинает заниматься в изостудии Октябрьского Дома пионеров. Здесь Саша встретил Василия Александровича Воронина, заслуженного учителя РСФСР, который стал его первым педагогом, помогшим выбрать правильную дорогу в нелегкой профессии живописца.

— Этому человеку я буду благодарен всегда за все, что он сделал для меня. Воронин старался развить в своих учениках то, что было свойственно каждому из нас, и не навязывал того, что для нас чуждо...

А. Шилов. ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРУД. 1975.

Потом годы учебы в Суриковском институте, изучение натуры, работа с моделями, штудия. Много дали советы учителей и главное — сама атмосфера познания мастерства, творчества.

В числе дипломных работ Шилова в Суриковском институте был «Портрет моего учителя», который до сих пор для него один из самых дорогих и любимых. Были также «Портрет летчика-космонавта Берегового», портрет художницы, женский портрет. Тяга Шилова к портрету, желание правдиво раскрыть духовный мир современника стали главными в его творчестве.

— Очень многое мне дало уже после окончания института общение с такими мастерами живописи, как Александр Иванович Лактионов и Борис Валентинович Щербаков,— говорит молодой художник.— Их советы и наглядный пример владения блестящей техникой принесли неоценимую зарядку и поддержку в моих усилиях... Я не буду говорить, сколько часов провел в Третьяковке, Музее имени Пушкина, Эрмитаже, пытливо изучая дорогие моему сердцу холсты классиков русского и мирового искусства. Восхищался работами Энгра, которые видел в монографиях и на выставках. Пристально вглядывался в каждый мазок, в тончайшие лессировки на холстах наших прекрасных портретистов — виртуозов кисти: Кипренского, Брюллова, Репина и других. Все это звало к труду, к изучению и постижению тех высот мастерства, которые так необходимы художнику. И я писал с натуры каждодневно, с упорством и надеждой...

И вот художник Шилов начал участвовать в московских и всесоюзных выставках. Его работы привлекли внимание зрителей и художников. Они вызывали у одних чувство восхищения пытливостью и любовью к натуре, у других — недовольство своей приверженностью к традициям классики... Искусство сложно, и лишь время дает возможность разобраться в истинности того или другого дарования.

В 1977 году Александр Шилов был удостоен премии Ленинского комсомола за серию портретов советских космонавтов. В 1978 году в ЦДРИ состоялась его персональная выставка. Я спросил, какое чувство он испытывал, когда увидел свои работы на этой выставке.

— Смотрел на них как бы со стороны, как зритель. Может быть, впервые в жизни увидел все отрицательные и положительные качества своих картин. Конечно, всегда приятно видеть, что зрители не остаются равнодушными. Оценка, которую дает народ, и есть тот необходимый индикатор для каждого художника, который помогает понять, чего еще не хватает и к чему надо стремиться.

Позднее, познакомившись ближе с работами Шилова, я понял, что его мысли о творчестве и мастерстве художника не были случайно высказанными — это основы мировоззрения художника. Без упорного труда и самокритичности, без твердой веры в правильность избранного пути Шилов не смог бы создать глубокие, психологические полотна. Именно реальность, жизненность его образов рождают в нас чувство, похожее на удивление ребенка,— «как живой». Но за мастерством кроется не просто похожесть, главное, что каждый образ Шилова — это характер, у каждого из них своя жизнь. И вместе с тем точное, реальное изображение модели для Шилова — первооснова.

— Мы не имеем права уродовать и извращать природу на свой лад. Лучше, гармоничнее ее не создаст никто. Мы обязаны у нее учиться, а не искажать.

Во время работы над портретом А. И. Хачатуряна,— продолжает рассказывать Александр,— я поразился тому, что у этого человека, который покорил весь мир своей музыкой, столь обыкновенное лицо. Но именно это и заставило меня пойти наперекор первому впечатлению. В этом человеке был скрытый внутренний мир, который и рождал его музыку.

Действительно, смотря на портрет, мы видим человека, погруженного в свои мысли. Он словно и не замечает, что художник пишет его портрет.

А. Шилову всегда интересен человек, его внутренний мир. Поэтому он с одинаковой правдивостью создает образ своей матери и певца Лемешева, портрет академика Кнунянца, а рядом пастуха из смоленского села, портрет Воронина — первого учителя художника и романтический образ Оленьки, деревенской девушки в венке из васильков. Посмотрите внимательнее на портрет матери. Любовь, материнская нежность в глазах этой женщины. Эта работа очень дорога художнику. «Просто мама есть мама»,— говорит он. А рядом совсем другой образ — пастух. Россиянин с лукавыми, озорными глазами, вылинявшими от солнца.

Поиск характера — это суть индивидуальности Шилова, его объективности; и даже в пейзаже («Пейзаж я пишу, когда есть настроение») зритель чувствует продолжение заветов русской реалистической школы. Знакомые с детства места: речная заводь или простор поля, которому тесно в раме. Точное отображение природы; в ней художник видит красоту и гармонию.

Работы Шилова как бы делятся на циклы. Портреты космонавтов и образы героев труда, галерея артистов, музыкантов, художников, портреты родных и друзей. Сейчас художник мечтает создать серию «Портреты старых москвичей».

А. Шилов. Род. 1943. СТАРЫЙ ПОРТНОЙ. 1971.

А. Шилов. ПОРТРЕТ МАТЕРИ. 1974.

ДОВЕРИЕ И ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ

А. КАНДРЁНКОВ,
первый секретарь Калужского обкома КПСС

В обком партии пришло письмо. В тоне раздраженного, задетого за живое человека автор писал, что новый секретарь райкома партии явно перегибает, как говорят, палку: непримирим к любым, даже малозаметным недостаткам, а в районе не привыкли к подобной строгости. Так что, если обком не вмешается, могут возникнуть конфликтные ситуации.

Одним письмом не кончилось. И у нас было основание послать в Козельск проверяющих, потребовать от секретаря объяснений... Однако мы не стали бить тревогу, внимательно и спокойно следили за обстановкой и не вмешивались в действия Александра Павловича Бархатова.

Дело в том, что незадолго перед этим я сам представил Бархатова пленуму Козельского райкома партии и от имени обкома КПСС рекомендовал избрать его первым секретарем райкома. До этого Александр Павлович работал первым секретарем в Куйбышевском районе. Работал умело и уверенно. А поскольку в Козельске дела не ладились, мы решили рекомендовать туда Бархатова. Тем более, что по масштабу, перспективам район как раз для него. Он взялся наводить там партийный порядок, и, естественно, кому-то его действия пришлись не по душе. Тут и появились попытки «подсказать» обкому КПСС, что на Бархатова нужно воздействовать.

Скоро все стало на свои места. Новый секретарь нашел общий язык с активом, с районным аппаратом, с руководителями хозяйств, улучшились экономические показатели района, нормализовалась обстановка, в обком уже не слали набатных писем. И мы утвердились в мнении, что правильно поступили, когда не стали дергать секретаря по поводу каждого письма, создавать в районе нервозную обстановку.

...Я начал именно с этого примера потому, что, размышляя над решениями ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, перечитывая выступления Леонида Ильича Брежнева, вновь и вновь убеждаюсь, что одним из главных условий успехов во всех сферах деятельности является умение работать с людьми, умение требовать и помогать, учить и доверять. «...Нужно спрашивать по всей строгости партийного Устава и наших советских законов»,— напомнил на Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. «Надо повысить требовательность...» — повторял он и подчеркивал, что итоги пятилетки, решение задач, которые обсуждаются на настоящем Пленуме, в огромной степени будут зависеть от дальнейшего повышения боеспособности всех звеньев партии, инициативы и ответственности каждого коммуниста.

Мы часто и много говорим о требовательности. А что стоит за этим понятием? Непримиримость к безответственности и пустословию? Да. Отсутствие либерализма? Да. Жесткость и последовательность спроса? Да. Но прежде всего, думается, создание такой атмосферы, в которой требовательность стала бы естественной, неотъемлемой частью общего климата на заводе и в колхозе, на стройке и в учреждении, в районе, городе, области. На создание такого вот климата мы настойчиво и терпеливо настраиваем всю областную партийную организацию, всех, от кого зависят результаты хозяйственной и любой другой деятельности.

Требовательность в людях надо уметь воспитать. А воспитание — процесс, как известно, многогранный и сложный, и начинается он с воспитания культуры взаимоотношений людей, взаимоотношений, на которых строится весь процесс созидания. А за этим целый ряд тоже сложных, но непременных условий.

В основе культуры взаимоотношений лежит требовательность к себе. Так сразу дал понять всем новый директор Калужского моторостроительного завода Петр Андреевич Григорьев. Когда возникла необходимость как можно быстрее открыть столовую в крупном цехе, Григорьев собрал специалистов. Те определили, что понадобится более полугода. Директор предложил срок примерно вдвое короче. Но ведь эдак можно прослыть демагогом, если не докажешь правильность своих предложений. И Григорьев доказал: «Беру на себя руководство строительством, мои расчеты реальны». К огромным директорским хлопотам прибавились новые. Однако Григорьев понимал, что речь идет о его авторитете, о примере руководителя, не испугался дополнительной ноши. Срок, названный им, оказался реальным. Теперь на заводе знают (других примеров тоже более чем достаточно!), что у директора есть моральное право спрашивать с других. Теперь непростые, трудоемкие вопросы решаются быстрее, легче. Завод создал крепкое подсобное хозяйство, прививается культура в цехах — рабочим сшили красивые спецовки из джинсовой ткани, мастерам — элегантные костюмы.

Григорьев пошел и на замену своего заместителя по быту — человека, с которым был в добрых давних отношениях, человека работящего, обаятельного, но не способного нести груз нынешнего дня... Сегодня мы с полным основанием числим коллектив моторостроительного завода в лучших среди производственных коллективов области. Во многом потому, что там каждый день целеустремленно и грамотно ведется воспитание требовательности во всем и ко всем.

К требовательности, я убежден, не приучишь, если не позаботишься о создании необходимых для плодотворной работы условий. Ведь диктовать, поучать, став в позу мудреца, «вызывать на ковер» при малейшей осечке — для этого не нужно много знать и уметь. А вот проявить вовремя заботу, вовремя поддержать, не обольщая, конечно, скидками и поблажками,— тут требуется, если хотите, искусство.

Я был очень рад за того же Александра Павловича Бархатова, когда узнал, что он заинтересованно помогает вновь избранным председателям колхозов, если они приезжие, капитально обосноваться на новом месте, перевезти семью, пустить, как говорят, корни. Логика-то проста: когда помог, тогда ведь вправе и спросить с человека больше, и все взаимоотношения с ним складываются иначе — надежнее, солиднее, я бы сказал. И еще одно важно: колхозники убеждаются, что они имеют дело не с «транзитным пассажиром», который, чуть что не заладится, уедет, а с руководителем, который приехал делать дело и отвечать за него. Так и относятся сейчас в колхозе имени Ленина к Александру Николаевичу Зенину, которого райком партии рекомендовал в председатели по его собственному желанию с поста первого секретаря райкома комсомола и всячески способствовал тому, чтобы молодой руководитель не почувствовал себя временным, случайным на колхозной ниве. Кстати, за последние годы около 70 коммунистов области добровольно пошли на самые трудные участки сельскохозяйственного производства.

Я начал этот разговор с примера о доверии. Хочу вернуться к проблеме доверия, ибо считаю ее особо важной и, основываясь на собственном опыте, берусь утверждать, что доверие и требовательность слиты жизнью в единое понятие, и разрушить его без ущерба делу невозможно. И мы стремимся, воспитывая кадры, постоянно — словом и примером — убеждать работников всех рангов: чем больше мы вам доверяем, тем больше будем спрашивать. И наоборот: какой резон рассчитывать на того, в кого не веришь, какой толк надеяться на того, кто наверняка не способен оправдать твоих надежд? И тут снова «конструирование» климата.

Довольно долгое время существовала у нас система уполномоченных. Сев — в колхозы едут работники районных организаций, учреждений. Едут обеспечивать проведение посевной. Потом едут обеспечивать проведение уборки... Когда-то в этом виделся смысл — не хватало специалистов, малочисленны были на селе партийные организации. В последние десять — двенадцать лет положение круто изменилось. И инерцию не всегда и не все сразу преодолевают. Мы задумались: уполномоченные настоящему руководителю только мешают, авторитет его чаще всего колеблется, инициатива ограничена, да и — что кривить душой — появляется соблазн уйти от ответственности: что же, мол, с меня-то спрашиваете, когда ваш представитель рядом со мной находится? Коль вы его прислали, стало быть, ему больше, чем мне, доверяете, так с него и требуйте! Вывод напросился сам собой: посылать уполномоченных лишь туда и тогда, где и когда в этом ощущается острая надобность, причем посылать того, кто способен квалифицированно и доброжелательно помочь.

Сразу выявилось, что руководители хозяйств, не нуждающиеся в излишней опеке, почувствовали себя увереннее, выросла, возмужала их готовность нести ответственность за все, что они приняли на себя как вожаки, как коммунисты.

Мы, разумеется, не отказываемся от контроля — каждодневного, пристального и строгого, но контроль ни в коем случае не отождествляем с подменой работника и не даем оснований сползать к иждивенчеству, соблазняться жизнью за чужой счет.

...Климат высокой требовательности в сочетании с доверием, помощью, доброжелательной поддержкой. Стараемся создавать его каждым днем своей партийной практики. Бюро или пленум, беседы в кабинете или отчет на конференции, телефонный разговор или короткая записка по частному поводу — все должно быть уроком, который прибавит хоть каплю к твоему опыту и сделает тебя сильнее и нужнее, требовательнее к себе, научит с нетерпением ждать, что завтра с тебя спросят больше, чем сегодня, потому что верят в твои силы.

Вот так мы воспитываем наши кадры. И то, что за три года пятилетки Калужская область шагнула вперед и в развитии экономики, и в решении социальных проблем, и в области культуры, все это дает нам основание считать, что мы на правильном пути.

ПРИВЫЧНАЯ ВЫСОТА

Н. ХРАБРОВА,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Сижу в доме Вольдемара Круминьша, рассматриваю сделанные им украшения и сувениры. Вот то ли закладка, то ли ножичек для разрезания страниц — небольшая тонкая металлическая пластинка. Внизу она кругло заострена, наверху украшена завитком с капелькой янтаря. Но это не просто завиток, а крупноглазая голова совы — символ книжной мудрости. И вся закладка — остроумный маленький агрегат: вторая пластинка, пружинисто соединенная с первой, придерживает читаемую страничку, не дает ей закрыться... И подумалось: сколько же у нас у всех всяких безделушек, именно безделушек: обретаются без дела. А вот Вольдемар Круминьш сделал закладку с явной заботой о человеке, с мыслью о том, чтобы было не только красиво, но и полезно.

Старая деревянная лестница скрипит и ухает: это Ояр, с утра взывавший «аукша!»— что значит «наверх»,— наконец накормлен, и одет, и топает к деду в мастерскую. Садится к нему на колени, берет проволоку и молоток и, ведя проволоку по станочку и постукивая по ней молотком, ловко делает первое закругление для будущего витка. Что это — наследственность? Или воспитание? И то и другое. И все равно союз таланта и мастерства остается неразгаданной загадкой. Да еще в таком удивительном случае: Ояру всего два года. Он сначала подносит свое произведение к глазам, потом отводит подальше, разглядывает с любопытством и говорит себе одобрительно: «Э!»

Это очень мило и смешно. И очень серьезно.

— У меня есть журнал со статьей американского ученого Спока,— рассказывает Вольдемар Кристапович,— он пишет, что детей надо воспитывать и развивать уже до трехлетнего возраста, и я с ним согласен.

Тут я тоже со Споком согласна, тем более что задолго до него русская народная мудрость призывала воспитывать дитя, пока оно поперек лавки лежит. А потом Вольдемар Кристапович развивает уже свои взгляды на воспитание:

— Нам, взрослым, обязательно надо уметь подметить, какое занятие доставляет удовольствие ребенку, и ничего ему не навязывать. Пусть это занятие будет пока любимой игрой, как вот для Ояра молоток и проволока. Знаете, как Айя, моя дочь, петляла, пока не нашла себя? В кружок химии ходила — бросила. Конькобежным спортом занималась — бросила. Потом были попытки моделировать одежду. И наконец поступила на отделение текстиля в Академию художеств, окончила недавно, а работы ее уже выставлялись в Москве, во Франции, в Польше. Теперь мы оба стараемся передать Ояру каждый свое: я — учу молотком стучать, Айя — рисовать. Известно, что ребенок с карандашом в руках сначала чиркает, то есть рисует прямые линии, затем одолевает овал, а затем спираль. Ояр уже освоил спираль. Это я к тому говорю, что не стоит надеяться на талант, его ведь может потом и не оказаться. Мастерство же, данное человеку в детстве, будет с ним всю жизнь.

◀ **Вольдемар Кристапович Круминьш с внуком Ояром.**

Поясню: разговор идет не просто с художником, не просто с педагогом, а с тем и другим в одном лице — вернее, с точным механиком ТИО — техническо-исследовательского отдела знаменитого завода ВЭФ в Риге.

Вольдемар Круминьш — художник признанный, дипломированный, член «Дайльраде» — Латвийского общества народных мастеров прикладного искусства. На чердаке дома, где он живет с 1945 года в двухкомнатной, с печным отоплением квартире, сам устроил мастерскую, все своими руками сделал, кроме печки. Белесый свет прибалтийского зимнего дня через потолочные окна стекает на ткацкий станок Айи, на эскизы темперой, на янтарные украшения — Вольдемар Круминьш работает с янтарем и металлом. Когда окна открываются, в мастерскую проникает запах низких, напичканных сырым снегом облаков. В мастерской все просто, ничего вычурного: простое дерево станка, простое железо инструментов, простая глина кувшинов для кистей, красок, клеев. Но в творчестве своем Вольдемар Кристапович не чуждается модного направления «ретро»: тридцатые годы — его молодость... В этом стиле он сделал заводской сувенир — телефонный аппарат, устойчивый, с трубкой на рогатом рычаге.

Воспитатель Вольдемар Круминьш тоже признанный. Все, что рассказывал о воспитании своих детей, имеет отношение и к его ученикам: главное — учить мастерству.

— Даже затрудняюсь сказать, скольких человек он обучил,— рассказывает коммунист Язеп Скершканс, слесарь механического участка ТИО.— Я тут двадцать лет работаю. Вольдемар — уже тридцать четыре года. Мы с ним давние приятели. Сколько людей видели, как он работает, для стольких и был примером в труде. Мастер он единственный в своем роде. И вне завода живет как-то по-особому — ясно, что ли. Поступки все на виду, все — с самоконтролем. Знаете, есть такая точка зрения — мол, с коммуниста и спрос особый. А Вольдемар Круминьш беспартийный и спрашивает прежде всего сам с себя. Бывают люди, которые хорошо работают только за хорошие деньги. Вольдемар же, нисколько не думая об оплате, бескорыстно и с радостью ринется делать все, что нужно заводу и людям. У него повышенное чувство личной ответственности за все. Сразу после войны он стал активно участвовать в избирательных кампаниях — гордился своими товарищами, рабочими, которым народ поручает участвовать в управлении страной. Приходил первым на избирательный участок, голосовал, потом без приглашения садился помогать дежурным. Тогда, в молодости, ему казалось, что на большие общественные дела он не способен. Но год за годом круг его общественной деятельности расширялся, все поручения он выполнял, как говорится, чуть-чуть лучше, чем мог. И время показало, что мой приятель вопреки его самооценке не только обладает удивительным мастерством, но и способен на большую государственную деятельность. Его любят в коллективе, потому что он хороший, добрый, незаурядный человек. Но ведь и коллектив у нас незаурядный — люди, в силу профессии образованные и в силу традиции постоянно живущие активной общественной жизнью. Одним словом — ВЭФ! — подводит итог сказанному Язеп Скершканс.

ВЭФ — ордена Ленина, имени Ленина. Чуть не в каждом доме его транзисторные приемники или телефонные аппараты. Только ведь можно сделать самый сложный аппарат, а если выйдет он в свет без придирчивого заводского контроля — испортится и опозорит заводскую марку. Техническо-исследовательский отдел ВЭФа делает точнейшую контрольно-измерительную аппаратуру. Возьму на себя смелость заявить, что без Вольдемара Круминьша качество вэфовских приемников было бы хуже. Хотя сам Круминьш подчеркивает:

— Я делаю только части, только отдельные узлы для контрольно-измерительной аппаратуры.

Какие узлы? Для какой аппаратуры? Не только рассказать о них, но даже просто перечислить невозможно... Круминьш пришел на ВЭФ до войны, учеником в вечернее училище, где преподавали электротехнику и механику. Окончить училище не удалось. После войны, в 1945-м, поступил уже в лабораторию — маленький прообраз теперешнего ТИО. В трудовой книжке у него всего одна запись: завод ВЭФ. С 1945 года Вольдемар Круминьш работает точным механиком и профессию эту унаследовал от отца.

— Теперь точная механика стала и точнее и сложнее,— говорит Вольдемар Кристапович.— И завод стал другим: крупнейшее промышленное предприятие Прибалтики.

Судьба у завода ВЭФ интересная, как у одаренного человека, прошедшего через разные жизненные ситуации. Когда-то здесь были ремонтные мастерские почтово-телеграфного ведомства. В 1919 году одним из первых декретов латвийского советского правительства мастерские были преобразованы в электротехнический завод. До 1930-х годов его корпуса стояли пустыми. А в тридцатых, после затяжного кризиса, чем только завод не занимался: выпускал в малых количествах радиоприемники, фотоаппараты, весы, утюги, лампочки, фотобумагу, батарейки и даже несколько самолетов — разумеется, все из импортных деталей. Надо было выстоять в конкуренции. В какой-то мере ВЭФ и выстоял — главным образом благодаря тому, что всегда работали на нем лучшие мастера Латвии. В войну фашисты вывезли оборудование, разрушили корпуса. В 1945 году завод был быстро восстановлен, с годами наметилось главное его направление — радиопродукция, и было сделано все возможное, чтобы качество ее определило спрос. Сейчас 33 процента вэфовских изделий идет за рубеж, их покупают 70 стран. И у нас в стране вэфовские приемники — из самых популярных.

Какова же здесь роль Круминьша? Секретарь партийной организации отдела, крупный инженер, начальник бюро металлов Лариса Николаевна Скоробогатько рассказывает:

— У Круминьша множество идей и изобретений. Самое бесценное его качество в том состоит, что он воплощает свои идеи своими

руками. Он способен на остроумные инженерные решения и на точнейшее рабочее выполнение — сочетание нечастое. По данным нашего БРИЗа известно, что последние тридцать три его изобретения принесли за несколько лет заводу очень большую экономию.

Вольдемар Кристапович про экономию говорит несколько иначе:

— У нас ведь детали мелкие, большой экономии сразу, наверное, быть не может. Но их так много, что в конце концов с какой-нибудь полкопейки и набегут тысячи, а то и десятки тысяч рублей.

Попросила его рассказать, как рождаются изобретения. Он ответил:

— Меньше всего за рабочим столом. Бывает — по дороге домой. Или за работой над янтарем. А то и за телевизором или ночью... Нет, я не могу сказать, как, но, пожалуй, скажу, почему: я не люблю застоя в работе. И, конечно, идеи не падают с потолка. Я пользуюсь заводской технической библиотекой, она у нас весьма обширная. На дом техническую периодику тоже выписываю. Представьте: мы в отделе получаем задание — испытать новую деталь. А как и чем будем испытывать — это наше дело. В каждом случае приходится нам создавать специальный контрольно-измерительный прибор. А как его создашь без знаний?

Участие в создании не только контрольно-измерительных приборов, но и вообще заводских новинок для Вольдемара Круминьша истинное наслаждение. Человек совсем нетщеславный и нечестолюбивый, в эти дни он явно горд тем, что доля его труда есть в механизме новой магнитолы «ВЭФ-сигма».

Вольдемар Кристапович Круминьш — Герой Социалистического Труда.

В 1975 году он стал участником Выставки достижений народного хозяйства СССР, и как лучшему изобретателю министерства ВДНХ подарила ему автомобиль «Москвич».

А перед тем были на заводе неприятности: новый вид транзисторных приемников шел с браком, который обнаруживался не сразу. Причину брака, конечно, нашли: оказались ненадежными крепления одного из многих триодов к основанию, а основания — к печатной плате. Конструкторы и инженеры стали думать над новыми способами крепления и, несомненно, додумались бы, но не успели: Вольдемар Круминьш в какой-то момент сообразил, что тот триод надо крепить прямо к печатной плате. Для этого стоит только загнуть усики триода петлей, и... Дальше следует простой, короткий процесс, рассказывать о котором и долго и непросто. А конечный результат — полная надежность... Круминьш сам не ожидал, какой эффект даст его предложение. Экономия материала, времени. И главное — прекратился брак, прекратились рекламации, марка «ВЭФ» снова заняла должное место в мировой торговле.

— Я думаю, в данном случае экономия покрыла стоимость подаренной мне машины,— улыбается Вольдемар Кристапович. — А я на своем «Москвиче» объездил всю Прибалтику и Карпаты. И в депутатской работе машина добрый помощник — мне ведь приходится по письмам избирателей выезжать в любой конец республики.

В 1974 году вэфовцы выдвинули Вольдемара Круминьша кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Он был избран депутатом Совета Национальностей.

Недавно, в ходе нынешней избирательной кампании, при выдвижении кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР товарищи по работе вторично назвали его имя.

— Что вы сделали для избирателей, как оправдали их доверие, почему вас выдвинули снова?

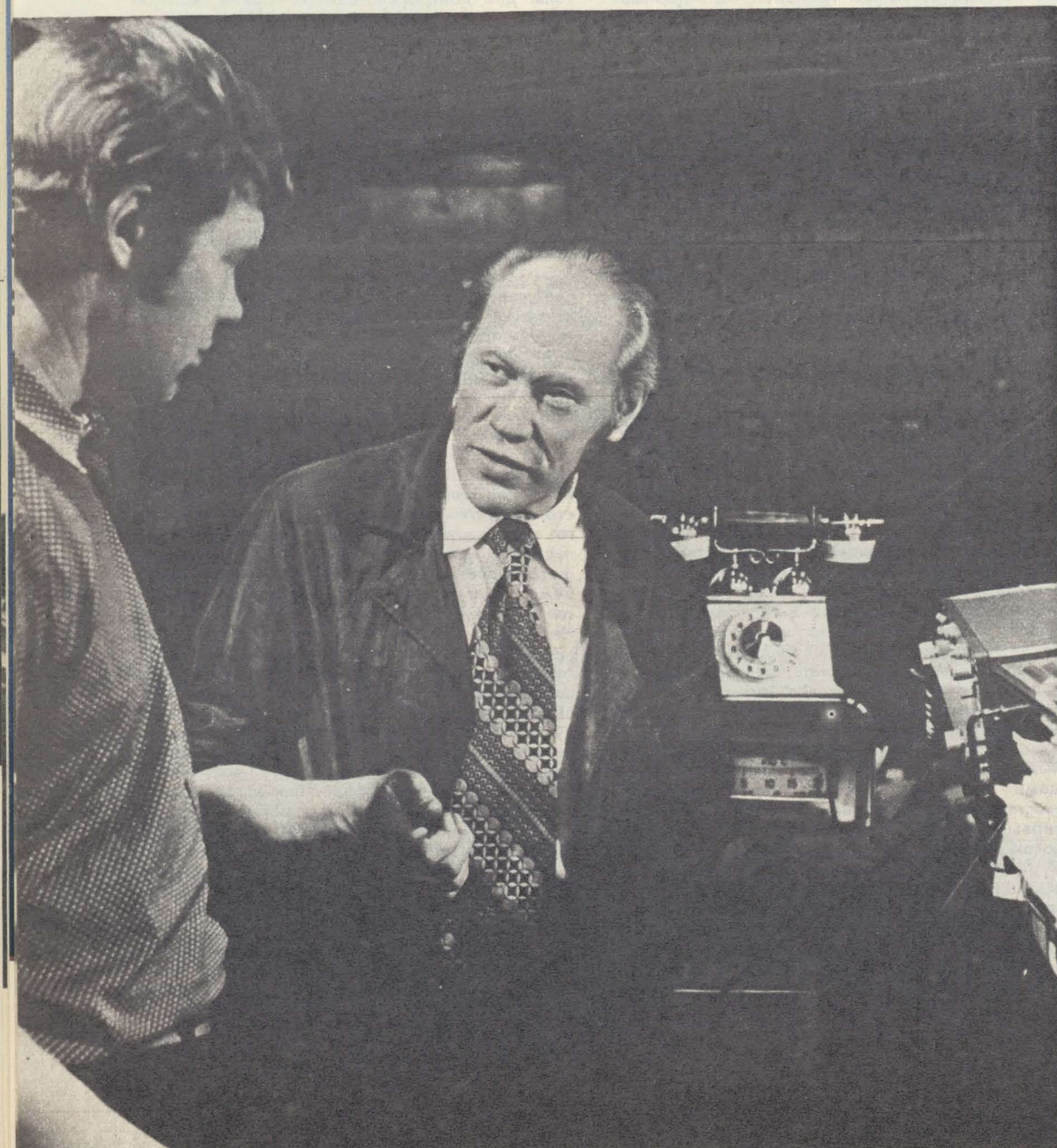
— Бывает, депутат добьется строительства нового многоквартирного дома, детского сада. Я этого не сделал. Конечно, помогал получить квартиры, устраивал ребят в детские сады. Были случаи, когда восстанавливал справедливое отношение к человеку — для этого надо законы знать, и я прибегал к помощи юристов Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики. Но случалось и так, что я отказывался помогать, потому что избиратель был неправ. Я бы не хотел сейчас приводить примеры, называть имена: это тайна двоих, и я один не в праве ее нарушить... В общей сложности ко мне официально в дни приемов обратились триста пятьдесят человек. А неофициально, конечно, гораздо больше. Я разговаривал с людьми о квартирных нуждах и перспективах, об отношениях в коллективе и семье, о воспитании детей. Хочу надеяться, что мой жизненный опыт хоть чем-то помог моим собеседникам. Они тоже помогли мне: помогли понять точнее и глубже логику законов общественного развития.

Вольдемар Круминьш завел записную книжку внушительных размеров: иногда с точностью до минуты приходится расписывать рабочий и депутатский день. Рассказывая о том, чем и как помогли ему избиратели, он в блокнот не заглядывает — это все в памяти. К нему обращались разные люди, у них были разные просьбы, и сначала казалось, что помогать надо всем.

— Но скоро я понял, что в обществе, как и в механике, есть свои реактивные силы, — рассказывает Вольдемар Кристапович, — понимаете? Я имею в виду силы, тянущие человека и общество в разные стороны. Вот представьте, приходит человек, уже заранее настроенный недоброжелательно, свои требования он аргументирует так: «Ну что ты за депутат? Раз не можешь, давай твой бланк, я сам напишу куда надо...» Такие люди настораживают, я стал в их делах разбираться подробно и понял: они гораздо чаще добиваются своего, чем люди сдержанные, деликатные, и прежде чем решать что-то, надо выстоять перед натиском напористых, разобраться в их претензиях. Приходили и такие, у которых привычкой стало только требовать от общества для себя, не задумываясь о том, что сами-то они дают обществу. Я стал думать так: помочь человеку с детским садом, квартирой или дачным участком — это важно, но не менее важно — суметь поселить в нем интерес не только к себе, но и к другим, к обществу в целом. Нет, я не переоцениваю своих сил и возможностей и никого не собираюсь перевоспитывать. К людям, которые приходят ко мне, отношусь с уважением и доверием. Просто я стал лучше понимать людей, ценить настоящую искренность и настоящее доверие. Вот мы, техники и механики, все совершенствуем и совершенствуем радиоприемники и телевизоры как средства связи. А самое простое средство связи — прямое общение людей друг с другом — в наше время больших скоростей и быстрого темпа жизни мы не всегда оцениваем по достоинству. И я считаю, что если мне удается по душам поговорить с моим — или не моим, это ведь неважно — избирателем, а тем более помочь ему делом или советом,— значит, день не напрасно прожит.

За окном поезда голубые ночные снега да лес, глухой и сонный. Пытаюсь в тишине, под стук колес, осмыслить встречу с Вольдемаром Круминьшем. Разные подробности наших разговоров вспоминаются. Конечно, я не считаю вершиной его рабочего мастерства петельки на триодах — у него ведь, как уже говорилось, много изобретений. И книжную закладку из тонких пластинок металла не назову вершиной его художественного творчества — у него много разных искусных работ. Раздумья о воспитании детей и о духовных интересах взрослых тоже не стоит считать высшим достижением его мышления. Но все это вместе свидетельствует о характере неравнодушном и социально активном. Вот в чем его привычная высота. Видно, этим-то Вольдемар Кристапович и пришелся по душе своим избирателям.

Вопросы возникают не только производственные...

СЫН ОТЕЧЕСТВА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ А. С. ГРИБОЕДОВА

А. С. Грибоедов за два года до гибели.
Акварель академика В. И. Мошкова.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Дмитрий ЖУКОВ

Я как живу, так и пишу свободно и свободно.
А. С. Грибоедов.
Из письма к П. А. Катенину.

Его прах покоится высоко над Тбилиси в монастыре св. Давида на горе Мтацминда. Сюда, к увитой плющом нише с двумя могилами, приходит много людей. Здесь по желанию своего мужа похоронила его Нина Грибоедова, совсем юная и прекрасная, оставшаяся верной памяти поэта до этого печального воссоединения. Люди молча и скорбно смотрят на одно из надгробий, на котором, обхватив распятье, рыдает коленопреклоненная женщина. Изваяние отлито из бронзы по замыслу знаменитого скульптора В. И. Демут-Малиновского, как сделано и само надгробие из черного камня, с портретным барельефом и золотыми буквами: «Александр Сергеевич Грибоедов, родился 1795 года, января 4-го дня; убит в Тегеране 1829 года, января 30-го дня».

Все свое великое и трепетное чувство вложила Нина в слова, горящие на холодном и тяжелом камне: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Внизу, в долине Куры, вытянулся по течению реки город, где называют Грибоедова «нашим северным зятем», где живал он наполненно, писал «Горе от ума»... Я перебираю даты и события, но мне все видится, как Пушкин здесь, у еще свежей могилы, после своего путешествия в Арзрум стоит на коленях и, наклонив голову, плачет...

Незадолго до этого, в июне, неподалеку от Безобдальского хребта, опередив своего человека с вьючными лошадьми, он увидел в зеленой долине на высоком берегу реки крепость Гергеры. Три ручья, с шумом срываясь с высокого берега, впадали в реку, которую Пушкин пересек вброд. «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда».

Вспоминая эту встречу, Пушкин бросил упрек современникам... да и потомкам:

«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Но как удовлетворить любопытство теперь, когда и камни уже рассыпались в прах, а реки обмелели или сменили русло?

Уже месяц я езжу по Кавказу, вчитываясь в скудные путевые записи Грибоедова и Пушкина и пытаясь представить себе, как все выглядело тогда, полтораста лет назад. И не могу. Пушкин ехал с севера на юг, из Грузии в Армению. Арба с волами должна была попасться ему навстречу, а получается, что он будто бы догонял ее, поднимавшуюся от реки по крутой дороге. Есть широкая зеленая долина, упомянутая Пушкиным, переходящая в лесистые холмы, а потом и в голые горы. Но крепости нет. Впрочем, выясняется, что Гергеры, а ныне Пушкино, делятся, как сказали местные жители, на Гяргяр армянский и Гяргяр русский, одинаково застроенные чистенькими домиками. Может быть, тут действительно была крепость...

В призрачной надежде услышать какое-либо предание я зашел во двор к преподавательнице литературы в местной школе Лидии Головкиной. Она только что вернулась из лесу, стояла на веранде в сапогах и ватнике в окружении русых женщин, говоривших на том русском языке, который сохранился в глухих деревеньках центральной России. На полу я увидел корзины, полные крупных, ядреных рыжиков.

В ответ на мои вопросы женщины пожимали плечами и говорили только, что военный пост здесь, видимо, был, что вон то седло между вершинами называется Бикетом — там, наверно, казачий пикет находился, а теперь рыжиков в лесу полно.

— А вы-то сами откуда приехали? — спросил я.

— Ниоткуда. Мы тоже местные. Прадеды наши отставные солдаты были, русские. Землю им тут давали... Рыжиков соленых не хотите ли?

Соленые рыжики были отменные. Одна из женщин предложила их поесть с хлебом.

— У меня свежий, только что испекла...

— Испекли?

— Ну да, в русской печи.

— Не может быть! В русских деревнях хлеба сами уже почти совсем не пекут.

— А мы печем!

Я давно не ел такого пшеничного хлеба, душистого, с румяной хрустящей корочкой, пышного. Потомки кавказских солдат сохранили не один русский язык...

Не знаю почему, но это поразило и меня и моих армянских друзей, и мы все оглядывались, взбираясь к перевалу. На долину ложился туман, укутывая деревья, закрывая домики.

У самой высокой точки шоссе, откуда открываются оба склона хребта — лесистый северный и каменистый южный, стоит бездействующий фонтан с колоннами и барельефом, который воспроизводит встречу Пушкина с телом Грибоедова. Перевалом уже не пользуются. Гора пронизана насквозь новым тоннелем, южный въезд которого богато отделан розовым туфом. Тут же и новый фонтан с портретом Пушкина.

И все-таки не хочется верить, что Пушкин ошибся, описывая свою встречу. Быть может, грузины с арбой спустились к реке для отдыха, а потом выбирались на «крутую дорогу», которая пересекала реку в другом месте?..

Доверие наше к слову Пушкина непоколебимо. Предсказанное им бессмертие «Горя от ума» — лишнее подтверждение пророческого дара. Слезы, пролитые у свежей могилы, напоминают о другом. О живом Грибоедове, который стоял перед Пушкиным накануне своего отъезда из Петербурга в Персию и говорил о предчувствии смерти. А знали они друг друга давно — с 1817 года. И эти двенадцать лет знакомства Пушкин разделил на две части, равные по времени и совсем неравные по жизненным ощущениям Грибоедова.

До 1824 года.

И после.

«Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении», — писал Пушкин.

Грибоедов уехал из Петербурга, покончил с праздной рассеянностью («Лень губит всякий талант», — записал он слова, пришедшие во сне), работал и в Персии, и в Грузии, и в Москве, и в деревне у Бегичева. Для Пушкина это все была «Грузия», и он прав в своем стремительном описании событий до переворота в судьбе Грибоедова и «начала беспрерывных успехов».

«Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэта-

Памятник на могиле Грибоедова.

ми,— продолжал Пушкин.— Через несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехал в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Грибоедов любил этот город и даже заботился о его благоустройстве, чему свидетельство — «Записка о лучших способах вновь построить город Тифлис». Ему нравились деревянные галереи, опоясывающие дома и «доставляющие тень, благотворную в здешнем жарком поясе», и он предлагал сохранять их при перестройках. Такие дома с длинными крытыми балконами еще встречаются на старых наклонных и узких улицах. Хорошо бродить по их мостовым, осененным листвой старых деревьев, и вспоминать то немногое, что сохранилось для нас в мемуарах и документах.

В эту вот баню, прославленную Пушкиным, ходил и Грибоедов, учась заодно у банщика грузинскому языку. На площади Ираклия II я вглядывался в уже давно перестроенные дома, стараясь догадаться, в каком из них жил и писал он те явления «Горя от ума», которые читал здесь Кюхельбекеру. А на этой улице, на том самом месте, где стоит сейчас здание Союза писателей Грузии, были дома командира Нижнегородского полка и поэта генерал-майора Александра Гарсевановича Чавчавадзе и вдовы начальника артиллерии Кавказского корпуса Прасковьи Николаевны Ахвердовой. Тут Грибоедов нашел свое недолгое счастье, пленившись совсем юной прелестью большеглазой Нины Чавчавадзе.

Есть легенда, что сразу после свадьбы и нескольких дней торжеств молодые супруги уехали в Цинандали, имение Чавчавадзе в Кахетии. В известиях о Грибоедове есть десятидневный перерыв — с 26 августа, когда состоялся бал у военного губернатора Тифлиса генерала Сипягина, и до 6 сентября, которым помечено письмо Паскевичу. У поэта были жестокие приступы малярии, один из них случился во время самого венчания — выпавшее из дрожавшей руки кольцо всех смутило... И все-таки поездка в Цинандали, пребывание «там, где вьется Алазань», не исключено. Хочется в это верить, когда оказываешься в парке над высоким обрывом, над которым висит полуобрушившаяся церковка. В ней, говорят, молодые отслужили благодарственный молебен. Воздух напоен ароматом цветов, тенисты аллеи, громадным липам больше ста пятидесяти лет... Дом Александра Чавчавадзе, «трубадура жизни, радости, любви», просторен. В нем больше тридцати прохладных комнат, с широкой веранды в ясный день видны лиловые горы и белые вершины Кавказа. Где, как не здесь, было пролететь «медовой неделе»...

Грибоедов и прежде бывал в Цинандали, и недаром он писал Ахвердовой за месяц до свадьбы, во время тревожной и утомительной поездки в действующую армию: «Скажите Нине, что так не будет долго продолжаться; вскоре, самое большее через два года, я заживу отшельником в Цинондалах».

Его мечте о спокойной семейной жизни в райском крае не дано было осуществиться. Обязанности звали полномочного министра в Персию...

Не раз уже он проделывал этот путь через Армению, в истории которой важнейшим событием было подписание в маленьком иранском селе Туркманчай договора с Персией в феврале 1828 года. Немало усилий и дипломатического таланта Грибоедова вложено в выработку условий договора.

Договор был результатом побед русского оружия. И при осаде Эривани, под крепостью Аббас-Абад и в других сражениях Грибоедов обнаруживал замеченную всеми храбрость. Но больше всего современники ценили его ум, способности «человека государственного».

Тем, кто никак не может примирить кажущиеся противоречия в жизни Грибоедова — его обличения общественных язв в «Горе от ума» и служебную деятельность, его близость к декабристам и отказ участвовать в обреченной, по его мнению, на провал попытке изменить одним ударом государственный строй России, трудно понять, что он был умнейшим и последовательнейшим человеком своего времени, что он жаждал практических результатов и не чурался труда, призванного искоренить именно те порядки и нравы, которые он бичевал в своей комедии. Он желал России добра. Проявлением этого были и его обличения и его служение на дипломатическом поприще.

Теперь он ехал в Персию добиваться выполнения условий Туркманчайского договора. Ехал с женой и большой свитой. В караване было сто десять лошадей и мулов, ночевали под шатрами на вершинах гор, где царил зимний холод. В Эчмиадзине состоялась пышная встреча. Армянские монахи вышли с крестами, иконами и хоругвями. Грибоедов заночевал в монастыре и начал письмо к своей петербургской приятельнице Варваре Семеновне Миклашевич, хвастался прелестью, игривостью своей молодой жены, которая заглядывала ему через плечо и вдруг сказала:

— Как это все случилось! Где я, что и с кем!! Будем век жить, не умрем никогда.

Это было само счастье, и письмо осталось неоконченным...

Эчмиадзин невелик, но в наше время за один день не осмыслишь всего увиденного в пределах его замкнутой зданиями территории. Щедрое армянское солнце заставляет светиться желтый камень, из которого сделано все — и стоящий здесь с четвертого века собор и хачкары — причудливо иссеченные резцом памятные стелы... Не знаешь, чему удивляться — то ли мастерству армянских каменотесов и ювелиров всех времен, то ли Гегарду — копью, которым римский воин поразил распятого Христа, то ли посмертной маске архимандрита и великого композитора Комитаса, то ли святилищу огнепоклонников, обнаруженному под собором при недавней реставрации...

По обе стороны от центрального входа в собор — плиты на могилах армянских католикосов последних 200 лет. На одной из них имя Нерсеса Аштаракеци. Это он во время русско-персидской войны возглавлял отряды армян-ополченцев, сражавшихся бок о бок с русскими солдатами. Во время переговоров с наследником персидского престола Аббас-Мирзой дипломат Грибоедов услышал упрек:

— Вы... для возбуждения против нас армян выписали в Эчмиадзин христианского калифа Нерсеса...

После Эчмиадзина ждала Грибоедовых освобожденная русскими Эривань. Встречали пятьсот всадников, ханы, армянское и православное духовенство, полковая музыка. Восемь дней пролетели как один. Приехал тесть Александр Чавчавадзе, теперь начальник Эриванской области. Они вспомнили, как ровно год назад русские офицеры поставили и сыграли сцены из «Горя от ума» в заброшенном здании старого Сардарского дворца. Сцены имели шумный успех.

Отец и мать Нины проводили Грибоедовых и в семи верстах от города простились с зятем навсегда...

На горе Мтацминда в Тбилиси, возле могил Нины и Александра Грибоедовых, теперь грузинский Пантеон. Я читаю известные всей стране имена и думаю об имени, которое почитается многими народами Кавказа, о доброй воле человека, мечтавшего их «сблизить и соединить узами нравственными».

Вечереет, и на Тбилиси, как это бывает в горах, сразу надвигается темнота. Вспыхивают миллионы ламп, и город становится похож на опрокинутое звездное небо...

Если так, то верно, что счастливые браки совершаются на небесах.

ЯНВАРЬ

Ия МЕСХИ

Может быть, в том 1829 году был и в нашем теплом городе холодный январь? Во всяком случае, в Тегеране, по соседству, он был холодный. Грибоедов из Тегерана писал:

«Снег падает здесь в изобилии, ежедневно, как бодает, и грязь на улицах непролазная. Сегодня я получил от имени Е(го) В(еличества) список лиц, которые должны мне давать обеды, в пять раз больше того, что мне нужно для хорошего пищеварения... Через восемь дней я рассчитываю покинуть столицу...»

Он был бодр, ироничен, словом, в хорошем расположении духа. Писал полковнику Джону Макдональду, коллеге, представителю Англии в Иране.

Письмо стало известно недавно, несколько лет назад. Его мне показал, в переводе с французского, Иван Константинович Ениколопов, член Пушкинской комиссии АН СССР. А ему прислала это письмо Эвелина Харден, профессор университета в Канаде. Она приезжала в Тбилиси, бывала у Ивана Константиновича, который дал ей некоторые практические советы: где и что можно искать связанное с именем Грибоедова. В том числе посоветовал поискать в Англии материалы семьи Макдональд, с которой хорошо были знакомы А. С. Грибоедов и Нина Чавчавадзе. И вот Эвелина Харден нашла сначала цитируемое письмо Грибоедова в библиотеке Ноттингемского университета, а затем в фондах библиотеки Эдинбургского университета — письмо Нины Чавчавадзе к жене Джона Макдональда, Амали. Но о нем ниже.

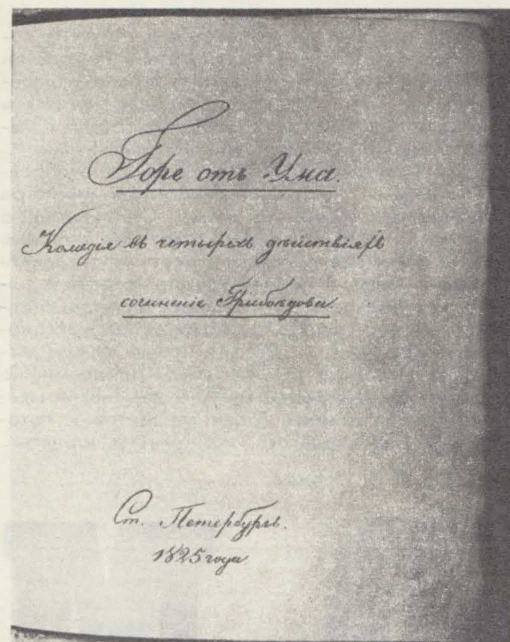
«Через восемь дней я рассчитываю покинуть столицу»,— писал Грибоедов, имея в виду отъезд из Тегерана в Тавриз, в свою резиденцию полномочного российского представителя в Персии. Мы знаем, что этого не случилось, а случилось ужасное. Грибоедова, а с ним вместе более пятидесяти человек растерзала толпа религиозных фанатиков, подстрекаемая теми, кого бесила настойчивость русского посла в вопросе возвращения пленных, подданных России, на родину.

Александр Сергеевич Грибоедов пал на поле брани. Услышав шум за дверьми, он выбежал с обнаженной саблей в руке и упал от удара камнем. Ворвавшаяся толпа довершила злодейство.

И прошло с той поры полтора столетия. Я сижу у Ивана Константиновича Ениколопова,

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ

ГРИБОЕДОВА

Обложка списка «Горя от ума». Литературный музей Тбилиси.

судьба предков которого причудливо сплелась с судьбой Грибоедова. Прадед Ениколопова, Априам, тоже был в плену, но несколько раньше, во время жесточайшего нашествия на Тбилиси, в 1795 году, Ага Мохаммед-хана. Ему удалось бежать, возвратиться в свой город навсегда. А вот брату его, Манучару, тоже похищенному солдатами Ага Мохаммед-хана, бежать не удалось, он осел в Персии, и там стал постепенно выдвигаться, и дослужился до больших высот. Имя его то и дело мелькало во время всяческих государственных, политических акций, в том числе и при заключении знаменитого Туркманчайского мирного договора, душой которого был Грибоедов. Манучар-хан, как один из представителей иранской стороны, был наделен в Туркманчае неограниченными полномочиями шаха. А в тот прискорбный день 30 января 1829 года (по старому стилю), мучимый противоречивыми чувствами, Манучар-хан послал к Грибоедову своего племянника, сына сестры, Соломона Меликишвили, с тем, чтобы указать Грибоедову на потайной ход, который мог бы его спасти. Соломон до Грибоедова не добрался, его стащили с лошади и убили те же разъяренные люди.

И был у Априама Ениколопова (Энаколопашвили) третий брат — Агалобек, который в эти дни находился в Тавризе при жене Грибоедова, Нине Чавчавадзе, оберегая ее покой. Это о нем в последнем дошедшем до нас письме Грибоедова Нине написано было: «...Еще раз поклонись Агалобеку». Так вот Агалобеку Ениколопову выпало нелегкое поручение сопровождать не ведающую о гибели мужа Нину из Тавриза в Тбилиси.

Об этом письмо Нины из Тбилиси жене Макдональда, добытое Эвелиной Харден:

«...Спустя несколько дней после моего приезда, когда я едва отдохнула от перенесенной мною усталости, но все более и более тревожилась в невыразимом беспокойстве зловещими предчувствиями, сочли нужным сорвать завесу, скрывающую от меня ужасную правду. Свыше моих сил выразить Вам, что я тогда испытала... Переворот, происшедший в моем существе, был причиной преждевременного разрешения от бремени... Мое бедное дитя прожило только час и уже соединилось со своим несчастным отцом в том мире, где, я надеюсь, найдут место и его добродетели и его жестокие страдания. Все же успели окрестить ребенка и дали ему имя Александр, имя его бедного отца...»

Сын Александра Грибоедова, Александр Грибоедов, который мог бы быть!..

Нина осталась безутешной вдовой на всю жизнь, посвятив себя детям своего брата Давида Чавчавадзе, того самого Давыдчика, которого Грибоедов любил, ласкал и поминал в своих письмах.

Михаил Ениколопов, сын Априама, и дед Ивана Константиновича служил в дипломатической канцелярии на Кавказе, участвовал вместе с Грибоедовым в кампании 1827 года. А сам Иван Константинович пятьдесят лет тому назад в Тбилиси, в Доме учителя, устраивал выставку, посвященную столетию со дня гибели А. С. Грибоедова, разыскивал реликвии, приобретал списки «Горя от ума» (один-то список семейный, деда Михаила!). А сегодня на его письменном столе лежит отпечатанная в типографии Академии наук Грузинской ССР комедия «Горе от ума» с его примечаниями — плод тридцатилетней работы, в которой он выступает с исследованием академического 1913 года издания «Горя...». Книга будет обсуждаться в отделении языка и литературы Академии наук СССР. И И. К. Ениколопов готовится к обсуждению (хотя ему пошел уже десятый десяток!) с юношеским трепетом...

Грибоедов принадлежит русской литературе. Грибоедов принадлежит советской и мировой литературе. Грибоедов своим последним десятилетием жизни принадлежит и нам, закавказцам. Кто из бывавших в Ереване не знает мемориальную надпись на здании, что заменило Дворец персидских сардаров: «Здесь в 1827 году, в присутствии автора, впервые была представлена бессмертная комедия великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума». Да, впервые в Ереване. Ее играли офицеры карабинерского 7-го полка.

«Горе от ума» ставили и на любительской сцене в Тбилиси в 1832 году, то есть за несколько лет до открытия в городе профессионального театра.

Среди грибоедовских реликвий в столице Грузии — книга записей Сионского собора одна тысяча восемьсот двадцать восьмого года. Старая картонная обложка, затрапезный вид. Запись, сделанная 22 августа рукой полуграмотного иерея Иоанна Беляева: «Полномочный министр в Персии Его императорского Величества статцкий советник и Кавалер Александр Сергеевич Грибоедов вступил в законный брак с девицею Ниною, дочерью генерал-майора, князя Александра Чавчавадзева...»

Запись выше: «Отставной солдат Федор Дехтярев сочетался с Анной Джевадовой».

Запись ниже: «Коллежский секретарь Иван Васильевич Новиков — с Соломеей, дочерью церковного крестьянина Егора Зазиева (читай: Георгия Зазиашвили)».

У Грибоедова было так:

«В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой ...все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, как и всегда, верно думала, что я ее усажу за фортепиано, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили...»*

Нина Чавчавадзе, 16 лет от роду,— внучка Гарсевана Чавчавадзе, известного дипломата, подписавшего в 1783 году от имени Ираклия Второго Трактат с Россией. Нина Чавчавадзе — дочь Александра Чавчавадзе, участника заграничных походов в войне с Наполеоном, поэта и общественного деятеля, человека, чей дом постоянно был родным не только для грузин, но и для русских, особенно опальных декабристов. Тут они встречались и научались понимать и любить друг друга, вспоминал об этом доме современник Грибоедова.

Я бы прибавила: научались болеть одной болью, заботиться одной заботой. Известны хлопоты Грибоедова об учреждении первой в Тбилиси газеты «Тифлисские ведомости» (июль 1828 года), о строительстве моста через Куру, о преобразовании первого в городе училища в гимназию, наконец, о создании Российской Закавказской Компании, что, как и следовало ожидать, было отвергнуто царем. Все это обсуждалось в доме будущего тестя, в кругу друзей. Так что не только любовь влекла Грибоедова к этой семье. Но любовь влекла, она окрыляла, придавала силы его и без того деятельной натуре.

Спустя 17 дней после венчания Грибоедов выехал со всем штатом русской миссии и с Ниной в Тавриз. Через два месяца — из Тавриза в Тегеран, на представление шаху.

В Тегеран он прибыл в начале января. Его приняли по-восточному пышно. А на улице стоял холодный январь. Скучая по письмам жены, он купил красивую чернильницу, отделанную фарфором, и отдал граверу с текстом на французском:

ПИШИ МНЕ ЧАЩЕ, МОЙ АНГЕЛ НИНОБИ. ВЕСЬ ТВОЙ. А. Г. 15 ЯНВАРЯ 1829 ГОДА. ТЕГЕРАН.

Чернильница эта, добытая Иваном Константиновичем Ениколоповым, хранится сейчас в Литературном музее Грузии.

Потом было письмо к Макдональдам, с которыми в Тавризе общалась Нина. Грибоедов очень беспокоился о ней и терзался тем, что вынужден оставлять ее одну в нездоровье.

Сто пятьдесят январей прошло с тех пор! Совсем не так уж много...

Тбилиси.

* Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам (фр.).

Публикуемый впервые портрет А. С. Грибоедова (воспроизводится в цвете на 4-й обложке журнала), хотя и выполнен уже после смерти писателя, представляет значительный интерес. До сих пор он не был известен широкому кругу читателей и специалистов.

В Институт русской литературы портрет поступил от частного лица как предполагаемый портрет Грибоедова. Он не совпадает ни с одним из его известных прижизненных изображений, однако со многими из них имеет общие черты. Тщательный анализ деталей изображения подтверждает, что художник писал именно портрет Грибоедова.

Взглянем повнимательнее. Брюнет с коротко остриженными волосами, широким лбом, густыми, резко очерченными бровями, карими, глубоко посаженными глазами, во взгляде которых чувствуется усталость и вместе с тем сосредоточенность на какой-то своей мысли. Полные, чуть выпяченные губы, массивный подбородок, смуглый цвет лица, подчеркнутый узкой белой полоской воротника. На шее орден Анны второй степени на красной муаровой ленте. Правая рука с красивыми длинными пальцами свободно лежит на крышке ларца, по которой рассыпаны золотые монеты. Отметим, что эти детали изображения — орден Анны на шее и золотые монеты на крышке ларца — связаны с биографией Грибоедова, получившего награды за участие в успешном заключении выгодного для России мирного Туркманчайского договора, которым завершилась русско-персидская кампания 1826—1828 годов.

На боковой стенке ларца нанесена арабскими буквами надпись. Рядом с ларцом, в тени, падающей от него на стол, с трудом можно

А. С. Грибоедов. Художник Л. Игорев (фрагмент).

разглядеть подпись художника: «Л. Игорев».

Лев Степанович Игорев (он же Игирев; 1822—1893) учился в Академии художеств. В 1854 году ему присвоили звание академика живописи. Таким образом, портрет написан высококвалифицированным художником, хорошо, видимо, знакомым с прижизненной иконографией Грибоедова.

Загадочной остается только надпись, выполненная на ларце арабской графикой. По мнению специалистов, человек, писавший эти буквы, по-видимому, совсем языком не владел и срисовывал буквы откуда-то, имитируя арабскую графику, как бы символизируя этим связь Грибоедова с Востоком.

Е. А. КОВАЛЕВСКАЯ,
старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)

В НОВОМ ЙЕМЕНЕ

Владимир НИКОЛАЕВ, специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

ЖАРКАЯ ЗИМА

Времена года в Москве и Адене совпадают, но о тридцатиградусных наших морозах я слушал там по радио при тридцатиградусной жаре. Правда, местные жители на нее не сетовали, они явно наслаждались своей «зимой», отдыхая после убийственно знойного лета. Здесь так и говорят о временах года: у нас два сезона — два лета, одно — очень жаркое, другое — просто жаркое. В «зимние» вечера, когда температура падает до плюс 25 градусов, здесь выходят на улицу кто в свитерах, кто в пальто.

Впечатления от йеменской земли одновременно и неожиданны и контрастны.

Опаленная пустыня, дикие скалы и горы, а рядом — плодороднейшие земли, они щедро платят людям за их труд обильными урожаями. Дурра — местное просо, пшеница, кукуруза, кунжут, хлопок, табак... Арбузы, дыни, бананы, папайя, помидоры и многие другие овощи и фрукты...

Скудный животный мир суши и забитое всякой живностью море. Когда стоишь на прибрежных скалах и смотришь в прозрачную морскую гладь, то видишь множество рыб и других обитателей подводного царства, каждый из них как бы старается перещеголять других причудливостью своих форм и пестротой окраски (не рыбы, а попугаи!). Примостившиеся на скалах юные рыболовы то и дело вытаскивают леской на берег очередное диковинное существо. А крабы, можно сказать, сами лезут в руки. Ловить их здесь,— во всяком случае, для собственного потребления — совсем просто. Они украшают стол с богатейшими дарами моря, которые всегда под рукой. Крабы как бы соединяют сушу и море. Они то исчезают в воде, то появляются на песке и камнях, в той полосе, которая на несколько часов накрывается приливом, а затем обнажается при отливе. Эта влажная темная полоска, окаймляющая водный простор, тоже полна жизни. Словно наши кроты, изрыли песок своими подземными ходами раки-отшельники, таскающие на себе раковины редкой красоты. Раковины и ракушки на йеменском побережье вообще отличаются такой оригинальностью, с какой я нигде больше не встречался.

Запомнились мне и симпатичные верблюды. Их здесь очень много, наверное, еще и потому, что нет лошадей. Это верный друг и помощник местного труженика. Забавно и трогательно выглядят верблюжата, тонконогенькие, с еще не раздутыми боками, они похожи на большие, вырезанные из картона игрушки.

Великолепны розовые фламинго, живущие прямо в городе. Гордо и чинно вышагивают они по мелководью. Им, таким прекрасным, ни до кого нет дела.

Хороши узкие улочки старого Адена по вечерам. После рабочего дня, после всегдашней дневной жары, стар и млад выходят на улицу. Все места в незамысловатых забегаловках заняты. Все степенно пьют чай и прохладительные напитки. Играют в карты и домино.

В Адене стал я свидетелем редчайшего явления: увидел дождь, который случается там раз-два за год. Как только он начался, вся детвора высыпала из домов на улицу вне себя от радости. Лужи не успевали образоваться, потому что их разбрызгивали десятки босых ног. Всегда нахально-степенные аденские вороны тоже оживились, оседлали самые высокие ветки деревьев и подняли радостный крик. Но, увы, дождь шел недолго, минут десять.

Земля эта издавна известна во всем мире-из-за порта Аден, расположенного в прекрасном естественном заливе на оживленной морской дороге. Аден упоминается в библии. Утверждают, что Ноев ковчег был построен именно в Адене. И сегодня это один из крупнейших портов в мире, но вот еще один контраст: до самых последних лет Аден жил одной жизнью, а страна — другой, оторванной от мировой цивилизации и во многом находящейся на уровне средневековья. Причиной такой отсталости был колониальный гнет. С ним было покончено совсем недавно. Народной Демократической Республике Йемен (НДРЙ) всего одиннадцать лет. Срок для истории ничтожный. Но уже повсюду видны черты новой жизни, которые так радостно контрастируют с уходящими навсегда приметами недавнего прошлого.

СТРАНА УЧИТСЯ И СТРОИТ

Что прежде всего бросается в глаза на городских и сельских улицах? Дети и подростки в светлой школьной форме. В стране с населением в 1,75 миллиона человек учится в школе более 400 тысяч ребят. Их отцы и матери были почти поголовно неграмотными.

Об огромной просветительской работе республики мне рассказал заместитель министра просвещения Абубакар Базиб. Он говорил о том, как с первых же дней свободы в стране начали бороться с неграмотностью, создавать школы и вузы. Было так трудно, задачи стояли такие большие, что нашлось немало скептиков, не веривших в быстрый успех массового просвещения. А сегодня новый Йемен может гордиться не только своими школами, но и столичным университетом. В нем насчитывается более четырех тысяч студентов и готовятся медики, педагоги, экономисты, юристы...

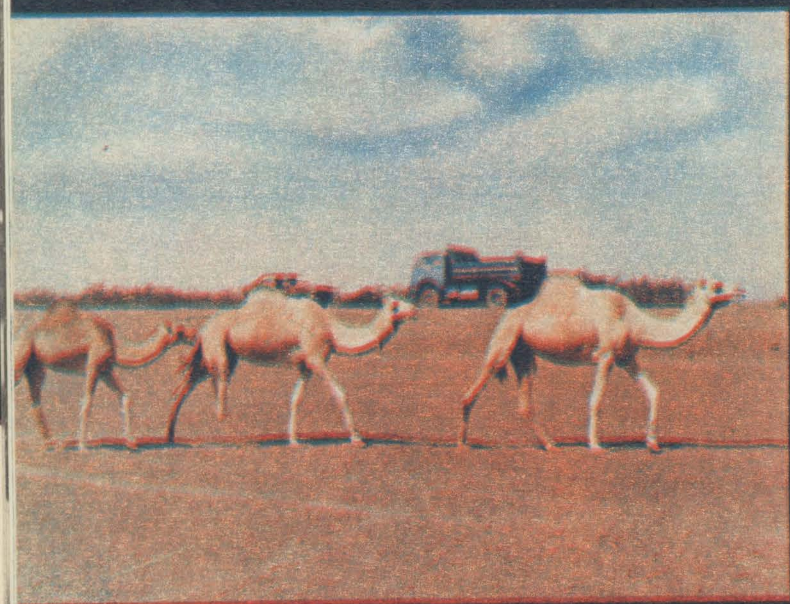
Несколько часов провел я на педагогическом факультете университета. Его руководитель Салех Арам подробнейшим образом ознакомил меня с учебным процессом. Здесь готовят учителей для средней школы, они изучают арабский и другие языки, географию, историю, физику, химию, биологию, математику... Именно этот факультет явился ядром университета, ибо страна прежде всего нуждалась в учителях. Нужда эта ощущается и сейчас, но скоро она будет удовлетворена. В этом важном деле, как и во многих других, республике помогают социалистические и развивающиеся страны. Так, на педагогическом факультете наряду с местными кадрами работают специалисты из СССР, ГДР, Сирии, Индии, Судана и других стран.

В часы занятий я зашел в несколько аудиторий. Сразу видно, что учатся с большой охотой, увлеченно. И примерно половина студентов — девушек. Важная примета! Совсем не-

Город-порт Аден ● Тракторист Салех Мухаммед.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
На машинно-тракторной станции ● Аденский старожил ● Верблюжья семья ● Это не снег, здесь добывают соль ● Строительство дороги.

LONGINES
مزرعة

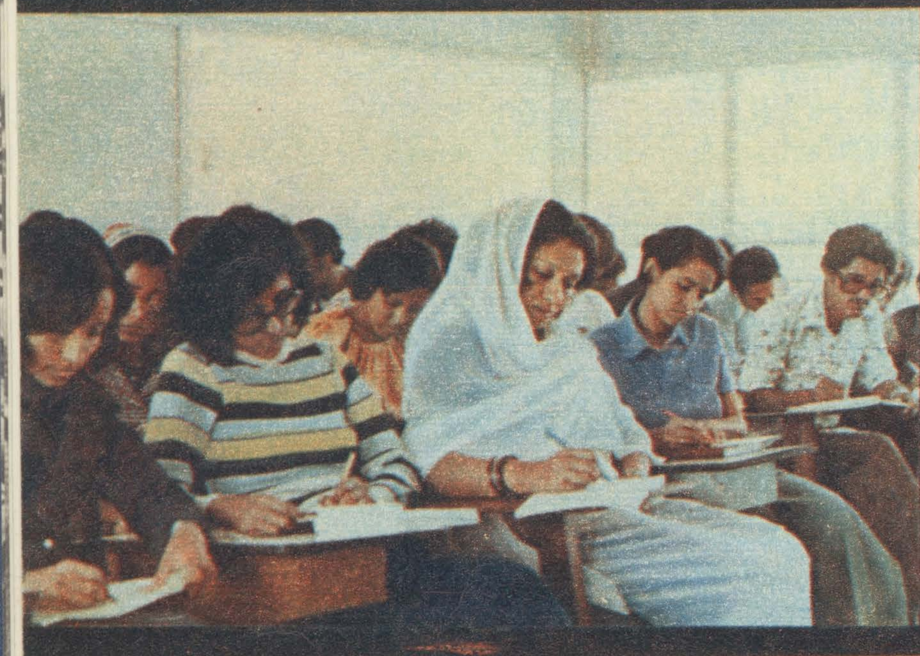

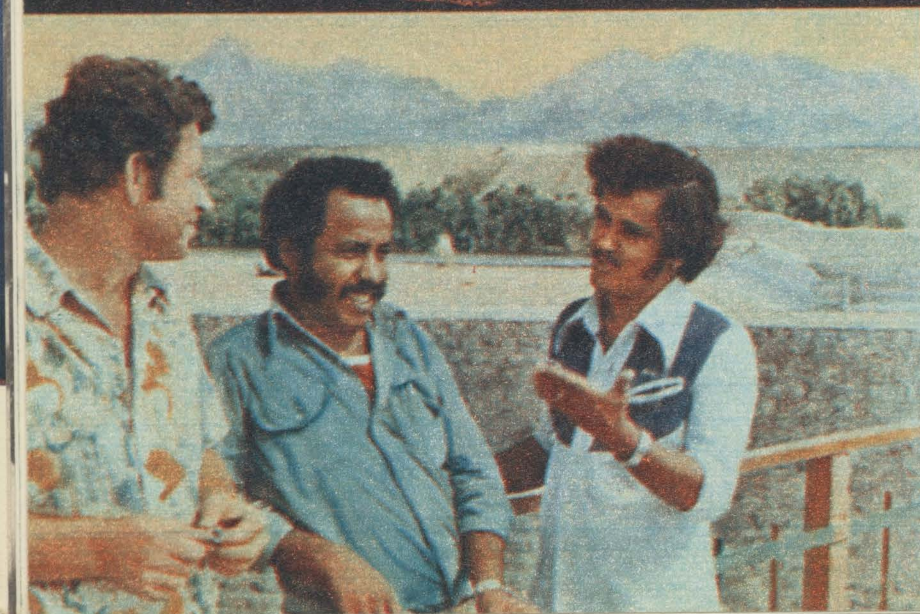

давно женщина считалась здесь низшим существом. Сегодня — иное дело. Большинство девушек и женщин сегодня идут по улицам уже без чадры. Многие, правда, еще в черных накидках, но с открытыми лицами. А в университетских аудиториях и коридорах чадры вовсе нет.

Как в университете, так и в других местах обязательно встретишь молодых йеменских специалистов, окончивших наши вузы. Они хорошо говорят по-русски и с удовольствием вспоминают годы учебы в Советском Союзе. С одним из них, выпускником нашего вуза, агрономом Ахмедом Али Салехом, я целый день ездил по полям второй провинции. С утра пораньше мы выехали из Адена и взяли курс на север. Дорога шла через колосящиеся поля и зеленые фруктовые плантации. Миновали хлопкоочистительную фабрику, консервный комбинат. Через час оказались в Хауте, столице провинции. Здесь мы оставили наш «фиат» и пересели в вездеход, поскольку дальше намеревались передвигаться не по шоссе, а по сельским дорогам и полям. Вскоре добрались до сельскохозяйственного кооператива Аль-Араис. Нас встретил директор Салех Ховейдер. Он рассказал о хозяйстве и показал нам его. Оно раскинулось у подножия гор, за которыми лежит Северный Йемен. Орошение здесь паводковое, два самых больших паводка с гор бывают весной и осенью. Хозяйство специализируется на хлопке и овощах. Земли новые, только еще осваиваемые. Местным крестьянам и специалистам помогают наши специалисты. Наступление на веками пустовавшие земли идет тремя волнами. Начинают его строители каналов и плотин. За ними следуют землеустроители. И, наконец, приходит черед новых обитателей этих земель, призванных жить на них и выращивать хлопок и овощи.

Вместе с директором кооператива мы проехали вдоль каналов и затем поднялись на плотину. Там неожиданно встретили наших агрономов Станислава Хруцкого и Владимира Голобокова. Первый работает на йеменской земле уже два года, второй только приехал. Хруцкий рассказал о большом размахе работ в этом краю. Осваивается одиннадцать тысяч гектаров. Воды хватает, а земля может давать несколько урожаев в год. В этом я убедился сам на поле, где сажали рассаду помидоров. Спросил, когда будет урожай, мне ответили: через полтора месяца.

Йеменские поля бороздят наши трактора и комбайны. В ремонтной мастерской старший инженер-механик Левон Даштоян, приехавший сюда из Армении два года назад, говорил мне о своей работе и одновременно руководил действиями двух молодых пареньков, копавшихся в моторе трактора.

В самых разных отраслях хозяйства республики можно встретить наших специалистов. В пустыне Руб-эль-Хали советские геологи ищут нефть. Как известно, на Аравийском полуострове ее немало, но верно ли, что природа обделила ею демократический Йемен? Поживем — увидим. Слово — за нашими геологами. А вот наши гидрогеологи уже дали жизнь многим землям. На базе оазисного орошения создано несколько крупных государственных хозяйств. Из глубоких скважин мощные насосы гонят воду вверх, на поля и плантации. Советские специалисты помогают республике развивать и такую важную отрасль хозяйства, как рыбный промысел.

Еще одного нашего соотечественника, капитана и лоцмана Виталия Курбатова, я встретил в Аденском порту. Он и не заметил, как я подошел к нему: был поглощен изучением арабского языка по карманному разговорнику. К нашей с ним беседе затем присоединились диспетчер порта Хасан Аманат и другой наш капитан, Григорий Гальчинский. Здесь советские специалисты учат йеменцев сложному искусству лоцманов, в которых такой большой порт, как Аден, очень нуждается.

О работе порта мне рассказал его генеральный директор Мустафа Мана. Портовики всегда были в первых рядах южнойеменского рабочего класса, в авангарде борьбы с колониализмом. А сегодня они трудятся в своем порту на свою страну. Мустафа Мана сказал мне, что скоро число портовиков перевалит за две тысячи. Важную роль в жизни и работе порта играют местная организация социалистической партии и профсоюз. Главная проблема — обучение кадров. Сложное и многоотраслевое портовое хозяйство требует знающих людей. Их обучают и здесь, на месте, а многие учатся в социалистических странах. В коллективе порта успешно проведена борьба с неграмотностью. Таких, кто не умеет читать и писать, остались считанные десятки. Мустафа Мана сообщил мне и о планах развития и модернизации порта. Программа большая. Залог ее выполнения — помощь со стороны Советского Союза, ГДР, Венгрии, Польши, Болгарии, Индии.

После беседы с генеральным директором я на катере объехал весь порт. Весьма продолжительная и очень интересная экскурсия! Гавань вмещает десятки крупных современных судов, и было приятно увидеть среди многих разноцветных флагов и наш красный.

НАША ДРУЖБА КРЕПНЕТ

Центральная городская площадь в Адене вся занята футбольным полем. И пока на улице светло, оно не пустует. Футбол здесь — всеобщая страсть. Во время игр на первенство страны городской стадион всегда переполнен. Начинают развиваться и другие виды спорта — бокс, баскетбол, волейбол, легкая атлетика. Создаются спортивные клубы. В одном из них я побывал и присутствовал там на встрече боксеров двух городских районов. Кстати, первыми советскими специалистами, с которыми я встретился в Адене, были посланцы нашего Спорткомитета. Они помогают поднимать в стране массовое физкультурное движение.

И еще воспоминания. Увидел я в городском банке огромный сейф, этакий мастодонт, в него, пожалуй, и на «Москвиче» въедешь. Сработан в Англии с гарантией на сто лет, как гласит сделанная на нем надпись. Еще до истечения гарантийного срока пришлось ему сменить своих хозяев, хотя они, как видно, думали задержаться здесь надолго.

Подивившись на сейф, вышел я на улицу и вскоре попал в район светлых новых домов. Они построены недавно на месте снесенной тюрьмы.

Такие перемены не всем по душе. Республика строит новую жизнь в сложных условиях борьбы с внутренней и внешней реакцией. В июне прошлого года была сорвана попытка государственного переворота в НДРЙ. Заговор был организован при поддержке реакционных арабских режимов и империалистических кругов. У врагов республики были опасные замыслы: спровоцировать братоубийственную войну между двумя Йеменами — НДРЙ и Йеменской Арабской Республикой, ликвидировать прогрессивные преобразования в демократическом Йемене. После провала заговора в реакционной арабской и западной печати с новой силой развернулась клеветническая кампания против молодой республики. Но демократический Йемен не одинок. Вместе с ним — прогрессивные силы арабского мира и развивающихся стран, вместе с ним — социалистические страны.

В совместном коммюнике о визите в СССР премьер-министра НДРЙ Али Насера Мухаммеда, состоявшемся в прошлом году, говорится о том, что мы высоко оцениваем успехи, достигнутые трудящимися демократического Йемена, а также политический и экономический курс, проводимый НДРЙ в своих отношениях с другими странами, основанных на принципах мирного сосуществования и интернациональной солидарности. В том же коммюнике отмечается, что наше торгово-экономическое сотрудничество развивается успешно и приобретает устойчивый и долгосрочный характер, охватывает все отрасли, которые имеют важное значение для становления национальной экономики и повышения благосостояния народа НДРЙ. Обе стороны подчеркнули в этом коммюнике свою решимость и дальше развивать плодотворное сотрудничество между СССР и НДРЙ во всех областях.

■

В Аденском порту ● На занятиях в университете ● Летняя страда йеменской зимой ● Станислав Хруцкий, агроном, Салех Ховейдер, директор кооператива Аль-Араис, Ахмед Али Салех, агроном ● У избирательного участка во время выборов.

КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ

ПРЕЛЮДИЯ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

А. Грибоѣдова.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ Россійскими Придворными Актерами, въ пользу Актрисы Г-жи Семеновой меньшой, Сентября 29 дня, 1815 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскаго Театра,
1815.

В моей библиотеке хранится небольшая книжечка в изящном полукожаном переплете начала XIX века. Это «Молодые супруги. Комедия в одном действии, в стихах». Ею дебютировал в литературе А. С. Грибоедов. Любопытна история появления в свет первой книги автора «Горя от ума».

...Санкт-Петербург, сентября 29-го дня 1815 года. Императорский театр полон. Сегодня бенефис Катеньки Семеновой-меньшой. Она дочь крепостной крестьянки. Но величественная красота и яркий сценический талант сделали ее кумиром публики. Ей нет равных в божественных трагедиях Озерова!

Но почему выбрала Катенька для своего бенефиса пьесу «Молодые супруги» Грибоедова? В литературе он новичок. Не принимать же всерьез одну-две статьи в «Вестнике Европы» о комплектовании кавалерийских резервов! Хоть комедия и переделана из популярной французской пьески Крезе де Лессера «Семейная тайна», да все же опасный опыт затеяла Семенова...

...Поднимается занавес. Катенька играет роль молодой жены — Эльмиры, которая не ездит по балам, но «свой дом всем прочим предпочитает». Это не нравится ее мужу Аристу (артист И. И. Сосницкий). Он не понимает, как можно «взаперти пробыть весь день». Однако Эльмира являет полную покорность. Более всего дорожа семейным очагом, она ради удовольствия мужа согласна «петь с утра» и на балу провести «всю ночь». Эльмира восклицает:

Везде, где вместе мы, мне
радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь
угадать
Все то, что мысленно ты
можешь пожелать.

И все же муж продолжает отчаянно скучать с верной ему супругой. Появляется друг дома Сафир (артист Я. Г. Брянский). Он укоряет Ариста:

Не совестно ль тебе с женою,
столько нежной,
Вести себя, как ты, так сухо,
так небрежно?

На легкомысленного молодожена нравоучения не производят впечатления. Тогда по совету умудренного Сафира Эльмира — Семенова ловко вызывает ревность мужа. И тот пред нею на коленях! Он просит позабыть его вину и обещает бросить «все вертопрашества и суетности прочь!». Любовь возвращена, в семье мир.

И занавес опускается. Гремят порядочные овации. Успех!

Екатерина Семенова не ошиблась в выборе пьесы для своего бенефиса. Комедию Александра Грибоедова неоднократно ставят на столичных и провинциальных сценах, идет она даже в двадцатые годы.

Способствовало распространению «Молодых супругов» то, что в том же 1815 году она была издана отдельной книжицей (с нее мы начали рассказ). Причем указаны актеры императорского театра — ее первые исполнители. На моем экземпляре пометки артиста, исполнявшего роль Сафира. На титульном листе автограф времени выхода книги, но приписывать его Грибоедову нет, к сожалению, достаточных оснований.

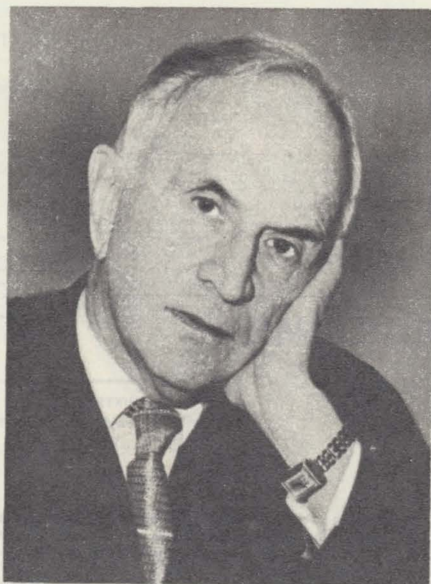
У поздних комментаторов в отличие от современных А. С. Грибоедову зрителей комедия не получила высокой оценки. К ней прочно пристало определение «типичного образца модного в 10-х годах XIX века жанра светской комедии».

Конечно, молодой литератор только набирал силу, которая позволила ему позже создать удивительные по мастерству сцены «Горя от ума». Но и в «Молодых супругах» есть интересные мысли, «резкие картины нравов».

По утверждению С. Н. Бегичева, близкого друга А. С. Грибоедова, план «Горя от ума» «был сделан у него еще в Петербурге 1816 года, и даже были написаны несколько сцен». Так что «Молодых супругов» вполне можно считать своеобразной прелюдией перед созданием знаменитой комедии.

Впервые полностью, хотя и в искаженном цензурой виде, на профессиональной сцене «Горе от ума» представлено в Петербурге 26 января 1831 года, ровно два года спустя после гибели ее автора. Это был бенефис первого исполнителя роли Сафира — Я. Г. Брянского. Два других исполнителя «Молодых супругов» также были заняты в спектакле — Е. С. Семенова играла роль Софьи, И. И. Сосницкий — Репетилова. Совпадение любопытное.

Вал. ЛАВРОВ

Исполняется 85 лет советскому писателю Владимиру Германовичу ЛИДИНУ, постоянному автору нашего журнала. Поздравляя Владимира Германовича с юбилеем, «Огонек» предлагает читателям его новый рассказ.

Вл. ЛИДИН

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

ЗИМНИЙ ОТПУСК

В санаторий приехали в такую непроглядную муть, что шоферу санаторского автобуса пришлось несколько раз останавливать машину и соскребать с лобового стекла налипший снег, с которым не справлялись снегоочистители.

И за много лет впервые Алексей Дмитриевич Овчарников оказался под сенью того крова, где можно ничего не делать, отдыхать, предаваться неспешным мыслям или посидеть в шубе и шапке на широком балконе, а снег тем временем идет и идет, и в парке стволы деревьев по колено в снегу.

С месяц назад один из тех, кого на учтивом медицинском языке принято называть коллегой, а попросту Андрей Иванович Говорков, опытный врач-кардиолог, заставил его, Овчарникова, снять с себя рубашку, присесть возле его стола, а потом и прилечь на покрытый простыней диван, пока Говорков измерял давление, выслушивал сердце, мял живот, раздвигал двумя пальцами веки, чтобы заглянуть в зрачки,— словом, проделывал все то, что проделывал он сам, Овчарников, на протяжении десятков лет с другими, и он сказал в шуточку:

— Мы с вами, Андрей Иванович, наподобие парикмахеров, которые бреют друг друга.

И Говорков тоже шутливо ответил:

— Ничего, побрею вас чисто.

И действительно, побрил чисто, прописав всяческие таблетки, а главное, назначив провести зимний отпуск в санатории с непременным условием ничегонеделания, добавив при этом:

— Мы с вами, Алексей Дмитриевич, хорошо знаем, что сосуды человека не водопроводные трубы, которые можно сменить или на худой конец промыть... что делать, медицина еще не дошла до этого!

И вот он, старый врач-педиатр, с сосудами, которые нельзя ни сменить, ни промыть,— в санатории, носящем несколько элегическое название «Лесной отдых», а под окном его комнаты сосны в снегу и загородная метель, укладывающая сугроб за сугробом.

За ночь метель, однако, пронеслась, начался санаторный, расписанный день, когда, проснувшись по привычке в половине восьмого, можно еще часок полежать с вялыми мыслями: как провести зимний день в пустоте ничегонеделания? Утром, правда, пришлось зайти к врачу санатория, молодой женщине, старательно проверившей сердце, давление, и он, чтобы не смутить молодого врача, покорно принял ее предписания, став сразу из опытного подопытным...

В десятом часу Овчарников спустился в большую столовую с застекленной стеной в парк, в стерильной тишине утреннего часа все чистейше белело — и фартучки официанток, и скатерти, и творог в глубокой тарелке, уже стоявший перед его прибором. А снег шел и шел, вместе с ним набегали воспоминания, и как не сменить и не промыть сосудов, так не отстранишь эту жатву памяти...

Почти сорок три года, почти к полувеку, работает он, старый врач, пестовал от колыбели не одного из тех, кто уже давно идет по дороге жизни, и только матери или бабушки помнят врача, к которому они приносили или приводили своих детей и внуков... но как давно это было!

И зимний, пустой день, когда не знаешь, с чего начать — полистать ли журнал в библиотеке, или покормить воробьев на балконе,— потянулся, а во время обеда официантка, молодая женщина в белом фартучке и с накрахмаленной наколкой, спросила:

— Может быть, чайку, Алексей Дмитриевич?

Он удивленно посмотрел на нее: когда же она успела узнать его имя?

— Спасибо, но чая после обеда не пью,— сказал он.— А откуда же вы знаете мое имя и отчество?

— Вы мою маму не помните? Она нянечкой у вас в детской больнице работала, Елизавета Гавриловна.

— Елизавета Гавриловна? Как же я могу ее не помнить? Мы столько лет работали с ней вместе! Где и как она сейчас? Я давно потерял ее из виду.

— Я вчера маме сказала, что к нам приехал отдыхать врач Овчарников, мама прямо руками всплеснула — так обрадовалась. Алексей Дмитриевич, мы ведь совсем рядом, в Ивантеевке живем, мама с нами теперь поселилась... и так хочется ей повидать вас!

— Да и я рад был бы повидать Елизавету Гавриловну... у нас с ней найдется что вспомнить.

— Алексей Дмитриевич, загляните к нам, отсюда ведь недалеко, всего шесть километров. А за вами мой муж заедет, когда скажете... он на ветеринарном пункте фельдшером работает. Сейчас дорога в снегу, машине не пройти, но вам, может быть, будет приятно на лошадке проехаться, хоть и не спеша, зато воздух хороший.

И мысль о том, что можно по-старинному, по-забытому проехаться зимней дорогой в саночках, показалась тоже как бы стерильной по свежести.

— Как вас зовут?— спросил он.

— Маша... вы меня ведь маленькую лечили, Алексей Дмитриевич, только забыли, конечно. А мама сказала, что это вы меня подняли, у меня с рождения неважно с сердцем было.

— А теперь как?— спросил он.— Бьется?

— Бьется!

И она так влюбленно, эта Маша Селиверстова, которую он и не помнил, смотрела на него, поднявшего ее... но скольких он поднял на своем веку, таких же синеглазых, как Маша, или кареглазых, или сероглазых...

— Тогда так... знаете, что такое санаторный режим? Мне больше полеживать полагается, ну разве еще на балконе посидеть... значит, чтобы тихо, без огласки.

— Муж за вами заедет, вам только за ворота выйти, будто пройтись задумали.

И какая-то нежная тайна как бы сблизила их.

— У меня послезавтра выходной день, муж за вами в эту пору явится. Когда выйдете за ворота, там на Москву прямая дорога, а правее — к нам, в Ивантеевку, муж будет у леска вас ждать.

— Ладно.... я сообразительный.

А та, которую лечил он когда-то, с таким сиянием была обращена к нему, что он даже чуть приосанился и провел согнутым пальцем по своим седым усам.

И день спустя, как бы совершая утреннюю прогулку, Овчарников неспешно добрел до ворот парка, прошел немного в сторону, у лесной просеки ждала лошадка, запряженная в возок, какого ныне и не увидишь, а возле возка улыбаясь стоял молодой, с черной бородкой человек, муж Маши, ветеринарный фельдшер, представился:

— Михаил Петрович Лубенцов,— и с чувством пожал руку того, кому, может быть, обязан был своим счастьем, своей женой, своей Машей... — Садитесь, Алексей Дмитриевич, я сенца вдоволь припас.

И старинный, почти пушкинских времен возок, с пегой, смирной лошадью, курчавой от инея, поплыл в зимней тишине леса, в снежной прелести, от которой уже так давно отвык он, Овчарников, в московской жизни, начинавшейся с рабочего утра и кончавшейся рабочим вечером, в последние годы и совсем глухим, когда остался он один, а той, с которой прожил почти целую жизнь, не стало... и хотя не одна метелица старалась замести, не удавалось.

— Боже мой, Алексей Дмитриевич, дорогой мой человек... как же я рада вам!— сказала Елизавета Гавриловна, которая некогда молоденькой девушкой поступила санитаркой в детскую больницу, потом стала нянечкой, находившей дорогу не к одному детскому сердцу, да и к его сердцу, врача Овчарникова, и всегда, какие бы трудности ни возникали, были рядом руки этой — сначала Лизочки, потом Елизаветы Гавриловны, сердечной и умевшей глубоко понимать любые человеческие беды...

И они вспомнили многое из общей их жиз-

ни, вспомнили и войну, когда не одного безотцового ребенка приносила или приводила мать, а случалось, и круглого сироту, оставшегося на чужом попечении...

— Целую жизнь прожили мы с вами, Алексей Дмитриевич,— сказала Елизавета Гавриловна,— и такая у меня была надежда повидать вас все-таки. А на днях Маша сказала, что вы приехали отдохнуть в санаторий, и хоть я и обрадовалась, но и встревожилась немного. Как ваше здоровье, Алексей Дмитриевич?

— Работаю,— сказал он коротко.— А врачи рекомендуют почаще полеживать... не умею я почаще полеживать!

Он говорил с усмешечкой, отмахиваясь от того, что Говорков записал в историю болезни, но Елизавета Гавриловна с болью смотрела на него: сдал он все-таки, Алексей Дмитриевич, и уже совсем белой стала его кудлатая, некогда угольно-черная голова. Потом Елизавета Гавриловна сказала еще и о том, что у Маши сынок, пошел уже второй год, но растет плохо и не говорит еще почти, да и зубы растут с опозданием.

А в маленьком доме, если на минуту прислушаться, строчит свою серебряную стежку сверчок, которого многие в Москве никогда и не слышали.

— Даже сверчка в мою честь припасли,— усмехнулся Овчарников.

— А как же, Маша постаралась для нас. Вы Машу, наверно, и не помните, ей три годика всего было тогда, когда вы лечили ее... и моего сына Костю вы лечили, Алексей Дмитриевич. Костя сейчас в армии, он по радиолокации пошел, уже двадцать три года ему... так что вы вроде как в своем доме, в своей семье, и мне так нужно, чтобы вы знали: есть у вас свой дом, как бы там ни получилось в вашей жизни, а есть у вас свой дом.

— Что ж, неплохо знать, что у тебя есть свой дом,— сказал он.— А сына вашего я вспоминаю все же... Значит, по радиолокации пошел. Вот что делается!

Но Овчарников сказал это лишь для того, чтобы приятно было той, которая хранила в своей памяти, наверно, не одну детскую судьбу, той, некогда быстрой, всегда поспевающей, находившей для каждого слово надежды и утешения.

— Я на свою жизнь не обижаюсь... что могла по своим силам, то сделала,— сказала Елизавета Гавриловна.— А сейчас я бабушка, тоже должность, как ни говорите, и такая к вам просьба, Алексей Дмитриевич, Маша не решается просить вас, а я по старой памяти решаюсь: посмотрите ее сынка, почему во всем запаздывает, и говорит-то всего несколько слов, а ему уже год восемь месяцев?

— Ничего нет с собой, в следующий раз посмотрю.

— Может быть, пообедать с нами не откажетесь?

— Режим,— сказал он,— я у вас контрабандой.

Но такой нужной, такой близкой сердцу оказалась эта контрабанда, и, может быть, не только близкой, но и целительной... В какой режим впишешь и возок в зимней тишине леса, и падающий с сосен иней, и снежную даль российской равнины, и голубые стоячие дымы из труб?

Своего сына Маша показала все же. Овчарников вымыл в рукомойнике руки, послушал опытным ухом сердечишко, помял животик, легонько шлепнув напоследок по младенческой ягодице.

— Я посмотрю его еще... уж если мамашу лечил в свое время, куда мне от ее сынка деться?

Однако Маша с тревогой глядела на него, но три дня спустя ее муж снова заехал за ним, на этот раз Овчарников обследовал мальчика, сказал Маше:

— Видимо, одна железка пошаливает... пока подождем, а весной, может быть, посмотрим в Москве. Мне лестно будет еще одним из вашего рода и племени позаняться.

И то ли от тайных поездок сквозь заснеженный лес, то ли оттого, что есть у него, Овчарникова, и второй свой дом, стало как-то поспокойнее с сердцем, а однажды в дверь его комнаты несмело постучал кто-то, и незнакомая женщина еще на пороге сказала:

— Извините меня, ради бога... сознаю, что нельзя тревожить вас, но хоть одним глазком посмотрите мою девочку. Я поварихой работаю, а про вас Маша Лубенцова сказала, что лучшего врача по детской специальности не найдешь.

И Овчарников усмехнулся тому, что лучшего врача по детской специальности не найдешь, растет, значит, его слава, выбился всетаки в люди...

Девочку он осмотрел в одном из флигелей, назначил питание, приложил палец к губам, и женщина поспешно сказала:

— Я ни словечка никому... А мое беспокойство вы понимаете, конечно.

Он понимал не только ее беспокойство, но и то, что девочку перекармливают, сказал:

— Эх, вы, маменьки!—и вышел из флигеля, довольный своим незаконным поступком, побрел гуляющей походкой, будто старый врач решил перед обедом нагулять аппетит, и в левой стороне груди не было никакого стеснения: все-таки зимний отпуск, лесной отдых, ничегонеделание, и врачу Говоркову он скажет, что обленился, закис от безделья, только полеживал да кормил воробьев, да еще почитывал, взял в библиотеке санатория роман Диккенса. Он действительно взял роман Диккенса, положил на тумбочку возле постели, ни разу не раскрыл его — не потому, что не чтил Диккенса, а просто по недостатку времени из-за ничегонеделания...

А накануне его отъезда из санатория муж Маши предложил довезти в своем возке до железнодорожной станции, подарил ему напоследок за все его труды зимний пруд с воронами на полынье, скрип полозьев возка и снежную даль прекраснейшего пейзажа России, а довезя до станции, сунул в руку узелок:

— Блинки от Елизаветы Гавриловны на дорогу... таких блинков в Москве вы и не попробуете.

Четверть часа спустя Овчарников уже сидел в вагоне поезда, смотрел в окно на богатую людьми и чувствами зимнюю равнину, достал из узелка один еще теплый блинок, и вправду, в Москве таких блинков не попробуешь, с хрусткой корочкой, постаралась старая нянечка, постаралась для него, вместе с которым, как в птичий день, выпускали птенцов, а врачу Говоркову он скажет:

— Отдохнул, Андрей Иванович, на всю железку... Диккенс хотя и длинновато пишет, но интересно.

А про то, что сердце человека, который привык всю жизнь действовать, работает ровно лишь тогда, когда человек продолжает действовать, не чуждается чужих бед,— не запрятывается в сугроб,— об этом ничего не скажет. Впрочем, добавит, может быть:

— Не случалось вам ездить в возке через зимний лес? Воздух, снег, свежесть... обновляют сердце и легкие, и еще сознание твоей необходимости в жизни, это тоже обновляет.

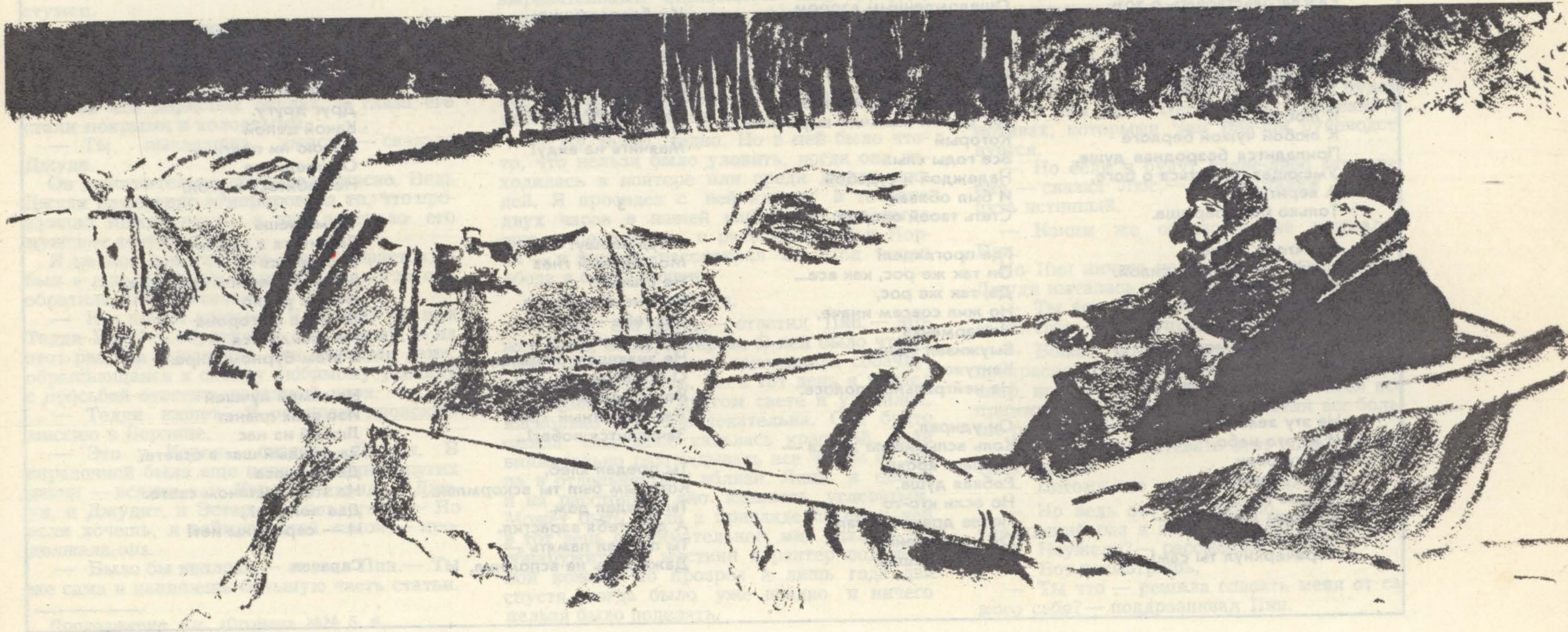
Но Андрей Иванович Говорков — стреляный, на мякине его не проведешь — отзовется:

— Да, вижу, что зимний отпуск оказался для вас весьма подходящим, набрались всяческого поэтического вольнодумия. Придется, видимо, всерьез приняться за вас.

Тогда он, Овчарников, с бездумным легкомыслием ответит:

— Поздно, дорогой коллега, приниматься за меня... выбыл в неизвестном направлении, тю-тю.

И Овчарников старательно разучил весь этот диалог, возвращаясь в Москву и подбодрив себя еще одним блинком Елизаветы Гавриловны.

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

СЕРЕДИНЫ НЕТ

МОНОЛОГ

1

В кармане виза.
Связаны манатки
И пасквилей бумажная гора.
Ты столько лет
Играл с Россией в прятки...
Подбит итог.
Окончена игра.
Подбит итог
На самой крупной ставке.
На будущем.
На чести.
На судьбе.
И званье гражданина
Даже в справке
Отныне не положено тебе.

И хватит
Возле отчего порога
Притворно
Разглагольствовать о том,
Что родина
У каждого от бога...
Таким, как ты,
Не дорог отчий дом.

К любой норе,
К любой чужой берлоге
Приладится безродная душа,
Умеющая плакаться о боге,
А верить
Только богу барыша.

Ну, что ж, беги!
Никто не держит силой.
Как говорится,
Рыбаку видней...
Но только знай
И помни до могилы,
До гроба помни,
До скончанья дней:

На эту землю
И на это небо,
На эти реки,
Нивы и леса,
На всю Россию —
От росы до хлеба —
Свои права
Перечеркнул ты сам!

2

Наш грозный век
На стыке всех ветров,
Где может
Даже вдоль родного дома
Пройти внезапно
Линия разлома,
Незримая граница
Двух миров...

...Невыносим
Застрявший в горле крик,
Упрятанная боль
Невыносима.
Привстал.
Качнулся.
Сделал шаг старик
И помертвел.
И замер возле сына.

И вот они стоят
Лицом к лицу...
Не доведись
Ни одному отцу,
Захлебываясь
Горем и позором,
В последний раз
Ошеломленным взором
Смотреть в глаза
И в душу беглецу.

Забыть,
Что это сын перед тобой,
Тот самый мальчик выросший...
Который
Все годы слыл
Надеждой и судьбой
И был обязан
Стать твоей опорой.

Где проглядел?
Он так же рос, как все...
Да, так же рос,
Но жил совсем иначе,
Нашармачка
Выуживал удачи,
Кантуясь
На нейтральной полосе.

Он удирал,
Коль вспыхивала драка —
Боялась крови
Робкая душа.
Но если кто-то
После драки плакал,
Он непременно
Первый утешал.

Чужой обиды
Распаляя гнев,
И здесь был верен
Подлому прицелу:
Хитри, ловчи,
Сбавляй другому цену,
Всех стравливай —
И будешь на коне!

Быть только первым,
Только на виду!..
Когда другим,
Как в бочке,
Было тесно —
И то он добывал
Такое место,
Чтоб только в первом
Восседать ряду!

Ох, первый ряд,
Где впрямь
С местами туго.
И до сих пор
Такие норовят
По контрамаркам,
А не по заслугам
Любой ценой
Пробиться в этот ряд.

Им безразлично:
Богу ли молиться,
Прислуживать ли
Дьяволу в аду.
Им только быть бы
Притчей во языцех
И только бы
Маячить на виду!

3

Я суд вершу!
Мой правый гнев
Не стынет.
Еще не все сказал
Я о тебе —
О беглеце,
Не знающем святыни,
О подлеце,
Которому отныне,
Как смертный грех,
Зачислится побег!..

Ты предал хлеб,
Которым был ты вскормлен.
Ты предал дом.
А дом тебя взрастил.
Ты предал память —
Даже мать не вспомнил.
Последний долг —
И тот не уплатил.

Она сегодня вправе
Из могилы
Прижизненный
Продолжить разговор
И, проклиная
Этот час постылый,
В последний раз
Спросить тебя в упор:

«Какую правду
Ищешь ты, сынок?
Чего забыл ты
Под чужою крышей?..»
Она ответа,
К счастью, не услышит.
Да и ответа
Дать бы ты не смог.

Ты тешил душу
В киснущей болоте,
В трухлявой сплетне
На чужой волне,
В трусливеньком
Приблудном анекдоте,
В заморского пошиба
Болтовне.

В бессильной злобе
Истину пиная,
Страшась людей,
Искал болотный брод...

А наша правда
На земле — иная!
А наша правда —
Вся земля родная,
Ее свобода,
Совесть
И народ!

На эту землю,
И на это небо,
На эти реки,
Нивы и леса,
На всю Россию —
От росы до хлеба —
Свои права
Перечеркнул ты сам.

Перечеркнул.
И нет тебе возврата.
Подбит итог.
Прощения не жди.
Все позади...
А впереди расплата,
Безродная дорога впереди...

* * *

...Наш грозный век
На гребнях двух плотин.
Добро и зло
Глядят в глаза
Друг другу.
Какой ценой
Покою ни плати —
От поединка
Не забиться в угол.

Ты можешь
Затаиться в тишине,
Упрятаться
В залюстренной квартире,
Но все равно
От века в стороне
Не отсидеться
В этом бурном мире.

На самой лучшей
Изо всех планет
Любой из нас
За каждый шаг в ответе.
Два полюса
На этом грешном свете.
Два полюса!..
И — середины нет!

Саратов.

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Прощай, не та Америка

Глава 4

Делать вид, что я ничего не знаю, поначалу было трудно. У Террады вдруг появилась какая-то стеснительность, будто его застали одного, когда он любовался на себя в зеркале. Он казался беспокойным и в понедельник в офисе провел немало времени, стоя у окна, задумчиво уставившись в утреннее небо. Потом в дверях появилась Джуди и спросила:

— Кто из вас, голубчики, пишет статью об авианосце «Арк Ройял»?

— Я пишу,— отозвался я. Этот британский авианосец был торпедирован немецкой подводной лодкой в Средиземном море, и Вертенбакер разрешил мне написать статью в самых, каких я только пожелаю, сочувственных тонах.

— Я занимаюсь этим вопросом,— сказала Джуди.— Если тебе понадобятся дополнительные сведения из Лондона и Вашингтона, скажи об этом поскорее.

— От морского эксперта в Вашингтоне ничего мне не нужно,— заявил я Джуди.— Так что можешь не беспокоиться.

— Ты что, решил быть своим собственным морским экспертом? — спросила она с некоторой долей ехидства.

— Да, черт побери,— заявил я, решительно давая понять, что она зашла слишком далеко.

Пип рассмеялся, и Джуди раздраженно сказала, что она передаст мне все, что имеет в досье, а там уж мое дело, как это использовать.

Я разговаривал с Джуди независимым тоном потому, что знал ее тайну. Я чувствовал свое превосходство. Ведь ничто не дает мужчине такого преимущества перед женщиной, как знание ее сокровенных, пусть даже не очень серьезных слабостей.

— А ты, Лестер, чем занят?— спросила она с безразличным видом.

— Отступлением русских к Москве,— ответил он, краснея. Он так смутился, что мне его стало жалко. Глаза его забегали, он не знал, куда девать руки, и все время откашливался, словно это могло ему помочь.

— Тебе что-нибудь надо выпить от кашля,— сказала ему Джуди.— Ты явно простужен.

— Я совершенно здоров,— ответил он.

— Ты всех здесь заразишь, если не примешь меры,— продолжала она.

Я заметил, как выступили крупные капли пота на его пористых скулах, и глаза его стали мокрыми и холодными.

— Ты выглядишь ужасно,— сказала Джуди.

Он действительно выглядел ужасно. Ведь Джуди намеренно игнорировала то, что произошло между ними, и это задевало его мужское достоинство.

Я не мог понять, чего она добивается, и был в еще большем недоумении, когда она обратила свое внимание на Пипа.

— Кто пишет статью о Чунцине? Ты или Тедди Уайт?— обратилась она к нему, и на этот раз она выглядела, как классная дама, обращающаяся к своему любимому ученику с просьбой ответить заданный урок.

— Тедди пишет. Я освещаю японскую миссию в Берлине.

— Это у Кэрол,— сказала Джуди. В справочной была еще целая дюжина других девиц — всяких там Кэрол, Ингрид, и Джоун, и Джудит, и Эстер, и Хильдегард.— Но если хочешь, я займусь этой темой,— продолжала она.

— Было бы неплохо,— сказал Пип.— Ты же сама и напишешь большую часть статьи.

Пип с трудом приспосабливался к стилю «Тайма». Строго говоря, он вообще не любил писать, как требовалось, так как он в действительности предпочитал (по словам Верта) описывать события, ситуации, а не заниматься сухими информационными материалами.

— О'кэй,— сказала она.— Я договорюсь с Кэрол, а ты поведешь меня обедать.

Меня с ними не было, и все это мне потом, гораздо позже, рассказал Пип, с горечью вспоминая те месяцы 1941 года, которые во многом определили его дальнейшую судьбу.

Лестер остался на работе, а я с Тедди Уайтом и с Сэмом Солтом, которые не переставали меня просвещать, отправились к Шрафту на 42-ю улицу перехватить несколько сандвичей.

— Старина Шрафт,— пояснил мне Сэм,— является, по сути дела, изобретателем американского желудка.

Пока я поглощал нечто втиснутое между двумя кусками поджаренного хлеба и приправленное горчицей и маринованными огурцами, Джуди вела Пипа в итальянский ресторан на Седьмой авеню. Когда он рассказывал мне об этом обеде, он подчеркнул, что именно там он впервые заметил, насколько выразительным становилось лицо Джуди, если в него внимательно всмотреться вблизи.

— Я всегда находил его достаточно выразительным,— сказал я ему.— Своеобразное маленькое личико, очень упрямая, аккуратненькая мордашка.

— Ну ладно, ладно. Но в ней было что-то, что нельзя было уловить, когда она находилась в конторе или среди других людей. Я просидел с ней вдвоем в течение двух часов в нашей кабинке — они тогда еще существовали в ресторанах Нью-Йорка — и хорошо рассмотрел ее. Под конец обеда я был покорен.

— Чем?— спросил я.

— Бог его знает,— ответил Пип.— Может быть, ее характером. В ней было что-то свое, Кит. Всегда она напоминала собачку, зарывающую кость. Но в тот день я увидел ее в совершенно другом свете и удивился, насколько она привлекательна. Она будто ожила. Она даже казалась красивой, если внимательно разглядывать все черты ее лица в отдельности и вблизи. Лишь в целом и на расстоянии оно казалось угловатым. Может быть, если я пригляделся бы к ней в тот день повнимательнее, мне удалось бы обнаружить ее жесткий характер под нежной кожей. Но прозрел я лишь года два спустя, когда было уже поздно и ничего нельзя было поделать.

Джуди сказала тогда Пипу, что она очень за него беспокоится.

— Ты подрываешь свою репутацию, когда так отчаянно доказываешь Люсу, что именно коммунисты оказывают сильное влияние на крестьянство в Китае. В твоих словах сквозит предвзятость, Пип. Ты теряешь объективность.

Произошло еще одно событие, которому я не был свидетелем,— это то самое заседание редколлегии, которое вел Люс. Джуди, как старший референт справочного отдела, была на нем. Пип и Люс спорили не столько о влиянии коммунистов в Китае, сколько об эффективности политики, проводимой Чан Кай-ши, который, как считали, в конечном итоге должен спасти Китай. (Заседание это состоялось всего лишь за неделю до нападения на Пирл-Харбор.) Пип говорил, что Чан Кай-ши опирается лишь на армию, крупных банкиров, продажную прослойку средней буржуазии и на любую иностранную поддержку, которую он использует в своих собственных интересах.

— Таков сценарий,— сказал Пип,— и только так мы должны все это воспринимать.

Только так пришлось воспринимать все и самому Пипу, когда этот разговор был изложен перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Люс доказывал, что генералиссимус стоит выше всяких партий и неподкупен, что именно исходя из этого мы (имелись в виду сами США, а также «Тайм» и «Лайф») будем вести с ним дела. Нет никаких сомнений в мотивах, которыми Чан Кай-ши руководствуется.

— Но если и будут какие-либо отклонения,— сказал Люс,— мы наставим его на путь истинный.

— Каким же образом?— не унимался Пип.

Но Пип ничего не добился в тот день, и Джуди пыталась его в этом убедить.

— Ты все время выводишь мистера Люса из себя,— предупреждала она.

— Боже мой,— отвечал Пип.— Хэнк прекрасно все понимает. Это наш извечный спор, но с каждым разом он становится все примитивнее, и это начинает меня все больше раздражать.

— Так зачем затевать этот спор?—спросила Джуди.

— Потому что я прав, а он нет.

— Но ведь это бесполезно, так что в следующий раз я заставлю тебя замолчать.

— Неужели?— рассмеялся Пип.

— Вот посмотришь.

— Ты что — решила спасать меня от самого себя?— поддразнивал Пип.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5, 6.

— Возможно, я сделаю это целью своей жизни,— сказала она, когда они шагали назад к 49-й улице по переулкам, заставленным картонками с мусором и пустыми такси. По дороге она уже приступила к своим обязанностям.

— Что тебе нужно — это иметь кого-то, кто бы постоянно напоминал, что по мыслям твоим и по словам твоим будут тебя судить в этом мире.

— А почему это должно меня волновать?

— Не всем понятны твои побуждения, Пип, и каждый раз, как ты открываешь свой рот, тебе об этом надо помнить. Потому что в один прекрасный день кто-нибудь использует все твои высказывания против тебя же.

— А, все это дерьмо!— сказал Пип, который редко так выражался в присутствии женщины.

Но все-таки ему льстило, что Джуди взяла его под свое крылышко. По сути дела и тут присутствовал элемент секса, и я заметил это, когда, возвратившись с прогулки, она появилась в дверях нашей комнаты, чтобы разыграть еще одну маленькую трогательную сценку.

— О, Пип...— нежным голосом произнесла она, будто ей что-то вдруг понадобилось сказать ему наедине. Терраду она игнорировала.

— В чем дело, Джуди?

— Ты получил сообщение о генерале Стилуэлле?

— Да, вчера. Оно где-то здесь.

— Не очень верь этому сообщению агентства.

— О'кэй.

Она еще несколько раз появлялась с советами и новостями, продолжая игнорировать Терраду. И я уже ожидал, что у него появятся признаки ревности. Он же, напротив, искренне недоумевал. Никакой враждебности к Пипу он не проявлял и поведение Джуди не ставил ему в вину. Но теперь, когда Джуди пускала в ход все свои женские чары, Лестер оказался в полной растерянности. Видимо, он ожидал, что его подругу уведут, и считал, что не имеет никакого права рассчитывать на что-либо иное. Он смирился с этой неизбежностью. Это, мне кажется, и раздражало Джуди, и она становилась все более благосклонной к Пипу. В общем, в конце рабочего дня она опять появилась у нас и пригласила Пипа на уик-энд в Коннектикут.

— А почему бы и не съездить?— произнес Пип, все еще находясь под чарами своего нового открытия; он опять видел ее лицо совсем близко, когда оно становилось привлекательным.

Пип провел уик-энд наедине с Джуди, если не считать присутствия Эйми и ее лошадей. Эйми обо всем мне и рассказала.

— Американки,— говорила она,— я имею в виду американок в возрасте Джуди, пытаются относиться к мужчинам, как к непослушным детям. Было тошно смотреть, как она им командует и опекает его. И в то же время она навязывалась ему. Это было отвратительно.

— Не преувеличивай,—вступился я. Мы сидели в ресторане Глочестер Инн на 51-й улице, уплетая за обе щеки.

— Честное слово, Кит, я не преувеличиваю. Они приехали в субботу, и Джуди ни на шаг его от себя не отпускала. Знаешь, мне почти удалось усадить его на лошадь. Но она запретила ему. Пипу хотелось попробовать покататься верхом. Но она заявила, что если он свернет себе шею, ее замучает совесть. А погода такова (как раз опять началась дикая оттепель), что она будет ужасно нервничать. Если ему дорого ее душевное спокойствие, он к лошади и близко не подойдет, даже чтобы погладить ей уши.

— Так он и не подошел?

— Он-то подошел. В том-то и дело. Я сказала, что присмотрю за ним и что мы должны держаться гравиевой дорожки. Он взобрался на старую Минтджулипу — это та самая кобыла, которая не сделает ни одного неверного шага,— фактически он самостоятельно влез в седло, и мы уже были на пути к воротам, когда Джуди, выскочив из дома, подбежала и вцепилась в уздечку. «Слезь ты, ради бога, Пип. Ты просто смехотворно выглядишь в седле. Просто смехотворно!»

Тут Эйми рассмеялась:

— Вообще-то он действительно выглядел смешно. Он был похож на Харпо Маркса из известной книги, который вот-вот грохнется на землю. Но, бьюсь об заклад, он усидел бы, если бы отцепилась Джуди.

— И что же было дальше?

— Тут она опять пустила в ход свои женские штучки и стала проявлять заботливость: «Пожалуйста, Пип, я прошу тебя, слезь». Она вела себя просто неприлично. Точь-в-точь, как ее мать. А ты ведь знаешь, что порой вытворяла ее мать.

— Нет, не знаю. Но что же сделал Пип?— спросил я.

— Ничего. Он смотрел на меня, будто я должна была вступиться за него. Иногда он очень беспомощный, верно?

— Бывает иногда.

— Не выношу спорить с Джуди — она ведь по-настоящему не спорит. Просто выводит из себя и потом все время подкалывает. И все, что я могла сказать тогда Пипу,— пошли ты ее, ради бога, ко всем чертям.

— Отличный и тактичный совет, которому он, конечно, не последовал.

— Да что об этом говорить! Пип знал: не спрыгни он с этой кобылы, Джуди тут же впрыгнула бы в свой «форд» и, бросив его, укатила бы в Нью-Йорк.

— Она бы никогда этого не сделала.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю Джуди.

— Это так кажется,— сказала Эйми.— Она всегда ставит ультиматумы, хотя чаще всего делает это молча. Ты знаешь такого рода женщин. Им всего лишь стоит топнуть ножкой и заявить, что никогда не простят обидчика... Как я их ненавижу!

Я рассмеялся, но Эйми была расстроена.

— Тебе хорошо смеяться. Тебя старуха Джуди еще не взяла в оборот.— И, ткнув в мою сторону вилкой, добавила: — Подожди; когда она сделает это, ты меня еще вспомнишь.

— Ну, уж этому не бывать! — сказал я самоуверенно.

— Ты думаешь, она и тебя не попытается окрутить? Ты так думаешь?

— Я в этом уверен.

— На что поспорим?

— Я вообще не спорю, особенно когда дело касается секса и женщин.

— Как бы там ни было, но она заставила его слезть с лошади, а через полчаса у них произошла бурная сцена из-за Террады. Но потом они помирились и уехали ужинать в ресторан на другой конец Риджфорда. Но ты ведь знаешь, что случилось в ту ночь.

— Нет, не знаю, и ради бога, не выдавай ты мне всю историю сериями. Просто рассказывай.

— А я тебе и рассказываю. И вообще я брожу по ночам,— сказала она, уплетая кусок пирога с черникой.— Это еще в школе началось, когда старшие девчонки устраивали на младших налеты, прыгали к нам на кровать и били коленом в живот. До сих пор иногда просыпаюсь по ночам, поброжу, порадуюсь, что никто больше не ткнет меня коленом в живот. Вот так я проснулась и увидела, как Джуди вошла тогда к Лестеру в комнату. С Пипом все было как под копирку. Та же спальня, та же кровать. Ты представляешь себе это, Кит? Она в точности повторила всю сцену и в том же самом месте, но с другим мужчиной.

— Но слушай, Эйми, откуда ты знаешь?

— Потому что слышала, как они разговаривали, и Джуди вышла оттуда на рассвете. Все повторилось, говорю я тебе. Ты представляешь себе — как животные.

Я не знал, что ей сказать. Я все-таки считал Джуди и Пипа и даже Терраду своими друзьями. Я должен был заступиться даже перед Эйми.

— У Джуди, наверное, есть какие-то планы,— неубедительно произнес я.

— Заполучить Пипа — именно это и входит в ее планы.

— Ты ведь сама говорила, что отдаешь предпочтение Пипу, а не Терраде. Так на что же ты жалуешься?

— Пип слишком хорош для нее, да и все равно, нельзя себя так вести.

От негодования Эйми казалась разгоряченной и расстроенной.

— Люди не должны заниматься сексом до свадьбы, и они не должны это делать, когда в доме присутствуют другие люди.

— Черт возьми! — воскликнул я.— Да ты реакционерка!

— Не собираешься ли ты сказать мне, что Джуди права? — спросила она.

— Я никогда не берусь судить других,— ответил я.

— Я это знаю. Ты просто сидишь и наблюдаешь. Правда? Ты на всех смотришь со стороны, будто ничто тебя не касается.

Я покраснел. Если она и дальше станет делать подобные выводы, она может докопаться до тех тщательно оберегаемых мною секретов, на которых я построил свою теорию выживания.

— Во всяком случае,— сказал я,— я полагал, что, будучи такой любительницей лошадей, ты должна бы естественнее относиться к сексу.

— Я так и отношусь, когда это касается лошадей! Но даже и у лошадей это выглядит ужасно и вызывает отвращение.

Я рассмеялся.

— Смейся, если хочешь, Кит,— сказала она с набитым ртом, аппетитно прожевывая пирог.

К этому времени она проглотила ужин из четырех блюд, включавший и крабов, и омара, и салаты, и мороженое. Закончила она шоколадом и кофе. Я за ней наблюдал. Эйми нельзя было назвать хорошенькой, но в будущем она обещала стать красавицей, хотя сейчас одевалась несколько старомодно и казалась неуклюжей и какой-то незавершенной. Губная помада совсем ей не шла. Ее рыжеватые волосы были туго стянуты сзади и перехвачены голубой лентой. А я сидел и думал, когда же она обратит внимание на саму себя и увидит, что она собою представляет в действительности.

Может быть, уже тогда начался этот процесс неодолимого духовного опустошения, который в итоге приведет Эйми к ее трагическому концу.

Но в то время она еще напоминала только что распустившийся бутон. Когда я был готов расплатиться и снова вернуться на 49-ю улицу, она наклонилась ко мне через стол и спросила:

— А ты знаешь, что сделал Пип на следующее утро в воскресенье?

— Извинился за свое непристойное поведение? — сострил я.

— Нет, я серьезно говорю,— сказала она.— Он слышал, как я выводила на прогулку жеребца, и подбежал ко мне. «Подожди,— сказал он,— я пойду с тобой».

— Значит, тебе удалось, наконец, усадить его на лошадь? — спросил я с нетерпением. Мне хотелось скорей покончить с этим разговором и уйти.

— Нет, я ответила, что не хочу, чтобы он ходил со мной. Никогда! Потом я ему сказала, что Лестер и Джуди лежали вместе в той же самой постели, что и он.

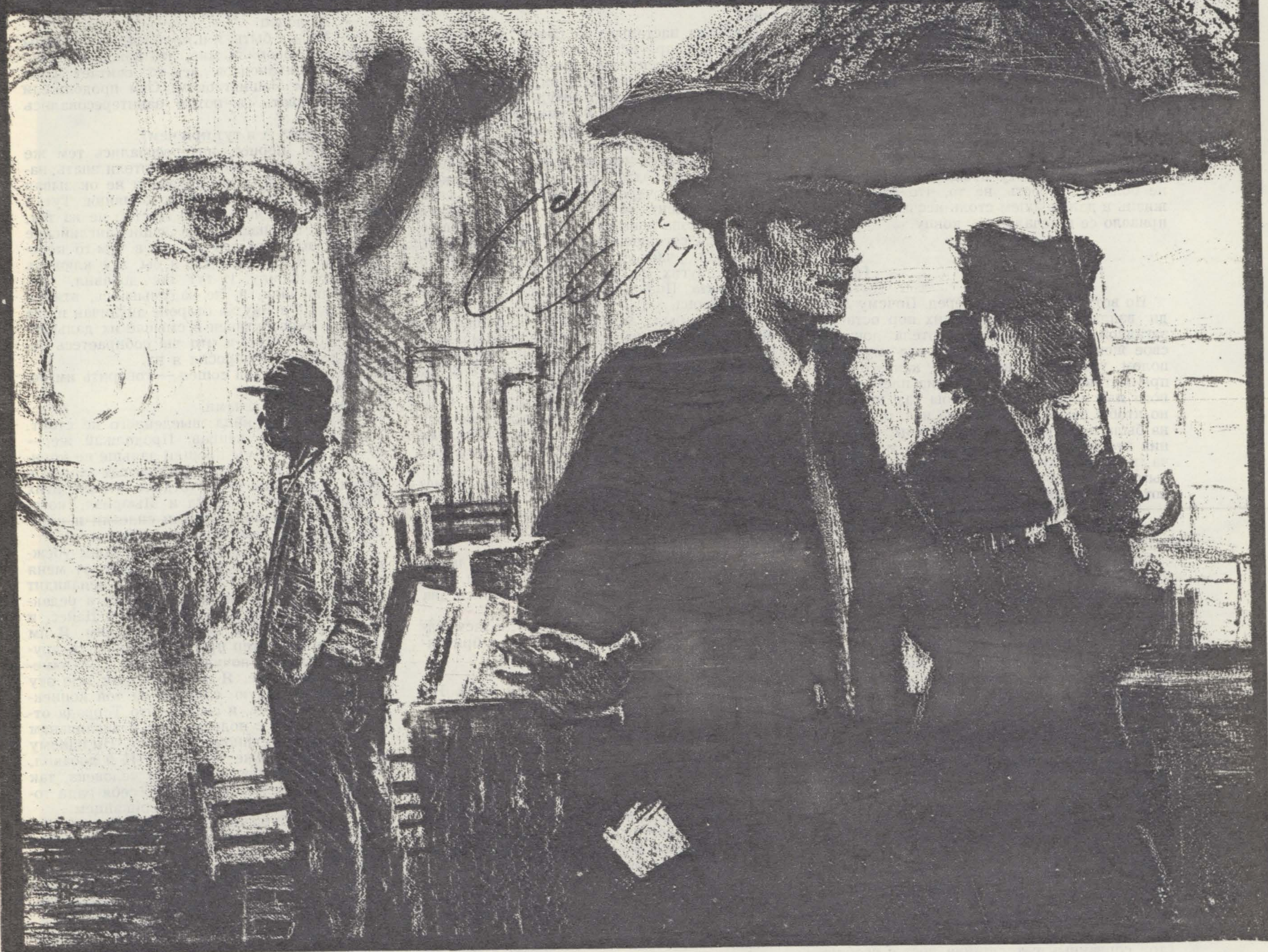
— Неужели ты ему и вправду это сказала?

— Тогда сказала. Так ей и надо, этой Джуди, как, впрочем, и Пипу.

Я даже выронил деньги, которые приготовил для официанта.

— А что сделал Пип? — спросил я, пытаясь рукой разыскать под столом деньги.— Дал тебе хорошую затрещину?

— Он просто мне сказал этаким спесивым тоном, который у него иногда появляется: ты, мол, не должна была мне об этом говорить, Эйми. Ну, а я спросила: почему бы и нет? «Потому, что это чертовски бестактно,— говорит он.— А во-вторых, Джуди самой надо было предоставить слово». Ну, а я тут ему говорю: «Ты с ума сошел? Она никогда бы тебе не призналась». А он все свое: «Быть может, и не

признaлась бы, но это ее право, а не твое». Ну, а я дико возмутилась и ускакала.

— Не дай бог, он расскажет об этом Джуди,— сказал я.

— А зачем ему говорить ей?

— А вдруг скажет?

— А мне что до этого?

— А то, что она растерзает тебя на мелкие кусочки, а потом потратит годы, чтобы растереть их в порошок.

— Она ведь тебе не нравится, не так ли?

— Совсем не так. Но я знаю, что она из себя представляет.

— Пип ей ничего не скажет.

— Ты уверена?

— Он сам мне сказал это. Ты знаешь, что он сделал, когда я приехала?

Я уже привык к ее манере разговора и терпеливо ждал продолжения.

— Он сел со мной завтракать на кухне и рассказал про свою жизнь. Я всегда считала, что отец его миссионер, а это как-то не вязалось с семейством Ловеллов. Пип сказал, что религиозной была его мать. Его отец исколесил весь Китай, и мать пыталась превратить идолопоклонников в христиан. Он говорил, что она ненавидела китайцев и тратила все свое время и энергию, чтобы заставить их перестать быть китайцами. Отцу же они нравились, и он никогда не пытался их учить. Он убеждал Пипа самому поучиться у них, в особенности их уважению и почтению к божественным силам, всей системе вероучений, несравненно лучшей, чем христианское смирение. Подумай только, мать заставляла его учить китайский. Пип с отцом говорили на этом языке, как сами китайцы, в то время как мать говорила языком пишущей машинки.

— Не слишком ли сурово он судит мать? — сказал я.

— Я так ему и сказала, но он не согласился, он говорит: она была замечательной женщиной во всем, но только не в качестве миссионера. Когда она вернулась из Китая и вновь сделалась американкой, она опять стала мягкой, заботливой женщиной. А его отец тосковал по Китаю в их доме в Бруклине, в штате Массачусетс. В конце концов два года назад он отправился в Китай один в своем старом полотняном костюме и вскоре умер. И от чего он, ты думаешь, умер?

— От проказы? От чего-нибудь страшного? От разбитого сердца?

— Нет, от ветрянки.

— Как это случилось?

— Просто он ее запустил, и произошло отравление организма. Никто не успел толком опомниться, как он умер. И Пип сказал, что гроб с его телом был доставлен на пароходе «Марипоза» через Гавайи и затем кремирован в Бостоне, а пепел развеян по реке. Я не верю ни одному слову.

— А я верю. Именно это и сделал бы Пип.

По дороге назад, проходя через Рокфеллеровский центр, я сказал Эйми:

— Ты знаешь, что в этой истории самое поразительное?

— Да, знаю. Но ты мне все равно скажи.

— Сам факт, что Пип тебе обо всем этом рассказал. С Джуди он никогда бы не поделился. Да и вообще, думаю, ни с кем. Так что ты можешь этим гордиться!

— Я просто сидела и слушала,— сказала она и взяла меня под руку.— Как ты думаешь, почему он выбрал именно меня?

— А кто его знает? — ответил я.

Но я знал почему. Пип видел в ней то же, что и я. Он говорил с простой, неискушенной американской девушкой, которая сама не подозревала, насколько она восприимчива, добропорядочна и честна. Когда мы уже собирались проститься у стеклянных дверей здания, где размещалась моя редакция, она сжала мою руку и вопрошающе произнесла:

— Ведь ты не хотел бы, чтобы и я была такой же, правда, Кит?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну как тебе сказать... Ты не стал бы так грубо... Ведь правда?

Мне следовало бы или откинуть локон с ее лба, или потрепать ее упругие щечки, либо сказать что-либо ласковое и приятное. Но с Эйми я так поступить не мог. Я даже не мог рассмеяться.

— Нет, Эйми, с тобой я так бы не смог.

— Я так и думала,— сказала она, вздохнув. И потом засмеялась.— Все равно мы выглядели бы ужасно глупо, не так ли?— И она ушла, помахав мне рукой. А я смотрел ей вслед на ее перекрученные чулки, на ее еще по-детски пухлый зад...

Я смотрел на нее, пока она не скрылась, и до сих пор я думаю, что, может быть, она была бы жива и сейчас, скажи я ей тогда «да» и если бы я бережно сорвал этот цветок, проявив исключительную нежность и чуткость, чтобы она почувствовала и удовольствие и красоту в самом этом акте, а не боль и грубость, не то, что сделало ее жизнь в дальнейшем столь несчастной и что привело ее к печальному концу.

Глава 5

Но вот пришел и мой черед. Почему Джуди взялась за меня, до сих пор остается загадкой. Она, наверно, хотела доказать свое женское превосходство над мужским полом, утвердить свое право, как это было при матриархате, выбирать из племени одного или всех сразу. Как бы там ни было, но чтобы выбрать одного из нас, она должна была перепробовать всех троих. Во вторник кто-то слегка дотронулся до моего плеча, и, подняв голову, я встретился с ласковым взглядом зеленых глаз Джуди, цвета которых я раньше и не замечал.

— Эйми хотела бы поехать на прогулку верхом в воскресенье,— сказала она.— Хочешь, поедем в субботу днем?

До сих пор я испытывал чувство превосходства над этой троицей. Я мог позволить себе наблюдать их со стороны с легкой циничной ухмылкой: как это забавно!

— Ну так как же?— Ее пальцы очень нежно массировали мое плечо.

— Хорошо, согласен.— Я не мог подавить искушения выяснить, что она сделает и как она это сделает.

Мне доставляло удовольствие поразмышлять о том, как я буду вести себя с ней, хотя мысли мои в еще большей степени были прикованы к Пипу и Терраде и их проблемам, ибо сейчас между ними назревал конфликт по конкретным вопросам, касающимся войны. На этот раз речь шла уже не о России или Китае, а о самих Соединенных Штатах и о том, куда их заведет собственная политика.

В начале декабря, за две недели до Пирл-Харбора, Рузвельт убедил конгресс внести поправку в закон о нейтралитете с тем, чтобы вооружить торговый флот США, снабжавший Англию. Пип швырнул на мой стол сорванный с телетайпа лист с сообщением агентства АП и сказал:

— Это не так уж много, Кит, но, слава богу, это шаг в правильном направлении.

Террада поднял голову и прорычал:

— Ты решительно хочешь, чтобы нас втянули в эту проклятую войну, не так ли?

— Конечно,— небрежно бросил Пип.

Террада отнесся ко всему вполне серьезно. Он сказал Пипу, что он, Пип, и Рузвельт — оба собираются плыть против хода исторических событий. Давление президента на конгресс с тем, чтобы вовлечь американские корабли в военные действия, является в действительности денонсацией первичной декларации о нейтралитете от 1793 года и противоречит традиционной политике, изложенной в Прощальном обращении Вашингтона в 1796 году, в котором он ясно и недвусмысленно заявил, что американцы должны держаться в стороне от чужих дел и что всякий, кто суется в дела других стран, является глупцом и простофилей.

— И ты великолепно знаешь, что произойдет, если президент снабдит пушками наши торговые корабли,— произнес Террада.

— Можешь делать ставку,— снова повторил Пип.

— Какой-нибудь полоумный пальнет с корабля в немецкую подводную лодку,— произнес Террада,— и мы окажемся втянутыми в войну на следующий день. Это как раз то, на что нацелился президент.

— Чепуха и глупость,— ответил Пип.

— А я тебе говорю, что это и есть политика вмешательства, и это негодная политика.

Террада настаивал на своем, и они продолжали спор, используя весь свой запас эрудиции относительно американской политики в вопросе «за» или «против» вмешательства в дела других государств. Террада цитировал каждого президента, начиная с Вашингтона и Джефферсона, приводил цитаты из декларации о неприсоединении, чтобы доказать, что политика изоляции и нейтралитета была правильной политикой. Пип, в свою очередь, доказывал, что каждый президент со времен Вашингтона и Джефферсона неизбежно вступал в различного рода соглашения с другими странами, принимал участие в войнах и вмешивался в дела других, особенно это касается Адамса, Гранта, Полка, Тедди Рузвельта и Вудро Вильсона.

Схватка была острой, но через полчаса они переключились на меня, подзуживая по поводу тех двух дней, которые мне предстояло провести в обществе Эйми. У меня хватило здравого смысла не обращать на это внимания и никак не реагировать. Скоро им это надоело. Я уже было добросовестно принялся за статью о прорыве армии Роммеля в Тобруке, когда Пип поманил меня из коридора. Мы завернули за угол к автомату с кока-колой, и Пип, прислонившись к стене, заговорил:

— Отвратная история произошла вчера вечером, Кит, и ты никогда не догадаешься, какая именно.

— Полагаю, что нет,— сказал я и подумал, что это, наверно, касается Джуди.

— Поздно вечером ко мне явились два агента ФБР,— сказал он.

— На что ты им нужен, Пип?—засмеялся я.— За твою приверженность к британцам?

Но Пип был серьезен.

— Нет, они пришли не ради меня. Их интересовал Лестер. Это такая чертовщина, что я не знаю, что и подумать.

— Ты хочешь сказать, что они в чем-то его подозревают?

— Я не знаю, но они явно его проверяют.

— Хорошенькие дела!

Пип так саданул по автомату, что он выпустил золотистую струйку кока-колы.

— Ненавижу эту тайную полицию,—произнес он,— ни свою, ни чужую.

— Как и все мы,— ответил я.— Но что им было нужно?

— Хотели знать о его позиции. Что означает, черт побери, это слово «позиция»? — сказал Пип.— Они хотели знать, с кем он дружит, и неизвестно ли мне — они так и спросили,— есть ли у него до сих пор личные контакты с кем-нибудь из русских.

— Русских?

— Да. Они даже напомнили мне, что он почти два года провел там.

— А как же его книга — громометательное библейское ниспровержение всего, что связано с «Великим экспериментом»?

— Ребята оказались не такими уж глупыми, Кит,— сказал он.— Они сказали мне, что их больше интересует, чтó человек непосредственно делал, а не то, кем он хотел себя изобразить или чтó он написал. Их интересовали его связи и все прочее.

— Я полагаю, ты назвал Сэнфорда и Баннермана и всю коннектикутскую компанию?

— Я сказал им, чтобы они проваливали к черту. Я не собираюсь шпионить за Лестером.

Думаю, Пип и в самом деле хотел бы на этом завершить разговор, но я не унимался.

— Ты ведь не кончил. Что еще случилось?

— Ну что... Это были весьма приличные молодые люди с чистыми манжетами, стрижкой под ежик, очень выдержанные, и они говорили, что дело не в том, чтобы шпионить за Лестером, а в национальной безопасности.

— Господи, в чем же они его-то подозревают?

— Я сказал им, что Лестер считает себя самым добропорядочным американцем после Джорджа Вашингтона, и это все, что я собирался им сказать, и пошли они к черту.

— Молодец.

— Может быть, я и молодец, но эти типы сидели и говорили мне, что каждый истинный американец в чем-то считает себя Джорджем Вашингтоном. Они продолжали расспрашивать, а потом заинтересовались тобой.

— Мной? А я тут при чем?

— Они, вернее, интересовались тем же Лестером, а не тобой. Они хотели знать, насколько вы близкие друзья и не оказывал ли ты на него какого-либо влияния. Тут я взорвался и сказал, что Лестер не из тех, кто может попасться на ваши английские уловки, или что его можно в чем-то переубедить. Но сказал, что я бы мог клюнуть на вашу удочку. И тут же добавил, что, будь моя воля, я, не задумываясь, втянул бы США в войну на стороне англичан и что я более перспективен в смысле их дальнейшей работы. Ну, и что вы собираетесь теперь делать? — спросил я их.

— Да ты с ума сошел — говорить им подобные вещи!

Пип пожал плечами.

— Все это яйца выеденного не стоит.

— Нет, ты неправ. Продолжай же,— сказал я, когда мы прошли дальше по коридору, чтобы избежать любопытных взглядов девиц из справочного отдела — всех этих Труди, Джунн, Абигейл и Мьюриэл, которых страшно интересовали сплетни и которые пытались кокетничать с Пипом.

— В конце концов, вопреки моим убеждениям, я сказал им то, что они от меня ждали. Я сказал, что Террада ненавидит русских и что на всех заседаниях в редакции он вел себя, как конгрессмен Дайес, и был против всякой помощи русским. Я им сказал, что Лестер предал бы лучшего друга, если бы ему почудилось, что друг изменяет республике. Я подпустил им всю эту дешевку, которую слышал на той коннектикутской ферме, и сказал, что Террада относится даже с подозрением к англичанам и не верит ни единому их слову. Ни одному англичанину, даже тебе, Кит. И я добавил, что еще не встречал никогда человека, так сознательно ограничивающего себя ради того, чтобы быть истинным американцем.

— Ты собираешься сказать об этом Лестеру? — тихо спросил я Пипа, когда мы подходили к двери.

— Конечно, нет, черт возьми. Он изведется до смерти,— сказал Пип.— Но мне страшно интересно, почему они так им заинтересовались.

Мы вошли в комнату в то время, как Лестер, стоя у окна, обозревал город. Наверно, так именно обозревал и Вашингтон реку Делавэр, раздумывая, удастся ли ему ее форсировать и смять англичан. По сути дела, Лестер всегда верил в свое высокое предназначение, об этом, видимо, и размышлял, засунув большие руки в карманы. Я полагаю, именно поэтому он держался несколько сдержанно со всеми нами. Пипу это, наверно, тоже пришло в голову в тот момент, и он, не в силах сдержаться, бросил:

— Кит и я, мы как раз сейчас раздумывали над тем, как ты, Лес, относишься к ФБР.

Мы уже садились за свои столы, но заметили, что Террада аж подпрыгнул немного. Вопрос ему не понравился.

— Кто-то ведь должен заниматься этими делами,— сказал он.

И мгновенно его лицо покрылось потом. Пот даже проступил, как я заметил, и сквозь его рубашку. Он сел к столу и лихорадочно начал печатать на машинке. Мы с Пипом обменялись недоумевающими взглядами.

Заметив, что этот разговор Терраде неприятен, Пип не стал продолжать. Я же об этом вспомнил лишь на следующее утро, когда в 8.30 ко мне позвонил дежурный отеля и сказал, что двое мужчин поднимаются ко мне в номер.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

А. Шилов. ПАСТУХ. 1975.

А. Шилов. ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ. 1977.

А. ЩЕРБАКОВ

Все еще слабо используются возможности подсобных хозяйств заводов и фабрик, а также личных хозяйств сельского населения. Постановления по этим вопросам мы приняли, но выполняются они пока медленно. Надо больше помогать этим хозяйствам в обзаведении молодняком и в снабжении кормами. Требуется также создать определенный общественный климат, при котором колхозники и работники совхозов ощущали бы, что, выращивая дома скот и птицу, они делают полезное, государственное дело.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из выступления на ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

ЛИЧНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Хлопотная это вещь — личное крестьянское хозяйство. Поди управься с коровой, поросенком, курами, успей на усадьбе... Да и не все возьмешь одним временем, отданным скотному двору, огороду, саду. Хорошо, если есть в доме кому косить под силу, еще лучше, если кто из родственников на грузовой машине или на тракторе работает: когда-нибудь попутным порожним рейсом сено со скошенной делянки ко двору подвезет. Но не в каждой же семье и косец, и механизатор, и грузчик. В общем, забот тут много. Однако не все председатели колхозов, директора совхозов одинаково относятся к нуждам крестьянского двора. По-разному смотрят на личные хозяйства, а значит, по-разному и поддерживают их.

Мне уже приходилось упоминать в «Огоньке» о белорусском совхозе «Любань» и его директоре Евгении Федоровиче Мироновиче, Герое Социалистического Труда, партизанском вожаке в прошлом, опытнейшем руководителе, удивительно глубоко постигшем крестьянскую психологию. Для Мироновича забота о нуждах рабочих совхоза так же первостепенна и ответственна, как забота об интересах государственных. По его инициативе несколько лет назад на центральной усадьбе совхоза построили коровник. Типовой, с механизацией. Рабочие поставили туда сто своих коров. Корма совхозные. Хозяйки дежурят по очереди, в пятьдесят дней раз, а в другие — приходят только доить своих милён и красуль. За содержание скота, естественно, платят. Желающих пользоваться общественным коровником хоть отбавляй. Учитывая спрос, совхоз построил еще один такой же для личного скота.

Евгений Федорович перечисляет выгоды:

— Разгружаем людей от многочисленных хлопот, освобождается время для общественного труда, для семьи, для культурного досуга, для образования... Убедились, что пользующиеся общественным коровником охотнее продают излишки молока государству, не возражают обычно против контрактации телят да и работают старательнее.

— Вам, возможно, доводилось слышать такие разговоры: зря, мол, Миронович затеял дело с этими коровниками: купил бы коров у рабочих, а им совхозное молоко продавал бы.

— Слыхал. Считаю, что неправильные это разговоры. Кто нуждается, тому мы молоко продаем. Но стараемся при том создать все условия, чтобы люди держали скот, хозяйствовали. — И он с улыбкой посмотрел на участника нашей беседы, работника министерства сельского хозяйства республики. Мне показалось, что слова Мироновича были адресованы и ему.

— Крестьянин,— продолжал директор,— живет на земле и должен оставаться крестьянином с его потомственной привязанностью к крестьянскому труду и образу жизни. Тогда он не бросит деревню и не побежит отсюда куда глаза глядят — лишь бы подальше... Вот почему мы и молодым семьям помогаем обзавестись хозяйством и старикам — свое хозяйство поддерживать. Зачем же колхоз или совхоз будут продавать крестьянину молоко, мясо, картошку, если первейшее крестьянское назначение — все это производить, и город кормить, и самому получать продукты со своего подсобного хозяйства? А иначе получится так: крестьяне на крестьян работать будут. Это экономика наизнанку.

Слушаю его и думаю: если бы вот так все, кому приходится сегодня решать сельские проблемы, развязывали тугие деревенские узлы! Увы, не все.

В колхозе имени Кирова, Слуцкого района, и коровам колхозников и общественному стаду отводятся одинаково хорошие пастбища с набором сеяных трав. А в этом же районе в других хозяйствах домашний скот обездолен — ему суходолы, неухоженные, заросшие кустарником угодья, почти бесплодные выгоны. И не в одном Слуцком районе так.

Иных председателей колхозов, директоров совхозов не обвинишь в невнимании к людям. Строят жилье, дома быта, магазины, клубы. Правильная забота! Броская, даже, можно сказать, эффектная — вон какой мы селу придаем облик, не сегодня-завтра сравняемся с городом! Но вот другой ряд забот — корма, скажем, для личного скота, ремонт сарая или просьба помочь купить телку.

И тут уже другое отношение. И рассуждение примерно такое: «Заботимся обо всех сразу. Каждый сам по себе и так не пропадет, что там одна отдельно взятая корова — масштабно ли по нынешним понятиям? Тем более известно: крестьянин свою коровку, как ребенка, нянчит. Он же не допустит, чтобы она недоедала,— по единой травинке стожок для нее натаскает, и пойло найдет из чего заболтать, и подстилку принесет. Так что зря некоторые плачутся, что тяжко свое хозяйство вести. Чья бы корова мычала, а ихней уж грех! Не хуже общественных живут!»

...Давайте пройдем по теперешней деревенской улице. Нередко ее и деревенской-то назовешь с оговоркой — все почти как в городе. Но вот вопрос: признавая и хваля все достоинства и выгоды подобного переустройства, не забываем ли мы подчас, что в этих населенных пунктах должны жить крестьяне, и жить на свой лад, который накрепко сбит из традиций, привычек, нравов, формировавшихся веками, и всегда ли мы, вынашивая в архитектурных мастерских проекты образцовых агрогородов, спрашиваем себя: удобно ли там будет крестьянину? Ходит средь селян быль о том, как в одном совхозе не нашлось желающих переселиться из старых домов в новый девятиэтажный со всеми удобствами. Крестьянин тянется к городским удобствам, но к таким, что соответствуют его, крестьянскому, укладу жизни. Легко понять специалистов по строительству из Министерства сельского хозяйства БССР, не без зависти описывающих литовские проекты для села — одно- или двухэтажные коттеджи, возле них удобно спланированные постройки, скотный дворик, погреб, гараж... А зачем же завидовать? Неужели министерство сельского хозяйства республики не в состоянии диктовать строительную политику в колхозах и совхозах? Да, не в состоянии, так как ему не подчиняются организации, призванные строить на селе. Госстрой БССР, министерство сельского строительства республики, «Межколхозстрой» зачастую говорят на разных языках, и программы их порой не стыкуются. Министерство сельского строительства и «Межколхозстрой» нередко почему-то строят в городах, хотя призваны, как явствует из названий этих учреждений, жить заботами села. Почему предпочтение отдается городу? Строить там сподручнее, план скорее выполнишь, получишь прогрессивку. А что министерство сельского хозяйства в обиде, так есть же поговорка: на всех не угодишь!

Увы, строительство, которое ведет сам селянин, как правило, протекает стихийно. Рыночный фонд на материалы скуден, специализированных сельских строительных фирм нет. Вся надежда на шабашника. Страдают интересы и крестьянина и горожанина. Сокращается количество скота в личных хозяйствах колхозников и рабочих совхозов.

Но дело не только в кормах и строительстве. Личное хозяйство нуждается в технике — сюда тоже должны шагнуть индустриализация и культура производства. А шагают они очень медленно. Давно, например, на повестке дня стоит такая проблема, как выпуск тракторов-малюток для небольших усадеб. На Минском тракторном заводе создан образец малогабаритного садово-огородного трактора. Однако никто не может сказать определенно, когда же он пойдет в серийное производство. Неизвестно, когда начнется трудовая биография такого же трактора в Пскове.

Ну ладно, трактор — машина трудоемкая, сложная. Но нет же и другой техники, что попроще, нужда в которой весьма велика: электромотора, от которого могла бы питаться домашняя мельница, доильный аппарат. Нет набора электроинструментов для огорода и сада, рыхлителей, фрез и т. д.

Да и с выпуском ручного инвентаря не все благополучно. Министерство местной промышленности БССР за последние годы основательно увеличило его изготовление. Однако и тут свои издержки. В основном из-за сырья. Запланировали министерству на 1978 год двадцать тысяч погонных метров электросварной трубки. Фонды выделили, а поставщиков не назвали. И пришлось несколько месяцев злополучную трубку самим изыскивать, гонцов в надежные места слать, просительно-жалобную переписку вести.

На уровне незрелой самодеятельности находится и коммунальное хозяйство деревень. А это, естественно, отражается на количестве и качестве продуктов, производимых на домашних фермах. Водопровод, газ — без них не представишь сегодня такую ферму. Иные колхозы, например, «Неман» в Столбцовском районе, решили организовать собственную коммунальную службу. Но, увы, она оказалась весьма маломощной. Квалифицированных специалистов, современного оборудования, фондов — всего этого нет. Как же такой службе справиться с профилактикой, ремонтами? На кустарщине далеко не уедешь!

Вот как смотрит на эту проблему министр жилищно-коммунального хозяйства БССР А. И. Безлюдов:

— У нас есть опыт коммунальной службы в масштабе сельского района. Она ремонтирует селянам жилье, хозяйственные постройки, следит за всеми коммуникационными сооружениями. В принципе оправдывает себя... Но сегодня без техники, без оснастки, без материальных ресурсов, без штатов инженеров, техников, рабочих все это выглядит кустарно. Планы пока ничего этого не предусматривают. А потребность в коммунальных услугах растет буквально с каждым днем. Всем очевидно, что рано или поздно все равно придется создавать коммунальную службу на селе. Так лучше раньше, чем позже!

Много неувязок и в организации закупок у крестьян продуктов животноводства, картофеля, овощей, фруктов. Случается, крестьянин не хочет продавать мясо или овощи лишь потому, что потребкооперация не рассчитывается с ним на месте. Бери, говорят, чек, поедешь с ним в райцентр и там получишь деньги. А ему несподручно ехать в райцентр. Бывает и так, что потребкооперация не в состоянии вывезти из деревни закупленные продукты — нет транспорта. Две с лишним тысячи машин, имеющихся в распоряжении Белкоопсоюза, несут службу уже больше десяти лет. Если принять во внимание далеко не идеальное состояние сельских дорог, то можно представить, с какой резвостью бегают эти автоклячи осенней или зимней порой. А как часто ждут не дождутся их в деревне, чтобы нагрузить картошкой или яблоками, отправить в город бычка, свинью или птицу...

Пока еще медленно, со скрипом решаются насущные проблемы личного хозяйства крестьянина. А последствия этого «скрипа» остро ощущают и село и город.

КАК ОБЫ

С. ВЛАСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В последнее время в нашей стране все большей популярностью стали пользоваться дискотеки — молодежные музыкальные клубы. Намного раньше, чем у нас, они появились в Германской Демократической Республике. Сегодня молодежь ГДР уже не представляет свою жизнь без дискотек. Но их цели и назначение здесь совсем иные, чем на Западе, где дискотеки служат бездумному развлечению, служат средством убить время, отвлечься от невеселой действительности.

Оранжевые шатры света выхватывали из полумрака нестройные ряды занятых столиков. В центре зала медленно вращалась круглая сцена с танцующими парами.

Фриду трудно было не заметить. Нарушая общепринятые правила, эта длинноволосая девушка сама приглашала ребят танцевать. Когда она подошла ко мне и с независимым видом, глядя куда-то в сторону, проронила: «Если ты не прочь...»,— я не сразу догадался, что меня приглашают танцевать.

По пути к танцевальному кругу познакомились. Когда она поняла, что я русский, ее лицо сделалось приветливее.

— О, Советский Союз... Я была там. В первый день я чувствовала себя неловко. Мне казалось, что и я, как немка, виновата в той ужасной войне. Но в Москве меня так приветливо встретили, и мое смущение быстро исчезло.

Сцена стала крутиться быстрее и одновременно подниматься вверх.

— Где ты так прекрасно научилась танцевать, Фрида?— спросил я.

— Здесь, в дискотеке. Я хожу сюда почти каждый день. Я так люблю танцы!

Музыка стала потише. Диск-жокей, сидящий за пультом, взял в руки микрофон:

— Да будет позволено мне заметить, что курить во время танца — это проявлять неуважение к своей даме.—Небольшой урок этикета предназначался долговязому парню. Тот смущенно затушил сигарету.

Только теперь в диск-жокее я узнал Герда. Вот это сюрприз! Накануне мы с ним обсуждали проблемы дискотек: Герд Кольбе — научный сотрудник Центрального Дома культуры в Лейпциге. Он руководит работой дискотек республики. Сейчас Герд почти безраздельно властвовал общим настроением зала. Его реплики, замечания, веселые и серьезные, создавали атмосферу дружелюбия и контактности. Каждый казался тебе хорошо знакомым, с каждым хотелось переброситься приветливой фразой, и верилось, что ответят тебе также по-дружески. Вчера, сидя в своем рабочем кабинете, Герд рассказывал о сложностях организации дискотек. В мире нет подобного опыта. Главная трудность — это подготовка диск-жокеев. Сегодня их в стране пять тысяч. Герд один из них...

— Так, значит, ты из Москвы? А зачем приехал сюда, в Берлин?— спросила Фрида.

— Я журналист, хочу написать о ваших дискотеках.

— Значит, ты сейчас на работе?— Она улыбнулась.— Могу дать интервью.

Музыка на секунду притихла.

— Кто знает, с каких пор женщины стали носить брюки?— обратился к залу Герд.— Ответы прошу подавать в письменном виде.

— У меня к тебе другой вопрос, Фрида. В Берлине около двухсот дискотек, а ты ходишь именно в эту. Почему?

— Здесь, кроме танцев, каждый раз бывает что-то новое. Встречи с интересными людьми, с которыми ты можешь поговорить. Вчера здесь выступал художник-карикатурист, неделю назад — известный поэт. Здесь можно поспорить с друзьями обо всем на свете — многие сюда именно для этого и приходят. Рядом в кинозале можно посмотреть кинохронику, можно, конечно, провести время у игральных автоматов, а можно послушать лекцию в соседней комнате. Кстати, сейчас там сексолог выступает перед будущими молодоженами. А можно просто танцевать!

Фрида улыбнулась. Я заметил ее мимолетный пренебрежительный взгляд в сторону целующейся парочки. Я и сам почувствовал за них некоторую неловкость.

— Да, конечно, сюда приходят отдыхать, развлекаться,— говорила Фрида,— но ведь делать это можно по-разному. Все зависит от культуры, от интеллекта.

Музыка кончилась. Только теперь я заметил, что, кроме нас, на сцене никого нет.

— Попрошу вас обоих задержаться на секундочку,— обратился к нам Герд.— Хочу сообщить, что вы лучшие танцоры в этом зале. Вы танцевали до конца под музыку, под которую невозможно танцевать. Эта музыкальная шутка была написана специально. Вы награждаетесь билетами на следующий вечер.

Когда мы подошли к столику, где сидели мои новые друзья, Вернер поздравил нас с победой.

— Не издевайся, Вернер, это — недоразумение,— сказал я.— Мы были сильно увлечены разговором. Ручаюсь, что, если бы мы слушали музыку, у Фриды не было бы сейчас этих двух билетов.

— Я тоже так думаю,— улыбнулась она.

Вернер, с лица которого в этот вечер не сползало выражение доброй иронии, с серьезным видом что-то сказал — что именно, я не расслышал, но судя по тому, как засмеялись Фрида и Стефан, что-то очень веселое.

— Ты веселый человек,— сказала Фрида, с интересом глядя на Вернера.

— Но иногда может быть и серьезным,— заступился за него Стефан.— Когда вы танцевали, он спорил с ребятами за соседним столиком о судьбах двух Германий. Столько всякой ерунды мы вынуждены выслушивать — ведь вдоль границы работают два десятка радиостанций ФРГ! Приходится все время помнить об этих атаках на молодежь.

Для Стефана Лаша это не пустые слова. Он журналист, работает на радио в молодежной музыкальной редакции и хорошо знает, как тонко и настойчиво работают идеологические противники, используя средства информации...

— Главная задача — научить нашу молодежь думать, анализировать события в мире,— говорит Стефан, попыхивая трубкой.— Дискотеки — по-моему, прекрасное средство для этого.

— А мой муж считает,— не слишком, может быть, кстати заметила Фрида,— что дискотеки — это главным образом средство для знакомства. Мы с ним здесь и познакомились. Теперь он нечасто сюда ходит, говорит, что от дискотеки получил все, что мог.

Все улыбнулись.

Герд объявил, что из сорока ответов на его вопрос только три близки к истине: женщины стали носить нечто похожее на современные брюки в 1914 году. Тут же Герд посоветовал почитать только что вышедшую книгу о современных музыкальных тенденциях. Многие

ЧНО, В СЕМЬ...

сидящие в зале полезли в карман за ручками, чтобы записать название.

Вернер увел Фриду танцевать.

— Скажи, Стефан, а кто финансирует дискотеки?— спросил я.

— В основном государство, Союз свободной немецкой молодежи, профсоюзы. Если дискотеки действуют в рабочих клубах, то промышленные предприятия.

— Когда появилась первая дискотека в ГДР? Лет восемь назад. А началось все почти стихийно. Сидели ребята в клубе, захотелось им устроить танцы, послушать музыку, а денег на оркестр не было. И кто-то подал идею принести из дома проигрыватель. Сообща стали придумывать программы вечеров. Так что дискотеки — это следствие резко возросшей потребности молодежи как-то по-новому организовать развлечения. На IX съезде Социалистической единой партии Германии отмечалось, что в этом направлении должна вестись активная работа.

— И что же, уже существуют какие-то правила для создания дискотек?

— Есть даже специальный закон. Он вступил в силу три года назад. В нем, например, четко установлен заработок диск-жокеев в зависимости от квалификации, плата за амортизацию их оборудования.

— Разве у диск-жокеев своя музыкальная техника?

— В основном да.

— Но ведь это стоит очень дорого — усилители, магнитофоны, проигрыватели...

— Верно, от пяти до десяти тысяч марок. Но за один вечер диск-жокей получает до двадцати пяти марок. И таким образом все довольно скоро окупается.

— Наверное, многие в ГДР хотят стать диск-жокеями?

— Желающих много. Но чтобы создать здоровую конкуренцию, решено число диск-жокеев в стране не поднимать выше пяти тысяч. Это при условии, что каждый год появляется около двухсот новых. Значит, столько же должно отсеяться. Это определяет квалификационная комиссия. Каждые три года в Карл-Марксштадте проводятся фестивали на лучшего диск-жокея страны. Очередной будет в октябре нынешнего года. Есть специальные дискотеки для школьников и даже для пенсионеров. А что ты удивляешься? Это самая благодарная публика. Ведь для пожилых людей это возможность познакомиться и подружиться с кем-то. Они так жаждут общения! Это и понятно: вынужденное одиночество — нередкий спутник старости. Конечно, там особая программа, и музыку исполняют, чаще всего популярную в двадцатые — тридцатые годы.

— Диск-жокей в таких клубах — молодой парень?

— Как правило, да. Но не каждый может быть там диск-жокеем. Герд, например, может.

— А Вернер?

— Тем более. Он, кстати, наверное, ничего о себе не рассказал?

— Два слова. Что работал раньше инженером-экономистом. Теперь культработник в международном молодежном лагере Шармюцельзее.

— И все? Узнаю, узнаю Вернера. Ну так вот, пока его нет, слушай. Вернер Глизе — один из лучших диск-жокеев в ГДР. Специализируется в основном на международных программах. Созданное им оборудование для дискотеки получило золотую медаль Лейпцигской ярмарки. Когда в 1974-м при министерстве культуры ГДР была организована первая рабочая группа дискотек, в которую вошли искусствоведы, ученые, артисты, журналисты, социологи, Вернер стал ее председателем.

Вечер в дискотеке начался, как обычно, в семь часов. **Фото Ф. Биллеба**

— Стефан, а как становятся диск-жокеями?

— Об этом лучше Вернера спроси. Вот он, кстати, возвращается...

Фрида приветливо помахала нам рукой из другого конца зала.

— Вернер, расскажи, как стать диск-жокеем?— спросил я.

— Ты хочешь им стать?

— А думаешь, сумею?

— Если тебе продлят командировку еще на месяц, если ты выдержишь предварительный экзамен и пройдешь учебу на специальных курсах. Они существуют в каждом округе, там тебя научат всему, что должен уметь диск-жокей: составлять программу, разбираться в музыке, политике, искусстве, выразительно говорить, находить контакт с публикой, владеть мастерством актера... В конце курса ты получишь диплом диск-жокея класса «А» — это самый низший класс.

— Сколько же их всего?

— Четыре.

— А что же, по-твоему, самое главное для диск-жокея?

— Музыкальность! Ну и еще способность чувствовать настроение зала, чтобы умело им управлять. Этим даром наделены не многие...

— Вернер им наделен,— как бы невзначай проронил Стефан.

— Это ему приснилось.— Вернер смущенно улыбнулся.

Кончился очередной танец. В перерыве Герд сообщил некоторые подробности о недавнем разоблачении группы западных идеологических диверсантов и тут же предложил желающим посмотреть об этом короткий документальный фильм в соседней комнате. Зал наполовину опустел.

Мне вспомнилась встреча с директором Академии культуры округа Франкфурт-на-Одере Питером Ренером. Он говорил:

«В дискотеках все уместно: и шутка, и анекдот, и самые серьезные политические сообщения. Думаю, именно в них заложены огромные не использованные пока возможности для воспитания молодого человека, потому что ребята приходят сюда по своей воле, и эффект воспитания зависит от того, насколько умно и тонко мы можем преподнести им идеологию, нравственные и эстетические понятия. Агитацией в лоб, нравоучениями можно порой только испортить дело».

И не случайно ЦК СЕПГ доверил Питеру Ренеру отвечать за работу всех дискотек ГДР. Вот уже несколько лет он со всей страстью отдает свои силы подготовке квалифицированных диск-жокеев и созданию увлекательных, глубоких программ.

«Особенно велико значение дискотек на селе,— взволнованно говорил мне Питер Ренер.— Здесь они стали настоящими центрами культуры. Статистика свидетельствует, что в тех селах, где действуют дискотеки с интересными, содержательными программами, заметно снизилось число драк и хулиганских поступков. Так что дискотека — это боевое оружие для борьбы с пережитками прошлого. Через дискотеку, если хотите, тоже проходит линия идеологической борьбы. Хорошо, когда в этой борьбе рядом с тобой такие понимающие друзья, как Герд Кольбе, Вернер Глизе, Стефан Лаш...»

Музыка неожиданно оборвалась, и возбужденный Герд почти прокричал в микрофон:

— Внимание! Всем внимание! Только что мне сообщили, что в космосе гражданин ГДР. Имя первого немецкого космонавта — Зигмунд Йен. На корабле «Союз-31» он стартовал вместе с советским космонавтом Валерием Быковским...

Последние слова потонули в общем шуме. Все повскакивали с мест. Стали чокаться друг с другом.

К нашему столику подбежала Фрида, держа за руку голубоглазого блондина.

— Знакомьтесь, мой муж Михаэль, студент-филолог.

— Знаете что, давайте выпьем за то,— предложил Михаэль,— чтобы люди использовали ракеты только для освоения космоса. Чтобы никогда человечество не знало больше войны. И чтобы оба наших народа, которые пострадали от войн больше других, связывали узы дружбы, поднятые до космических высот.

Молча — кто с улыбкой, кто задумавшись — сидели мы. Что тут еще можно было сказать?

Берлин — Москва.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВОДА

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

— Она, что, какая-то особенная? — допытывался какой-то дотошный любитель плавания. — Ведь почти все наши успехи связаны с воспитанниками ленинградских бассейнов. Вот я и спрашиваю: там что, вода какая-то особенная?

Попробуем ответить на этот вопрос...

Есть в лексиконе пловцов такой термин — «мало воды». Но за последние годы со стремительным увеличением числа бассейнов чаще слышишь иную претензию: «Слишком короткая вода». А скрывается за этим вот какая проблема: в Ленинграде сейчас работают более 20 бассейнов, но из них всего два пятидесятиметровых, остальные же длиной в двадцать пять метров. А, как известно, крупные соревнования, в том числе мировые и олимпийские первенства, проходят в бассейнах пятидесятиметровых. Однако даже это серьезное затруднение не помешало ленинградским тренерам добиться за последние годы коренного перелома в одном из основных олимпийских видов спорта, где мы неизменно терпели неудачу. Ни недостаток воды, ни укороченная длина дорожек не остановили их. И на международной арене зазвучали имена таких пловцов, как Владимир Сальников, Сергей Русин, Юлия Богданова. Они завоевывали золотые медали на первенствах Европы и мира и все выросли на ленинградской воде, а первые двое на вопрос о месте рождения отвечают односложно: «Экран».

Нет сейчас среди пловцов популярнее клуба, чем этот — не отличающийся ни изобилием воды, ни ее протяженностью. Однако факт остается фактом.

История «Экрана» исчисляется одиннадцатью годами, и за это время через маленький, скромный бассейн прошло несколько поколений пловцов и выросли замечательные тренеры, в том числе один из ведущих тренеров сборной команды страны, воспитатель Сальникова и Русина — Игорь Михайлович Кошкин.

Самого Кошкина мы в Ленинграде не застали: в связи с недостатком «длинной воды» он повез своих лучших учеников в Харьков и занимается там с ними в первоклассном пятидесятиметровом бассейне. Не оказалось на месте и целой группы пловцов следующих поколений — уехали выступать в другие города. Но клуб продолжает трудиться, как и всегда, с раннего утра и до вечера, готовит новых мастеров, и тренеры «Экрана» уже знают их имена, которые прогремят только через два-три года. А начинается с того, что все семеро тренеров клуба расходятся по окрестным школам и знакомятся с медицинскими картами восьмилетних ребятишек. Отобрав тех, кому плавание по состоянию здоровья не противопоказано, проверив юных кандидатов в чемпионы на гибкость, подвижность, силу, их приглашают в бассейн и начинают с ними занятия. Причем уже спустя год тренировочное время достигает двенадцати часов в неделю. На занятиях в школе такое насыщенное расписание не отражается, потому что члены клуба посещают специальные классы, в которых учебное расписание точно согласовано со спортивными занятиями.

Восьмилетними малышами пришли в «Экран» Сальников и Русин. Теперь за двумя лидерами клуба стоят такие способные пловцы, как Виктор Кузнецов, Михаил Горелик, Евгений Середин, а в школе уже звучат новые имена — Алеши Ефименко, Гали Капариной, Наташи Багреевой.

За одиннадцать лет существования «Экрана» в нем выросло не только много выдающихся пловцов, но и передовые тренеры, которых отличает неустанный поиск все новых тренировочных средств, огромное упорство и неиссякаемая творческая фантазия. Пятьдесят три мастера спорта, девять мастеров международного класса — вот кого дала нам ленинградская вода. И думается нам, что успехи Игоря Кошкина и его товарищей были бы неизмеримо больше, если бы они получили нормальный пятидесятиметровый бассейн. Тренеры «Экрана» его заслужили.

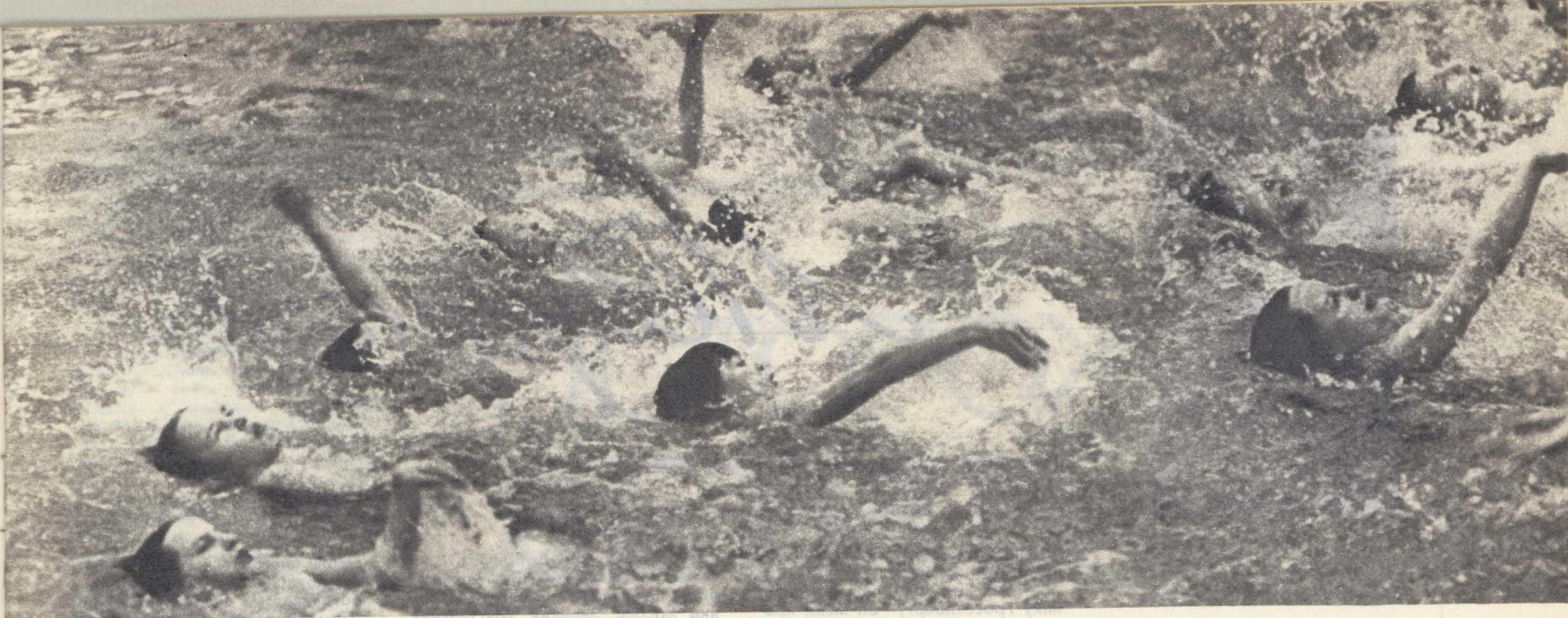
Тренер клуба Г. Петров.

Близнецы Маша и Надя Дроздовы.

Водный баскетбол.

Идет тренировка.

Пловцы рождаются на суше.

После занятий.

Леонид **ЛЕНЧ**

Медуница

РАССКАЗ ЛЕТЧИКА-ВЕТЕРАНА

Изо всех моих новогодних застолий запомнилась мне больше других встреча нового одна тысяча девятьсот сорок пятого года в поле вблизи глухой белорусской деревеньки с названием Дрянько-во. Встрече этой предшествовал мой первый воздушный бой, когда я, двадцатилетний летчик-истребитель, младший лейтенант, только что из училища, сбил своего первого «мессера».

Конечно, это счастливая случайность. Как поется в одной песенке, «их благородие госпожа удача» проявила ко мне в тот серенький туманный зимний день свою благосклонность. Факт тем не менее остается фактом: сбил! Произошло все это в небесах над деревней Медуница, тоже белорусской, но расположенной значительно западнее деревеньки Дряньково, о которой речь будет впереди.

К вечеру того же дня командиру нашего полка позвонили, что генерал, командующий армией, требует, чтобы летчик, сбивший в бою 30 декабря 1944 года над деревней Медуница немецкого аса, полковника Эдмунда фон Гроссенберга, немедленно прибыл в штаб.

Командир полка дал мне свой «виллис», и я помчался.

Вхожу к генералу — любимцу всей летной фронтовой молодежи. А как же его было не любить?! Красив, как сам Аполлон, храбрец, Герой Советского Союза, боевой летчик с еще испанским стажем, добряк и умница.

Докладываю о своем прибытии по форме.

Генерал говорит, улыбаясь:

— Ну-ка, вьюнош (так он называл всех молодых летчиков, по-отечески обращаясь к ним на «ты»), расскажи, как же это ты ухитрился поразить такого страшного дракона, как сам непобедимый Гроссенберг?

И показывает мне глазами на немецкого летчика с нашейным железным крестом, сидящего тут же на табуретке. Лицо каменное, губы крепко сжаты.

Пожимаю плечами и отвечаю генералу со всей искренностью и чистосердечием:

— Сам не знаю, товарищ генерал: повезло! Неожиданная улыбка фортуны!

Генерал обращается к военному переводчику — лейтенанту (он сидит на другой табуретке рядом с немцем) и говорит:

— Скажите, лейтенант, полковнику Гроссенбергу — он меня просил показать ему, если это можно, летчика, который его сбил, — я его просьбу выполняю. Вот этот самый вьюнош его и сбил. Пусть полюбуется!..

Полковник Гроссенберг посмотрел на меня, на мой потрепанный комбинезон, на кирзовые сапожищи, и, как мне показалось, по его каменному лицу скользнула презрительная не то усмешка, не то гримаса. «Ах ты, — думаю, — задавака фашистская!» А генерал, словно угадав мои мысли, смеется:

— Гроссенберг дрался с французскими, английскими асами и не знал поражений. А вот связался этот фашистский черт с русским младенцем, и младенец ему налепил! Смешно и обидно!..

Гроссенберг по-немецки тем временем спрашивает у переводчика:

— Как называется населенный пункт, над которым я был сбит.

— Медуница.

— Что такое Ме-ду-ница?

— Такие цветы, очень душистые, они пахнут свежим медом.

— Хорошенький мед, черт побери! — говорит немец, кривясь.

Я по-немецки понимал и поспешил сказать генералу, о чем говорил Гроссенберг.

Генерал повеселел и спросил меня:

— Ты откуда сам?

— Москвич!

— Ну, вьюнош, считай, что фортуна тебе снова улыбнулась. Завтра к вечеру вылетишь на моем «дугласе» в Москву, доставишь, куда нужно, полковника Гроссенберга, сдашь под расписку, погуляешь денек по столице — и назад... За каждый волос на голове Гроссенберга отвечаешь собственной. Вернешься — получишь награду, к которой ты уже представлен. Исполняй приказ, младший лейтенант! Желаю успеха!..

...Вылетели мы поздним вечером 31 декабря 1944 года. «Дуглас» вел пилот генерала капитан Овчинников — летчик высшего класса. Вместе со мной и Гроссенбергом летели еще два штабных офицера — полковник и майор.

Пролетели минут тридцать, сорок, не больше и вдруг чувствуем, что-то неладное творится с машиной... Началась болтанка, какое-то дребезжание... В салоне появился наш бортмеханик и, криво улыбаясь, сообщил неприятную весть:

— Идем на вынужденную, товарищи командиры... так что... будьте здоровы...

В общем, сели! Выбрались из самолета. Необозримое снежное поле, над головами морозные яркие звезды. Звонкая, хрустальная тишина. Но откуда-то издали доносится тоскливый волчий вой. В те фронтовые зимы в белорусских лесах волков развелось предостаточно. Веселая картинка! И последний штришок к ней: машина наша, оказывается, остановилась метрах в пяти от края бывшего противотанкового рва. В третий раз за два дня улыбнулась мне фортуна!

Выяснилось, что без посторонней помощи нам отсюда не выбраться. Овчинников достал карту. Где-то поблизости числилась на его карте деревня Дряньково. А как до нее добраться?

Вдруг штабной майор говорит:

— Поглядите — вот же там живой огонек мигает!.. И собачка лает... Слышите?

Действительно, вроде слышен лай. Какая-то храбрая собачка как бы переругивается с волчьей стаей.

— Наверное, это и есть Дряньково. Если там живет собака, значит, и люди живут. Я пойду за помощью, — говорит майор. — Водка есть у кого-нибудь во фляжке?

У меня оказалась пайковая, на самом дне. Майор выпил, утер рот рукавом шинели, достал из кобуры пистолет и сказал просто: «Ну, пока!» — и пошел по целине, проваливаясь в снег по колено...

Помощь прибыла через два часа на двух санях. Запряжены в них были ледащие, но довольно шустрые лошаденки. Из первых саней вывалился здоровенный мужик без ноги, на протезе, в армейском полушубке и представился как бывший старшина-сапер, а ныне инвалид — председатель дряньковского колхоза Пустовалов Егор Матвеевич.

Полковник сказал ему:

— Что это за название для деревни: Дряньково! Непорядок, Егор Матвеевич!

— Переименуем, товарищ полковник. Дайте срок! Вот отстроимся, возродимся, можно сказать, из пепла и переименуем. Было Дряньково, станет Хорошово, а то и Распрекрасное!.. А по вашему вопросу предложение такое у меня: все для вас будет сделано в лучшем виде, но сначала надо Новый год отметить. Я тут кое-что привез с собой. Бабы наши, извините, наварили... Не шампанское Абрау-Дюрсо, конечно, но... берет крепко! И капустки захватил квашеной. Вам согреться надо, мороз-то вон как прижимает!..

Мороз действительно прижимал крепко. Достали кружки. Вы-

пили за победу, закусили отличной капусткой, а дряньковская самогонка оказалась ужасающим по крепости и отвратности пойлом. Тут Егор Матвеевич обратил внимание на полковника Гроссенберга. Он, обутый в щегольские сапоги, вышагивал вдоль нашего самолета, постукивая одной ногой о другую.

— Это что за чучело с вами?

Я объяснил Егору Матвеевичу.

— Надо бы и ему первача поднести,—подумав, сказал Егор Матвеевич, — тоже, поди, и у него печенка к ребрам примерзла! Тем более пленный. Черт с ним!

Я подошел к Гроссенбергу и спросил, не хочет ли он выпить самогонки — водки, изготовленной крестьянами деревни Дряньково, которые прибыли к нам на помощь. Полковник радостно закивал: «Данке зер! Данке зер!»

Егор Матвеевич налил полную кружку своего дьявольского питья, положил на тарелку капусты. Гроссенберг осушил кружку до дна, и... глаза у него полезли на лоб. Насилу отдышался!..

На рассвете мы поднялись и полетели. До самой Москвы полковник Гроссенберг спал, положив голову на мое плечо. При этом он так храпел, стенал и скрежетал зубами во сне, что я стал бояться, как бы он не угодил вместо Москвы в свой немецкий рай. Перед Москвой я его едва растолкал, у нашего полковника нашлись в полевой сумке таблетки от головной боли. И, в общем, мой немец, как говорится, оклемался.

Теперь позвольте мне перейти к финалу этой истории. Он произошел значительно позже, в прошлом году.

В составе одной туристской группы я поехал в ФРГ. Привезли нас в один уютный городок, название, извините, забыл. Ну, город как город. Готический собор какого-то очень дальнего века, островерхие крыши домов, аптекарская чистота на улицах. Прелесть!

Вечером приглашают на прием, устраивает фирма по производству ликеров. Про хозяина фирмы было известно только то, что он прогрессивно настроен. Являемся. Стол уже накрыт. Много бутылок и бутылочек разной формы с разными яркими этикетками.

Встречает хозяин — красивый седой господин в смокинге с крахмальной сорочкой и галстуком-бабочкой. Я пригляделся: батюшки-светы, да это же мой полковник Эдмунд фон Гроссенберг! Меня он не узнал. Начинается прием — дегустация. Налили в рюмки ликеру цвета расплавленного золота. Замечательный ликер — пахнет медом и немного лимоном.

Гроссенберг говорит:

— Вы пьете, господа, наш новый ликер. Он даже еще не имеет названия!

Я не выдержал, встал и сказал:

— Назовите этот ликер «Медуницей», господин полковник!..

Тут и он меня узнал! Подошел, улыбаясь, с рюмкой ликера в руке:

— Давайте выпьем за встречу. Этот свой ликер я обязательно назову «Медуницей», он мне действительно удался. Но должен сказать, что ваша крестьянская водка — это тоже вещь! Она произвела на меня тогда большое впечатление.

Мы посмеялись и выпили.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ОСТОРОЖНО: ДЕТИ!

Читатели «Огонька» горячо откликнулись на статью «Оставьте ребенку детство», опубликованную в № 49 за прошлый год. В ней шел разговор о том, что супруги не ладят между собой и использовали свою малолетнюю дочь Оксану как орудие семейной междоусобицы.

«К сожалению,— рассказывает в своем письме в редакцию учительница М. П. Цепова из Куйбышева,— за 28 лет работы в школе мне доводилось встречаться с детьми, вовлеченными в распри родителей. Общественность, окружающие должны бить тревогу и принимать самые решительные меры, чтобы оградить ребенка от дурного влияния».

Группа читателей из Омска, от имени которых пишет в редакцию В. Л. Киселева, подчеркивает, что воспитание детей — далеко не частное дело родителей, что государство, общество кровно заинтересованы в привитии подрастающему поколению высоких моральных качеств советского человека. А если кто-то из родителей грубо попирает наши нормы морали, оказывает разлагающее влияние на ребенка, общественность может и должна вмешиваться в дела семьи, лишать родителей их родительских прав.

В редакционной почте есть два похожих письма. Одно из них от читательницы Б. из Бийска, Алтайского края. У отца с матерью их пятеро детей, но отец пьет, и потому в семье постоянные скандалы. «Я отца ненавижу,— пишет она.— Я всегда поражалась, как только у мамы хватило терпения прожить с ним 25 лет». Аналогичное письмо пришло из Набережных Челнов от читательницы Т. Оно заканчивается словами: «Не называйте моей фамилии!» А начинается письмо категорическим заявлением: «Статью «Оставьте ребенку детство» вы не имели право печатать! Когда эту статью прочитают пьянчуги и алкаши (если они вообще что-нибудь читают), только обрадуются, автор берет их под защиту. У меня пятеро детей, а муж пьет, утверждая, что «знает норму». Еще бы — ведь он начальник, руководит коллективом, ему нельзя выходить за рамки, но семье от этого не легче».

Сразу внесем ясность: выпивох автор под защиту не брал. Пьянство — гнусный порок, первопричина многих трагедий и преступлений. Однако, обнаружив в человеке один порок, было бы несправедливо обвинять его во всех смертных грехах. Что же касается «меры» или «нормы», за которую любят прятаться выпивохи, то ее может определить лучше всех врач-нарколог, который имеется в каждом районе. Если в семье есть пьяница, то дети, по существу, оказываются сиротами при живых родителях. Но если ребенок обречен быть таким сиротой задолго до своего появления на свет, тут супруги оба повинны в одинаковой мере.

В статье речь шла все же о другом: враждующим родителям не следует втягивать в свои распри детей, понуждать их лгать и лицемерить!

Очень важную, вытекающую из обсуждаемой статьи тему затрагивает в своем письме А. Н. Ф. из Синельниковского района, Днепропетровской области. Ему еще и семнадцати не было, когда он попал на фронт, был разведчиком, прошел с боями от Воронежа до Праги, бывал тяжело ранен, но вновь возвращался в строй. Андрей Никитич — полный кавалер ордена Славы, у него много других боевых наград.

«Воевал я честно,— пишет он,— и трудился честно, никогда не лгал и не подличал. А вот в семейной жизни не повезло. Развелись мы с супругой (это было еще в те послевоенные годы), оставила она мне дочь и уехала. Через несколько лет, когда окончила институт, отняла дочь, украла прямо из школы, а в дальнейшем запретила ей видеться со мною».

Женившись вторично, А. Н. Ф. через некоторое время тоже вынужден был развестись. Описывая все это, он не ищет оправданий себе. Взаимные обиды, которые были в неудачном супружестве, постоянно мельчали, и следы их припомнить трудно. Но одна большая и страшная рана осталась на всю жизнь: личную неприязнь бывшая супруга привила дочери, не понимая, что тем самым обкрадывает ее жизнь.

Повторяю, не ищет оправданий себе автор письма. И вовсе не собственная судьба тревожит его. Он не понимает, для чего детям нести через всю жизнь тяжесть взаимной родительской неприязни и озлобленности. Какая в этом необходимость? Он вполне мог бы остаться отцом для дочерей. Ведь стал же он отцом для Виктора — некогда хилого, болезненного мальчика, сына женщины, которая стала его третьей женой... Привязавшись всей душой к пасынку, он привил ему любовь к труду, спорту, воспитал настоящего мужчину, гражданина. Отслужив в армии, Виктор женился, сам стал отцом. Своего сына он назвал Андреем — в честь деда. «Я горжусь папой,— говорит он об отчиме,— и хочу, чтобы мой сын гордился дедом». Андрею Никитичу приятно слышать такое, но тем горше сознавать, что от родных дочерей его отделяет глухая стена.

Надо подчеркнуть главную мысль, которую так или иначе подтверждают авторы писем в редакцию: не перекладывайте тяжесть своих неурядиц на слабые плечи ребенка. Помните, что присутствие ребенка делает взрослых красивыми и добрыми. Помните, что ребенок сам станет взрослым и сможет передать своим детям частицу тепла, которое получает от родителей на протяжении всей своей жизни.

С. КАЛИНИЧЕВ

Сцена из спектакля «Товарищ Любовь». Фото М. Корсунского

«Товарищ Любовь»

Поиск своих авторов, своей темы — основа репертуарной политики Киевского театра оперетты. Еще не утихли дискуссии вокруг спектаклей «Три мушкетера» и «Товарищ Любовь», а театр уже подготовил новый — «Город на заре». Опираясь на полновесный литературный материал, постановщик всех трех спектаклей, главный режиссер В. Бегма выстраивает новую эстетическую программу театра. Пока критики дискутируют о достоинствах и недостатках новых произведений, зритель, особенно молодой, с надеждой спрашивает: «Нет ли лишнего билетика?» Автор этих строк побывал на спектакле «Товарищ Любовь», когда в зале присутствовал комсомольский актив столицы. Темп спектакля, его острый ритм, молодость исполнителей создали особую атмосферу в зрительном зале. Это был не просто мюзикл, музыкальный спектакль, как обозначено в программке, а народное действо, полноправными участниками которого стали и актеры и зрители.

«Товарищ Любовь» написана В. Ильиным и Ю. Рыбчинским по пьесе К. Тренева «Любовь Яровая». В спектакле киевлян классический первоисточник не довлеет над «младшей сестрой». В постановке, осуществленной В. Бегмой, присутствуют настоящая театральность и героическая романтика.

Одним из ярких моментов в постановке стала сцена бегства. Волны белоэмигрантов накатываются на авансцену — и застывают в жутком оцепенении. Перед нами толпа мертвецов с иссиня-белыми лицами, безвольно повисшими руками. А над толпой стоит Яровой, подводящий горький итог своей жизни, через мгновение оборванной выстрелом.

В спектакле киевлян герои молоды, на наших глазах происходит становление характеров, поиск жизненного пути. Это несколько меняет психологические акценты произведения в целом. Товарищ Любовь в исполнении Т. Головчанской доверчива, сдержанна, искренна. Она более романтична, возвышенна, чем ее драматическая сестра. Роман Кошкин у Г. Горюшко узнаваем,— традиционны его основательность, вдумчивость, высокие нравственные устои... Несколько неожидан образ Павлы Пановой в исполнении Л. Запорожцевой. Внешне она лишена привычной обольстительности. Одета «под Яровую», вызывающе скромна и вместе с тем опустошительно зла. Для Пановой революция — личный враг, а Яровая — ее носитель.

Швандя артиста Д. Шевцова как нельзя более точно соответствует стилю и характеру произведения. Фигура Дуньки решена авторами буффонадно, Т. Тимошко превращает этот образ в своего рода аттракцион. Строго, почти графически рисует Ярового А. Трофимчук. В нем чувствуются сила, убежденность, но этот образ требует большей нюансировки, разнообразия, ибо излишняя прямолинейность в обрисовке врага как бы снижает героичность поступка товарища Любови, ее нравственную высоту... Крушение старого мира решается создателями спектакля в точных символах. Земной шар — единая конструкция, созданная художником В. Арефьевым, приподнимает судьбы героев до общечеловеческих. Как буря, сметает революция с земного шара атрибуты прошлого. Новый мир, мир красных косынок и красных конников, начинает свою победную поступь.

Т. СОБОЛЕВА

КРОССВОРД

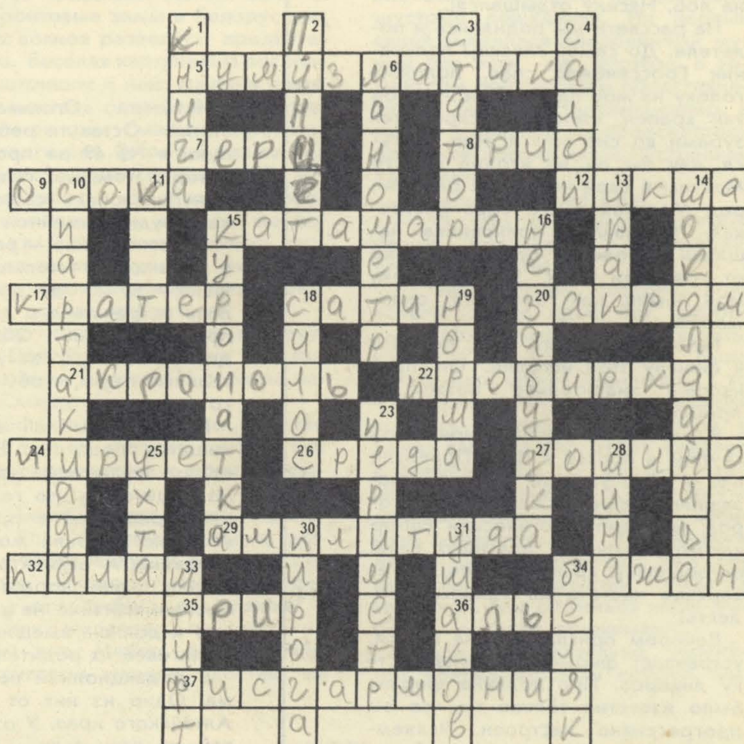
По горизонтали: 5. Наука о монетах. 7. Немецкий физик XIX века. 8. Ансамбль. 9. Многолетняя болотная трава. 12. Рыба семейства тресковых. 15. Судно с двумя корпусами. 17. Углубление на вершине или на склоне вулкана. 18. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 20. Место для хранения зерна, овощей. 21. Возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города. 22. Лабораторная посуда. 24. Полный оборот танцовщика в балете. 26. День недели. 27. Настольная игра. 29. Размах колебаний. 32. Холодное оружие. 34. Украинский советский поэт. 35. Город в ФРГ. 36. Приток Луары. 37. Клавишный инструмент.

По вертикали: 1. Печатное издание. 2. Разновидность щипцов. 3. Неподвижная часть электрической машины. 4. Один из аллюров лошади. 6. Прибор для измерения давления газов и жидкостей. 10. Спортивные состязания. 11. Вид старинной песни. 13. Государство в Азии. 14. Картина Ж. Лиотара. 15. Птица. 16. Цветок. 18. Корм для скота. 19. Опера В. Беллини. 23. Длина замкнутого контура. 25. Река в Коми АССР. 28. Взрывной снаряд. 30. Лодка у индейцев. 31. Русский флотоводец, адмирал. 33. Небольшой стержень для соединения деталей машин. 34. Заяц.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 1. Гольдони. 4. Стеффенс. 7. Бамако. 8. Тренев. 10. Нерча. 11. Ширма. 12. Аппалачи. 14. Кортик. 16. Гудрон. 17. Контур. 18. Готика. 20. Тореадор. 23. Тариф. 25. Салют. 27. Курага. 28. Кессон. 29. Атабаска. 30. Наманган.

По вертикали: 1. Гоген. 2. Домра. 3. Изотоп. 4. Сатира. 5. Финиш. 6. «Смена». 7. Барсук. 9. Вургун. 12. Аттестат. 13. Индуктор. 15. Кипр. 16. Григ. 17. Кубрик. 19. Анилин. 21. Регата. 22. Дракон. 23. Точка. 24. Ферма. 25. Сосна. 26. Таран.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студентка из Адена Дикраят Раджап. (См. в номере материал «В новом Йемене».) Фото В. Николаева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Грибоедовские материалы в Пушкинском доме. Различные издания и списки «Горя от ума», поступившие в Пушкинский дом в составе собрания литературоведа Н. К. Пиксанова * Л. Игорев. Портрет А. С. Грибоедова. 1853 год. Публикуется впервые. (См. в номере материал «Неизвестный портрет».) * Очки Грибоедова * Один из ранних портретов Грибоедова в военной форме.

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 22.01.79. А 00618. Подп. к печати 06.02.79. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд.№ 306. Заказ № 80.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

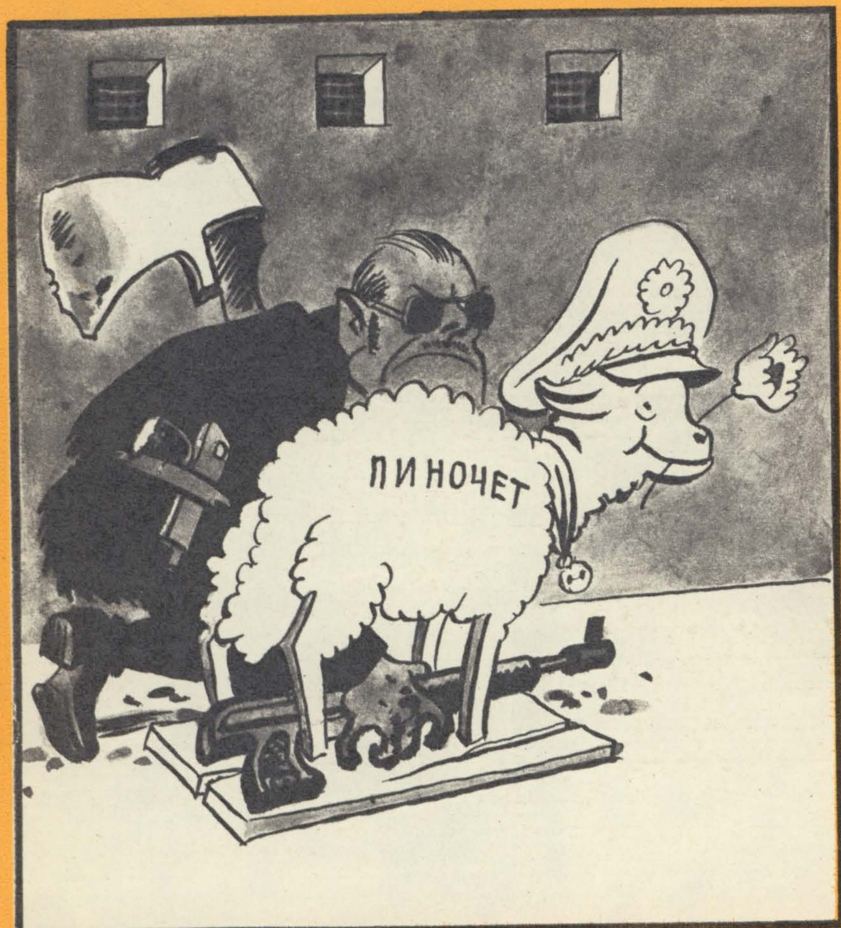

КАДРИЛЬ «НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ».

НАТОВСКИЙ ДВИГАТЕЛЬ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НЕУКЛЮЖАЯ МАСКИРОВКА.

ПЕНТАГОНОВСКИЙ АППЕТИТ.

Рисунки народного художника СССР Бор. ЕФИМОВА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663